

РОССИЯ ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

Глава 3

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА И КОНСТИТУЦИОННЫЙ МАНИФЕСТ

МОЯ РОССИЯ

Я убежден, что всякий, кто предается размышлениям о своей стране, представляет ее судьбу по-своему, такой, какой хотел бы ее видеть. В молодости у меня тоже сложилось свое собственное представление о России, которое не имело ничего общего ни с ее настоящим, ни с ее прошлым, но, как я верил, всей логикой истории должно обязательно реализоваться в будущем. К такому убеждению, как и ко многим другим, я пришел чисто интуитивно, а позже, в годы обучения в университете, оно получило подтверждение в лекциях таких профессоров, как Платонов и Сергеевич.

Читая еще в школьные годы в Ташкенте труды английского историка Бокля, я понял, что развитие страны зависит не только от устремлений ее народа, но и от географического положения в истории. Так, народ Великобритании, отрезанной от остальной Европы и в течение почти тысячи лет не знавшей иностранного нашествия, получил возможность сравнительно свободного развития. Россия, понял я, была антиподом Великобритании, и в результате история ее оказалась трагичной. Россия была жертвой постоянных нападений, сначала кочевников Азии, потом Литвы, Тевтонского ордена, Польши, Швеции и Турции. И хотя это замедлило ее политическое развитие, но в то же время укрепило чувство национального единения. И несмотря на междоусобицы князей из рода

Рюриковичей, это чувство сохранилось,— вот почему движимые им жители разных княжеств инстинктивно сплотились вокруг Москвы.

Огромную роль в развитии русского национального самосознания играла церковь. Поскольку Россия была полностью лишена возможности создать по примеру Запада светскую культуру, она обратилась вместо этого к культуре церковной, к евангельским проповедям и их толкованиям. Крайне важно при этом то, что русские с самого начала восприняли учение Христа на языке, который они понимали. И вследствие этого идеи, которые с трудом пробивали себе путь на Западе, в России сразу же пустили глубокие корни. Напрашивается параллель между поступком Феодосия Печерского, выходца из знатной боярской семьи, который, отказавшись от всех социальных привилегий, посвятил свою жизнь служению бедным и страждущим, и "хождением в народ" в XIX веке; или между русскими святыми Борисом и Глебом, которые во имя Христа отказались защищаться от убийц, подосланных их братом, князем Святополком, и Львом Толстым с его проповедью непротivления злу насилием; или, наконец, между решительным осуждением еще в XII веке Владимиром Мономахом смертной казни и публичным обращением Владимира Соловьева к Александру III с призывом отказаться от казни убийц Александра II — и не потому вовсе, что он испытывал к ним какие-либо симпатии, а потому, что считал, что новому царю следует продемонстрировать благодать православия, подтвердив тем самым величие христианского монарха, который, имея власть наказывать, выбирает путь всепрощения.

В таком подходе были и свои минусы, и свои плюсы. Его недостаток заключался в том, что, культивируя лишь стремление к богатству и равенству, Россия не смогла выработать стремления к правовому обществу.

На деле именно в этой духовной традиции коренилось враждебное отношение значительной части русской интеллигенции XIX века (особенно славянофилов и народников) к власти государства.

Чтобы понять историю России, крайне важно помнить слова Достоевского, сказавшего, что о России следует судить не по злодеяниям, совершенным во имя ее, а по идеалам и целям, за которые боролся русский народ.

Русские всегда стремились принимать участие в управлении страной. Хорошо известно, что и в Древней Руси, и в России Киева, Пскова и Новгорода существовала система управления с развитым для того времени понятием свободы, в рамках которой жизненно важную роль играло народное представительство (вече). В одной из своих эпических поэм великий поэт и личный друг Александра II А. К. Толстой описал падение Новгородской республики. Напомнив о том, что колокол, созывавший народ на вече, был увезен в Москву, он вкладывает в уста князя Владимира Киевского здравницу за древнее русское вече, за свободу и честь славян, за новгородский колокол, который хотя и валяется в грязи, но призыв его звучит в сердцах наследников.

Еще один пример — первый Земский собор при Иване Грозном*,

* Русское слово "грозный" отнюдь не означает "ужасный". Оно происходит от слова "гроза". Народ назвал его "Грозным", поскольку имя его наводило страх на врагов после побед над Казанским и Астраханским ханствами. Ссылками на Ивана Грозного стремятся зачастую подкрепить расхожие на Западе утверждения о том, что Россия — отсталая темная страна, где полностью отсутствует свобода в ее западном понимании. Конечно, он совершил немало ужасных преступлений, однако преступления такого рода совершались в те времена повсеместно по всей Европе — Филипп II в Испании, Генрих VIII и "Кровавая Мэри" в Англии, Людовик XI во Франции, Эрик в Швеции, герцог Альба — все они в равной степени виновны в совершении таких преступлений.

который в молодости решительно осуждал систему управления и социального устройства и предоставил сельскому и городскому населению право самоуправления.

Идея демократии продолжала свое развитие и в Смутное время, и на протяжении всего XVIII века. Это была главная линия, ибо того желал народ.

В Смутное время бояре предложили польскому претенденту на московский трон заключить договор, по которому запрещались бы незаконные аресты и пытки, казни без суда и другие акты произвола, а также предусматривалось, что законодательную власть он будет разделять с боярами и Земским собором. Ранее такие же условия были предъявлены князю Шуйскому перед избранием его на трон после падения Годуновых. И если во Франции Генеральные Штаты не созывались с начала правления малолетнего Людовика XIII до самой Французской революции (с 1614 по 1789 год), то в Московии цари правили совместно с Земским собором вплоть до смерти отца Петра Великого. После поездки по странам Европы Петр ввел в России ту же, общеевропейскую, систему просвещенного абсолютизма, но лишь через пять лет после смерти Петра императрица Анна, вступая на престол, согласилась с требованием Верховного тайного совета ввести некоторые "элементы" конституционного правления.

Борьба за конституцию

Идеи Французской революции незамедлительно произвели на русскую общественность огромное воздействие и имели далеко идущие последствия. Усилившееся движение за введение в России конституционной системы привело в декабре 1825 года к первому восстанию против самодержавия, которое возглавили гвардейские офицеры (декабристы).

И Александр I и Николай I осознавали необходимость освобождения крестьян, но ни тот ни другой не отважились на такой шаг, опасаясь сопротивления со стороны дворянства. Александр II, проявив большую политическую проницательность, осуществил освобождение крестьян и другие реформы, заложив тем самым основы той России, которая, вопреки попыткам повернуть ход истории вспять в период правления Александра III, вполне созрела теперь для замены устаревшего самодержавия конституционной системой.

Освобождение крестьян ознаменовало вступление России в новую стадию развития, стадию промышленного прогресса, что, в свою очередь, вело, по примеру западных стран, к созданию частных банков и строительству железных дорог. Как свидетельствовали статистические данные о состоянии промышленности, строительства и железных дорог, этот процесс в 90-х годах неуклонно нарастал. Этому в какой-то степени способствовало и обнищание крестьян и землевладельцев после неурожая 1891 года и последовавшего за ним голода. Именно этот упадок в экономике привел общественность к осознанию необходимости принять меры для обуздания реакционных деятелей в правительстве, толкавших страну на грань экономического и духовного распада.

Тому содействовал и еще один фактор: появление на сцене Сергея Ю. Витте. На этого в высшей мере талантливого человека возложили задачу преобразования экономической жизни страны. Он же играл ведущую роль в формировании внешней и внутренней политики. Устранение Витте и замена его в 1903 году непримиримым реакционером В. К. Плеве, сразу же приступившим к разрушению основ политической жизни империи, ознаменовали начало периода в русской истории, который можно рассматривать как пролог к революции 1905 года. Последствия

деятельности Плеве были столь плачевны, что в революционное движение постепенно втягивались не только наиболее прогрессивные представители земства и интеллигенции, но и рабочие, а затем и крестьяне.

Самодержавие, ставшее к тому времени не более чем пережитком российской истории, было обречено. Однако Николай II, вместо того чтобы продолжить реформы своего деда и даровать Конституцию, с помощью таких людей, как Плеве, упорно тянул страну назад, к самым мрачным временам бюрократического абсолютизма. Злосчастное правление Николая II — еще одно доказательство невозможности обратить историю вспять. На грани столетий все более широкие слои населения ощущали недовольство создавшимся положением и уповали на лучшее.

Особое возмущение вызывала абсурдная политика русификации в районах с нерусским населением. И не потому вовсе, что население русских губерний свобода других народов заботила больше, чем своя, а потому, что власти в нерусских районах открыто глумились над элементарными понятиями свободы.

Эта и другие проблемы приобрели особую остроту в начале столетия, в те годы, когда я еще находился в стенах университета. Движение за свержение самодержавия стало всенародным.

Однажды осенью 1902 года кто-то принес в университет второй номер еженедельного журнала "Освобождение", который годом ранее стал издавать в Штутгарте молодой марксист Петр Струве. Мы были поражены и взволнованы: до этого момента мы не имели ни малейшего представления о той подпольной работе, которая велась с середины 90-х годов по организации движения, официальным печатным органом которого стал этот журнал, движения, в котором земский либерализм слился с идеями интеллектуальных, либеральных, радикальных и социалистических кругов. Естественно, что статьи в этом подпольном издании не были подписаны, однако их стиль и очевидное знание того, что происходило в России, свидетельствовали о тесной связи авторов с известными и влиятельными членами либеральных и радикальных кругов. Журнал ставил перед собой цель — вести пропаганду среди образованных слоев общества в поддержку принятия в России Конституции и вскоре стал настолько популярен, что его читали даже представители властей — от губернаторов до столичных министров. Мы, студенты, прилагали невероятные усилия в поисках журнала, а раздобыв его, зачитывали до дыр, настолько интересной была собранная там информация, которой и в помине не было в легальной прессе.

К началу 1904 года вокруг журнала возникла большая подпольная организация "Союз освобождения". В ее руководство наряду с группой земских деятелей входили представители либеральной и социалистической городской интеллигенции во главе с И. И. Петрункевичем, князем Д. И. Шаховским, князем П. П. Долгоруким, Ф. М. Родичевым. Конечно же по своей молодости я не мог быть членом "Союза", куда входили наиболее видные политические деятели. Тем не менее я был одним из тех молодых людей, которые были причастны к технической стороне деятельности союза, занимаясь распространением журнала и другими подобными делами.

За несколько месяцев до моих выпускных экзаменов разразилась русско-японская война. Война началась с нападения японских миноносцев на русский флот, сосредоточенный в Порт-Артуре. Как ни странно, но это событие не породило той лихорадки патриотизма, которая охватила всю Россию позднее, в 1914 году, когда началась война с Германией. И хотя мобилизация войск для отправки на Дальний Восток прошла вполне гладко, тем не менее патриотические манифестации, состоявшиеся в столице и других городах, носили чисто формальный характер и не отличались особым энтузиазмом. Зная, что Витте, а с ним и все члены

кабинета министров, за исключением Плеве, выступали против войны, многие предчувствовали, что она принесет немало бед и катастрофические последствия. Витте сделал все, что мог, чтобы противодействовать провоенной ориентации нового царского фаворита статс-секретаря А. М. Безобразова. В конце 1901 года в Петербург с визитом прибыл крупный японский государственный деятель Хиробуми Ито в надежде урегулировать назревающий конфликт мирными средствами. Вопреки настояниям Витте, царь встретил Ито весьма холодно, и тогда он направился в Лондон для консультаций с японским послом Хаяси, который открыто ратовал за войну с Россией. Хаяси в полной мере воспользовался провалом переговоров Ито с Витте; в результате чего был подписан договор об англо-японском союзе (январь 1902 года), направленном против России. К вящему удовольствию Плеве, летом 1903 года Витте был отстранен от прямого участия в решении государственных дел, получив назначение на почетный, ничего не значащий пост. Впрочем, в самый последний момент царь неожиданно опомнился и предпринял попытку предотвратить войну. Этот эпизод нашел отражение в работе молодого русского историка Андрея Малоземова. Вот что он пишет:

— Безобразов еще не добрался до Порт-Артура, а адмирал Абаза уже направил ему вслед телеграмму со следующими инструкциями:

”Император повелел, чтобы Вы имели в виду, что Его Величество окончательно решил отдать японцам Корею, быть может даже до самых границ нашей концессии, по рекам Тумын на севере и Ялу — на западе. Проведение более четкой демаркации Японской Кореи дело более далекого будущего и должно зависеть только от России. Об этом не следует уведомлять Японию до прибытия в Забайкалье направленных из России воинских подразделений (двух бригад) с тем, чтобы это не выглядело уступкой. Император полагает, что, идя навстречу Японии в корейском вопросе, мы избежим риска конфликта с ней”. Безобразову было предписано передать эту директиву Алексееву*, которому, в свою очередь, поручалось ознакомить с ней Лессара, Павлова и Розена**. Однако Безобразов самочинно решил не делать этого***.

Некоторые считают, что причиной революции 1905 года явилась война с Японией и поражение в ней России. Неоправданность такого суждения, на мой взгляд, очевидна в свете тех событий, которые происходили в России после 1901 года и суть которых я изложил выше. Японская война не была причиной революции 1905 года. Она лишь изменила и исказила ее развитие.

После окончания университета в июне 1904 года я уехал в поместье моего будущего тестя, находившееся вблизи деревни Каинки в Казанской губернии. Там состоялось наше с Ольгой Барановской венчание, и там мы оставались вплоть до осени. Даже в те тревожные времена газеты доставлялись всего один или два раза в неделю и мы с нетерпением ждали их, чтобы поскорее узнать последние новости с театра военных действий.

Как-то в июле мы с женой отправились на прогулку в лес, захватив с собой только что полученные газеты. Первое, что бросилось нам в глаза, едва мы раскрыли газеты, это сообщение о том, что 15 июля в Санкт-Петербурге бомбой, брошенной бывшим студентом университе-

* Адмирал Е. А. Алексеев был заместителем на Дальнем Востоке.

** Барон Розен являлся русским послом в Токио, а Лессар и Павлов были русскими представителями соответственно в Пекине и Сеуле.

*** *Malozemov A. Russian Far Eastern Policy. University of California Press. 1958. P. 220.*

та Игорем Созоновым, был убит министр внутренних дел Плеве, следовавший по Забалканскому проспекту на прием к царю.

Трудно описать гамму чувств, охвативших меня, да, наверно, и очень многих других людей, узнавших об этом событии: смесь радости, облегчения и ожидания великих перемен. Когда осенью я возвратился в Санкт-Петербург, то с трудом узнал его, настолько разительно другой была царившая в нем атмосфера. Новая ситуация, создававшаяся в результате смерти Плеве, породила огромный энтузиазм и небывалое возбуждение. На пост министра внутренних дел был назначен генерал-губернатор Вильны князь П. Д. Святополк-Мирский, о котором с почтением отзывались все знавшие его. Культурный, образованный человек, он обладал взглядами, куда более современными, чем у его предшественника. Вступление на министерский пост он ознаменовал заявлением, в котором обещал проводить политику, прислушиваясь к голосу общественности, с мнением которой он, по его словам, всегда считался. Позднее его эпоха получила название "политической весны".

Вернувшись в Санкт-Петербург, я поспешил официально оформить вступление в коллегия адвокатов, с тем чтобы иметь возможность участвовать в качестве защитника в политических процессах и таким образом приступить к выполнению своих политических и профессиональных обязанностей. Моя адвокатская карьера началась, однако, с курьеза. Для вступления в коллегия необходимо было представить трех поручителей, которые хорошо бы знали кандидата и гарантировали его соответствие необходимым требованиям. Я представил бывшего губернатора, бывшего прокурора Ташкентской судебной палаты и сенатора А. Ф. Кони, члена Государственного совета, высокочтимого и в широких слоях общественности, и в среде коллег-юристов. Однако я сделал ошибку. Оказалось, что столь высокопоставленные поручители не удовлетворили членов коллегии молодых адвокатов, от решения которых зависело, буду ли я принят в адвокатское сословие. Моя кандидатура была отклонена на том основании, что все мои поручители занимали слишком высокое положение в кругах бюрократической иерархии. Поначалу я пришел в ярость и даже подумывал о том, чтобы распрощаться с идеей вступления в коллегия. Но друзья убедили меня не горячиться, изменить свое решение, и в конце концов я нашел поручителей, политически приемлемых для коллегии молодых адвокатов. Так я получил звание помощника присяжного поверенного. Ни в каких других делах, кроме политических, я участвовать не намеревался и тотчас окунулся в работу в юридической консультации. В Санкт-Петербурге, Москве и некоторых других городах существовало немало таких учреждений, которые бесплатно оказывали юридическую помощь беднякам, особенно из рабочих или отдаленных от центра кварталов. Именно там я познакомился с положением низших слоев населения, рабочего класса в особенности.

Свою работу я начал в народном доме*, организации, основанной замечательной труженицей социальной сферы графиней Софьей Паниной. Вскоре работа полностью поглотила меня. Люди, приходившие к нам за советом, в основном женщины, могли часами рассказывать о своих бедах и изливать свои многочисленные жалобы. Со временем на этой ниве подобралась группа молодых, подающих надежды адвокатов, с которыми я работал в течение многих лет; позднее, когда я стал членом правительства, один из них возглавил группу моих личных советников.

* Народный дом — организация по оказанию культурной и просветительской помощи неимущим слоям населения.

В те дни "Союз освобождения" проводил свою так называемую банкетную кампанию. В Санкт-Петербурге, Москве и других городах организовывались банкеты в ознаменование 40-й годовщины юридических реформ Александра II. Это была своеобразная политическая демонстрация представителей интеллигенции и различных профессий. На этих банкетах отводились места и для рабочих, однако они редко оказывались занятыми. Молодых, таких, как я, официально не приглашали, но мы с готовностью выполняли всякого рода секретарские обязанности, обзванивая гостей, сообщая им время начала банкета, рассылая приглашения и т. д. Банкеты стали большим событием, поскольку лейтмотивом прозвучавших на них выступлений было требование конституции.

Банкеты вызвали негодование всех государственных высших чиновников, за исключением Святополка-Мирского. И тем не менее 11 ноября члены официально запрещенного Земского съезда на тайном заседании приняли резолюцию, в которой обращались к царю с требованием установить в России конституционное правление.

Казалось, близка к осуществлению всеобщая надежда на то, что "весна" Святополка-Мирского принесет преобразования, которые хотя бы в какой-то степени удовлетворят требования самых широких кругов общественности страны. 12 декабря 1904 года был опубликован императорский Указ, предусматривавший осуществление целого ряда реформ. Его положения касались, во-первых, религиозной терпимости; во-вторых, свободы слова и реформы законов о печати; в-третьих, пересмотра трудового законодательства. Для рассмотрения этих вопросов и выработки рекомендаций были немедленно созданы комитеты под председательством членов Государственного совета и других высокопоставленных чиновников.

Вскоре после этого Синод, во главе которого в то время стоял всеми почитаемый митрополит Антоний Санкт-Петербургский, принял решение в поддержку требования о полной автономии церкви. Синодальная администрация была объявлена несоответствующей каноническому праву, а избрание патриарха предлагалось передать Церковному Собору. Это был весьма впечатляющий документ, и он произвел огромное впечатление, ибо со времен Московской Руси, когда митрополиты открыто отстаивали права народа, ни сам Синод, ни какая-либо другая церковная организация не осмеливались высказывать взгляды, расходящиеся со взглядами господствующей церкви. Для выработки Указа об автономии православной церкви были вскоре созданы так называемые "подготовительные комитеты". А после опубликования царского рескрипта были предприняты шаги к признанию старообрядческой церкви и прекращены всякие преследования старообрядцев. В меньшей степени послабления коснулись протестантских сект, таких, как баптисты и квакеры, но и их положение несколько улучшилось.

Деятельность других комитетов не была столь успешной, поскольку по истечении короткого времени, 9 января 1905 года, настроения в верхах резко изменились.

1905 ГОД

Причины, которые привели к 9 января, или Кровавому воскресенью, как его стали называть, связаны с событиями 1901 года в Москве и в какой-то мере с деятельностью дяди императора великого князя Сергея Александровича, занимавшего в то время пост генерал-губернатора. Он выступил ярким сторонником создания рабочих союзов, которые, действуя под эгидой властей, способствовали бы улучшению

положения рабочего класса. Деятельность таких союзов предоставляла властям еще и дополнительную возможность, впрочем, весьма сомнительную, приструнить промышленников, которые, занимая все более прогрессивные позиции, все чаще становились на сторону земств, разделяя их требования о замене абсолютизма конституционной монархией.

Легальные рабочие союзы, действующие под контролем полиции, были созданы начальником Московского охранного отделения С. В. Зубатовым, человеком интеллигентным, с университетским образованием. Судя по всему, он стремился повторить опыт Бисмарка в Германии, приспособив его к ситуации в России, подчеркнуто поддерживая рабочих и одновременно пытаясь выкорчевать влияние на них социалистических партий.

В 1903 году Зубатов был снят со своей должности. Новое движение оказалось чересчур "успешным", так как дело дошло до того, что некоторые полицейские агенты стали не только участниками, но даже и организаторами всеобщих забастовок. Так в Одессе, например, главным подстрекателем одной из забастовок выступил агент, некий Шавевич. Однако, несмотря на отстранение Зубатова, его планы получили странное и абсолютно непредвиденное развитие: его полицейские союзы переросли в подлинно профессиональные союзы. Во главе этого нового движения в Санкт-Петербурге стал в 1903 году молодой талантливый священник отец Георгий Гапон, совсем недавно посвященный в духовный сан. История Гапона, хорошо всем известная, закончилась трагически, однако я до сих пор не могу поверить, что он с самого начала был просто-напросто полицейским агентом. Думается, что молодой священник был искренне движим идеей служения рабочим. Вполне возможно, что позднее он попался в политическую ловушку, но я уверен, что он присоединился к рабочему движению не как сознательный полицейский провокатор. Так или иначе, но он легко находил общий язык с рабочими. Его отец был простым сельским священником, и Гапон понимал нужды простых людей и знал, как говорить с ними. Он пользовался колоссальным влиянием на массы, и движение Гапона приобрело в Санкт-Петербурге невиданный размах. Речи священника, в которых он призывал рабочих идти прямо к царю, находили глубокий отклик в сердцах слушателей, а его идея организовать массовую демонстрацию и пойти ко дворцу, чтобы изложить царю свои беды и невзгоды, немедленно получила всеобщую поддержку. Без всякого сомнения, на этой стадии Гапон пользовался значительно большим влиянием на рабочих, чем все подпольные организации и социалистические партии, вместе взятые.

Поначалу социалистические партии проявляли мало интереса к гапонскому движению. Когда же они осознали его размах, то было уже поздно что-либо противопоставить влиянию Гапона. К началу января нетерпение рабочих достигло предела и окончательно созрел план устроить шествие и вручить царю петицию. Текст петиции уже был составлен, однако полиция не предприняла никаких мер, чтобы остановить рабочих или положить конец деятельности Гапона.

Конечно же сам Святополк-Мирский мало что мог сделать, поскольку более не руководил деятельностью департамента полиции министерства внутренних дел. Эти обязанности были переданы его заместителю, бывшему начальнику московской полиции и восходящей звезде на дворцовом небосклоне генералу Д. Ф. Трепову. Генералу покровительствовала великая княгиня Елизавета, которая представила Трепова своей сестре царице, а затем и царю. Вскоре он стал при дворе всеобщим любимцем.

Накануне шествия его организаторы узнали о том, что в полицейских подразделениях и некоторых гвардейских частях объявлено состояние тревоги, и к вечеру субботы резко усилилось ощущение напряжен-

ности. Усугубили напряженность сообщения об аресте и последующем освобождении нескольких политических деятелей, которые обратились к министру внутренних дел в надежде предотвратить катастрофическое противостояние. Воскресным утром мы с моим другом еще со студенческой скамьи Александром Овсянниковым отправились на Невский проспект посмотреть на демонстрацию.

Это было удивительное зрелище. Вдоль всего Невского проспекта двигались, направляясь из рабочих районов, ряд за рядом колонны спокойных, с торжественно-важными лицами, одетых в свои лучшие одежды людей. Гапон, шедший во главе процессии, нес крест, а многие рабочие — иконы и портреты царя. Нескончаемое шествие текло весьма неспешно, и мы прошли рядом с ним вдоль всего Невского проспекта начиная с Литейного. На улицах собрались толпы людей, все хотели видеть происходящее своими глазами, все испытывали чувство необычайного волнения.

Мы уже дошли до Александровского сада, на другой стороне которого стоял Зимний дворец, когда услышали звук трубы — сигнал боевой готовности кавалерии. Не поняв, что означают звуки трубы, и не видя происходящего впереди, люди остановились. Перед ними на правой стороне улицы стоял полицейский отряд, но, не углядев в поведении полицейских каких-либо признаков враждебности, демонстранты снова медленно двинулись вперед. И вот тут-то со стороны Генерального штаба вылетел отряд кавалерии и раздались первые залпы. В этот момент открыл огонь и воинский отряд, стоявший, по-видимому, по другую сторону площади, напротив Адмиралтейства. Первый залп был произведен в воздух, второй же — в толпу, и несколько человек упали наземь. Охваченные паникой, люди стали разбегаться во всех направлениях. Вслед им летели пули, и тогда мы, прохожие, побежали со всех ног вместе с толпой. Не могу передать состояние ужаса, охватившего нас в тот момент. Было совершенно очевидно, что власти совершили чудовищную ошибку, что они абсолютно неправильно поняли умонастроения толпы. Какими бы ни были замыслы организаторов шествия, рабочие шли ко дворцу без злых намерений. Они ото всей души верили, что, когда они придут на Дворцовую площадь и станут там на колени, к ним выйдет царь или, по крайней мере, появится на балконе. Однако их встретил не царь, а пули. То была историческая ошибка, за которую высокую цену заплатили и монархия, и Россия.

Первые оценки свидетельствовали о том, что число жертв исчислялось по меньшей мере двумястами или тремястами убитых и раненых. Были немедленно вызваны кареты "скорой помощи", куда с помощью тех, кто не пострадал, укладывали раненых — мужчин, женщин, детей. Охваченная замешательством, толпа в конце концов растворилась в прилегающих улицах. Самого Гапона спасли доброжелатели: сбрав ему бороду и переодев в гражданское платье, они вывезли его из города. Из своего укрытия он обратился к рабочим, осыпая проклятиями монархию и царя.

События Кровавого воскресенья произвели коренной переворот в мышлении рабочих масс, на которые до этого времени пропаганда действовала весьма слабо. Генерал Трепов и те, кто позволил ему совершить этот безумный акт, разорвали духовные узы, которые связывали царя и простых рабочих.

Вскоре после этого коллегия адвокатов создала специальный комитет с целью оказания помощи жертвам трагедии. Для ознакомления с положением в рабочих кварталах и уточнения последствий трагических событий требовались люди. Я с энтузиазмом принял участие в этом деле. В мои обязанности входило посещение рабочих семей во всех районах

города. Именно тогда я впервые столкнулся с проблемой огромных различий в условиях жизни рабочих семей, поскольку одни проживали в сравнительно благоустроенных квартирах, а другие ютились в жалких трущобах. Жены погибших рабочих, потрясенные и растерянные, не могли понять причин происшедшего. Ведь их мужья, говорили они, отправились к дворцу с самыми лучшими намерениями. Все, чего они только хотели, это вручить царю петицию, а их встретили пулями. В сердцах этих женщин не было ни гнева, ни жажды мщения; они просто чувствовали, что произошло что-то, что изменит отныне всю их жизнь.

Как и следовало ожидать, события Кровавого воскресенья пролили воду на мельницу "левых" пропагандистов. Моя работа юрисконсульта среди рабочих и посещения рабочих семей после 9 января убедили меня в том, что в основе их пропаганды лежали ложные предпосылки, а само понятие "сознательный рабочий" отражало не реальность, а всего лишь их благие пожелания.

На меня события Кровавого воскресенья произвели огромное впечатление. В то время, когда страна находилась в состоянии войны, когда русская армия терпела поражения, отборные части императорской гвардии слепо подчинились абсурдному и чудовищному приказу стрелять в рабочих! Для меня состояние армии и ее моральные качества имели первостепенное значение. Я всегда придерживался того мнения, что народ и армию должны связывать неразрывные и здоровые узы.

Вернувшись домой и немного придя в себя, я написал письмо, обращенное к гвардейским офицерам. Не помню точно слов, но обуревавшие меня чувства я изложил достаточно определенно. Я напомнил им, что в то время как армия сражается за Россию, они дома на глазах всей Европы расстреляли беззащитных рабочих, нанеся тем самым непоправимый ущерб престижу страны за рубежом. У меня было несколько знакомых среди гвардейских офицеров, в том числе брат жены, служивший в составе первой артиллерийской бригады. Им я и направил копии своего письма с собственноручной подписью. Неприятностей не последовало. Ведь те, кому я направил свое послание, были людьми чести и никто из них не предал меня, сообщив о моем письме в полицию. Но воспоминания о событиях на Невском проспекте в то воскресное утро были столь мучительны, что с того дня я навсегда порвал всякие отношения со всеми моими друзьями и знакомыми из бюрократических кругов.

18 февраля 1905 года — весьма знаменательный день. Именно в этот день по случайному совпадению были одновременно опубликованы три в высшей степени важных документа. Насколько я знаю, никто никогда не смог объяснить с достаточной долей достоверности, почему все три были опубликованы одновременно. Первый документ — манифест Николая II, обращенный с призывом ко всем "истинно русским людям" объединиться вокруг трона и дать отпор попыткам подорвать древние основы самодержавия, без которого невозможно существование самой России. Второй документ — рескрипт новому министру внутренних дел Булыгину* разработать "совещательный" статус Думы. Третий — Указ, предписывающий Сенату принимать к рассмотрению прошения, врученные или направленные ему представителями различных слоев населения.

Эти императорские Указы всех озадачили, однако наибольшее внимание привлекло предписание о подготовке совещательного статуса Думы. Существенное значение имел и Указ о прошениях, в той его части, где любому гражданину давалось право на организацию митинга, со-

* Святополк-Мирский ушел в отставку после событий Кровавого воскресенья.

ставление петиций и обращение с ними. Однако именно этот Указ приобрел со временем совсем иное толкование. Ведь после роспуска в июле 1906 года I Думы были подвергнуты разнообразным репрессиям те, кто стал инициатором таких петиций или собирал подписи под ними.

Но лишь немногие осознали в те дни, что самым важным документом с точки зрения властей был манифест, призвавший "истинно русских людей" объединиться вокруг трона. Именно он вдохнул жизнь в крайне правое движение, которое долгое время влачило жалкое существование и спустя восемь месяцев оформилось в виде "Союза русского народа".

Принятие Треповым на себя практически диктаторских полномочий вкуче с тремя правительственными декретами от 18 февраля — осуществление одновременных мер, которые внешне имели целью удовлетворить требования народа, а по сути были направлены на подавление его воли, — все это свидетельствовало о том, что правительство быстро теряло контроль над положением. После ухода с политической арены Витте не осталось никого, кто был бы способен компетентно управлять страной.

В течение нескольких месяцев, пока шла разработка закона о новой, "совещательной" Думе, самым острым для всех слоев общества стал вопрос о том, принимать или не принимать участия в предстоящих выборах. Естественно, что с особой страстностью обсуждалась эта проблема членами "Союза освобождения", организации, которая оказывала в то время решающее влияние на формирование общественного мнения.

Собрания, на которых вырабатывались разного рода наказания, породили бесчисленное множество новых союзов. Практически вся страна "обсоюзилась". Появились союзы университетской профессуры, союзы учителей, союзы юристов, врачей и инженеров, архитекторов, актеров, работников почты, железных дорог и многие другие. Важную роль играл созданный одним из первых Союз железнодорожных служащих. Его члены придерживались строгой дисциплины и обладали великим "esprit de corps" (корпоративным духом). Союз внес огромный вклад в революцию 17 октября 1905 года*. Высокой дисциплиной и развитым чувством локтя отличался также Союз работников почт и телеграфа. Эти два союза много сделали для установления контактов между группами населения, действовавших до тех пор крайне разрозненно и разобщенно.

Все союзы (включая крестьянский) вошли в федерацию, получившую название "Союз союзов", и эта организация стала центром всего освободительного движения. В ее работе принимали участие многие члены "Союза освобождения" и многочисленные представители рабочего класса. Председателем ее был избран известный историк и видный политик профессор П. Н. Милюков.

Тем временем война вступила в завершающую стадию и после сражения при Мукдене поражение России стало очевидным. Сражение при Мукдене, продолжавшееся две недели и по числу участников крупнейшее за всю предшествующую военную историю, завершилось почти так же, как и Бородинское сражение в 1812 году. Ибо хотя формально победу в нем одержали японцы, их потери были столь велики, что они были не способны продолжать боевые действия. Вскоре после этого, поначалу при посредничестве французов, обе стороны вступили в переговоры о достижении мира. Цусимское сражение 14 мая, когда были уничтожены Тихоокеанские эскадры, вынудило Россию искать выхода из войны.

Не буду распространяться о международном аспекте мирных переговоров, отмечу лишь важную роль, которую сыграл в них французский

* Имеется в виду манифест Николая II о созыве законодательной думы и конституционных свободах. — *Прим. ред.*

министр иностранных дел Теофиль Делькассе. Учитывая растущую угрозу как для Франции, так и для Англии со стороны Германии, Франция считала крайне важным прекращение русско-японской войны. Англия же убедилась, что уже нет более необходимости защищать Индию от "северного колосса", который не планировал дальнейшей экспансии, и лучше ей обратить внимание на реального претендента на мировое господство.

Поскольку президент Теодор Рузвельт согласился на роль посредника, было решено провести мирные переговоры в Соединенных Штатах. Посредничество это в действительности носило несколько курьезный характер. Президент полностью принял сторону Японии и в ходе переговоров в Портсмуте порой был более японцем, чем сами японцы. И лишь в 1908 году он понял, что совершил ошибку, и с тех пор радикально изменил свое отношение и к Японии, и к России.

Вести мирные переговоры приходилось в исключительно трудные для России времена, в условиях полной изоляции, порожденной ее внутренней политикой, в условиях, когда симпатии практически всей Европы были на стороне Японии. Витте, которому поручили вести переговоры со стороны России, несмотря на крайне неблагоприятное отношение к нему царя, проявил себя исключительно тонким дипломатом. Соглашение, которого он добился для России, не носило унижительного характера и не предусматривало никаких крупных уступок, кроме передачи Японии половины Сахалина. Да и эта уступка была сделана по настоянию царя и вопреки более дальновидным суждениям Витте. Витте считал нужным продлить переговоры, исходя из того, что время вынудит крайне ослабленную Японию отказаться от всех своих притязаний.

Деморализация армии, которую в значительной мере усилило не всегда осознанное чувство ущемленной национальной гордости, ускорило наступление революции 17 октября.

Было предпринято немало усилий для того, чтобы помешать властям ввергнуть страну в катастрофу, но сделать можно было очень мало по той простой причине, что режим исторически изжил себя. К 1905 году в стране не осталось ни одного слоя общества, который считал бы сложившиеся условия жизни приемлемыми.

Последней отчаянной попыткой убедить царя в самоубийственности его курса было обращение, принятое в мае земствами и городами; однако царь оказался глух к нему, и страна продолжала свое движение к цели, которой веками добивался русский народ.

К осени 1905 года нормальная жизнь в стране была нарушена: в ряде мест вспыхнули забастовки, участились случаи неповиновения и бунтов среди крестьян и солдат. Для тех, кто в то время жил в Санкт-Петербурге, было очевидно: долготерпению России пришел конец.

За две или три недели до 17 октября разразилась забастовка, которая, по-видимому, с исторической точки зрения носила уникальный характер. Ибо она парализовала всю жизнь в стране. Железные дороги, почта, суды, школы, университеты — все постепенно прекратили работу. Я хорошо помню последние несколько дней: с улиц исчезли извозчики, потухли фонари и повсюду воцарилась жуткая тишина. Эта тишина нависла и над Петергофским дворцом, где в те дни жил царь со своим семейством.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ МАНИФЕСТ

За несколько дней до революции 17 октября Петергоф оказался полностью отрезанным от внешнего мира. Движение по железной дороге прекратилось. Связь с царем его министры осуществляли, либо используя военный телеграф, либо направляя морем специальных курьеров.

В случае крайней нужды министры отправлялись туда лично. В Петергофской бухте стояли на якоре два эсминца на случай, если возникнет необходимость переправить царскую семью в Англию. В таких условиях царь обратился к Витте, который незадолго перед тем вернулся с Портсмутских мирных переговоров, с просьбой подготовить доклад о создавшемся положении. Прибыв 9 октября в Петергоф, Витте вручил царю написанную им накануне, 8 октября, записку, содержание которой не предавалось гласности до тех пор, пока большевики не поместили ее текст в "Красном архиве". Среди прочего в записке говорилось: "Основной лозунг современного общественного движения в России — свобода...

Не год назад, конечно, зародилось нынешнее освободительное движение. Его корни в глубине веков — в Новгороде и Пскове, в Запорожском казачестве, в низовой вольнице Поволжья, церковном расколе, в протесте против реформ Петра... в бунте декабристов, в деле Петрашевского*.

Человек всегда стремится к свободе. Человек культурный — к свободе и праву: к свободе, регулируемой правом и правом обеспечиваемой...

Руководство требует прежде всего ясно поставленной цели. Цели идейной, высшей, всеми признаваемой.

Такая цель поставлена обществом, значение ее велико и совершенно несокрушимо, ибо в цели этой есть правда. Правительство поэтому должно ее принять. Лозунг "свобода" должен стать лозунгом правительственной деятельности. Другого исхода для спасения государства нет.

Ход исторического прогресса неудержим. Идея гражданской свободы восторжествует, если не путем реформ, то путем революции. Но в последнем случае она возродится из пепла ниспровергнутого тысячелетнего прошлого. Русский бунт, бессмысленный и беспощадный, все сметет, все повергнет в прах. Какой выйдет Россия из беспримерного испытания, — ум отказывается себе представить; ужасы русского бунта могут превзойти все то, что было в истории. Возможное чужестранное вмешательство разорвет страну на части. Попытки осуществить идеалы теоретического социализма — они будут неудачны, но они будут несомненно, — разрушат семью, выражение религиозного культа, собственность, все основы права.

Как в пятидесятых годах правительство объявило освобождение крестьян своим лозунгом, так в настоящий неизмеримо более опасный момент государственная власть не имеет выбора: ей надлежит смело и открыто стать во главе освободительного движения.

Идея гражданской свободы ничего угрожающего бытию государства в себе не заключает...

Освободительное движение порывает, правда, с формальным прошлым, но разве освобождение крестьян не было также отказом от векового прошлого?..

...Государственная власть должна быть готова вступить и на путь конституционный. Это слово не должно пугать и быть под запретом. Государственная власть должна искренно и явно стремиться к благу

* Дело Петрашевского было связано с деятельностью тайного кружка санкт-петербургских молодых интеллектуалов, которые в период с 1845 по 1848 год занимались изучением революционных идей французского социалиста Фурье. Их программа преобразования России предусматривала освобождение крестьян, введение судов присяжных и осуществление свободы печати. Некоторые из членов этого кружка, в том числе Ф. М. Достоевский, не удовлетворенные "умеренностью" большинства, обсуждали между собой планы немедленных революционных действий. Хорошо известно, что Достоевский и некоторые его сообщники были приговорены за эту деятельность к смертной казни, которая в последний момент была заменена тюремным заключением в Сибири. Роман Достоевского "Мертвый дом" основан на опыте его пребывания в Сибири.

государства, а не к сохранению той или другой формы. Пусть докажут, что благо государства в конституции,— самодержавный монарх, интересы коего не могут быть отделены от блага народного, первый, без сомнения, станет на этот путь. Опасению здесь не может быть места, и надо иметь в виду и готовиться и к этому исходу**.

Предложение Витте о Конституции было принято. Царь решил опубликовать манифест, в котором без упоминания самого слова "конституция" будет провозглашено создание нового порядка, означавшего, по сути дела, конституционную систему.

В ночь на 16 октября я услышал настойчивый звонок в дверь. Я подумал, что явилась полиция (в те дни она занималась обысками и политическими арестами), но оказалось, что звонил мой друг Овсянников. Увидев, что он охвачен лихорадочным волнением, я спросил, в чем дело. В ответ он протянул мне приложение к официальной газете "Правительственный вестник" с только что опубликованным текстом манифеста.

Манифест предусматривал:

1. Даровать населению *незыблемые основы гражданской свободы* на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив, засим, дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному порядку.

3. Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей**.

Главным принципом любой Конституции является положение о том, что верховная власть не может принять закона без одобрения представителей народа. С опубликованием манифеста абсолютная власть стала делом прошлого.

*Красный архив. М.; Л., 1925. № 4—5 (11—12). С. 51—57. Накануне опубликования Октябрьского манифеста в столице получил всеобщую известность тот факт, что граф Витте поставил перед царем альтернативу: либо установить в стране неограниченную диктатуру, либо ввести Конституцию. После того как Великий князь Николай Николаевич отказался взять на себя функции диктатора, царь принял решение о даровании Конституции.

**Свод законов Российской империи. 1829. Т. 1. Ч. 1. Ст. 1: Император всея Руси является монархом суверенным и абсолютным.

Свод законов Российской империи. 1906. Т. 1. Ч. 1. Ст. 1: Император всея Руси обладает высшей суверенной властью. Слово "абсолютной" отсутствует.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ РОМАНТИЗМ

Остаток ночи я провел в состоянии крайнего возбуждения. Казалось, завершилась многолетняя ожесточенная борьба народа за свободу, за право участвовать в решении государственных дел. Конституция перестала быть абстрактным лозунгом революционного движения. Конституция стала реальностью, краеугольным камнем новой России. Вняв мудрому совету Витте, царь нашел в себе достаточно сил, чтобы принять во внимание справедливое требование своего народа и отказаться от абсолютной власти, которую до тех пор считал своей по праву помазанника божьего. С самого начала своего правления царь упрямо противился конституционным реформам. Теперь же я чувствовал себя чуть ли не виноватым в том, что считал его прежде непримиримым врагом свободы. Теплая волна благодарности затопила мою душу, и я вновь ощутил давно утраченное чувство детского благоговения перед царем.

Ночь казалась бесконечной. Я с нетерпением ждал утра, когда смогу выбежать на Невский проспект и присоединиться к ликующим толпам — интеллигентам, промышленным рабочим, студентам, простым гражданам, которые выйдут на улицы, чтобы отпраздновать эту великую победу народа.

Однако когда я утром выбежал на Невский, то к своему недоумению обнаружил, что широкая улица абсолютно пустынна. Не веря своим глазам, я направился к Адмиралтейству и Зимнему дворцу, ожидая увидеть ликующие толпы на Дворцовой площади. Но посреди площади стояла только горстка людей с черными знаменами, на которых красными буквами было выведено: "Да здравствует анархия!"

Не оставалось ничего другого, как вернуться домой. Позвонив по телефону своим друзьям, я выяснил, что никаких манифестаций и не планировалось. А Совет рабочих депутатов, созданный в начале октября, выступил с обращением к рабочим, призывая их продолжить непримиримую борьбу с "царским самодержавием".

Поступившие на следующий день сообщения из Москвы свидетельствовали о том, что Совет рабочих депутатов был отнюдь не одинок в своем отношении к Манифесту 17 октября. В те дни в Москве проходил съезд "Союза освобождения". Ему суждено было стать последним, ибо прямо на нем большинство делегатов высказались за создание либеральной конституционно-демократической партии ("кадетов").

Вечером 17 октября, когда П. Н. Милюков выступил на съезде с речью, ему передали текст манифеста. Прервав свою речь, он вслух зачитал манифест и возобновил выступление, начав его со слов: "Ничего не изменилось. Борьба продолжается".

Я не знал, что и подумать. Ведь главной целью освободительного движения, которое возглавлял "Союз освобождения", была та самая конституция, которую сегодня, создавая партию конституционных демократов, они громогласно отвергают.

На следующий день после обнародования Манифеста состоялось несколько "патриотических" демонстраций, в основном в южных горо-

дах, спровоцированных "Союзом русского народа", организацией, которую Витте презрительно назвал "шайкой мерзавцев и головорезов". Улицы Санкт-Петербурга заполнили толпы истерически настроенных людей, несших портреты Николая II и под пение национального гимна "Боже, царя храни" выкрикивавших угрозы и грязные оскорбления в адрес евреев, революционеров и интеллигентов, что вызвало панику среди широких слоев населения. Начались погромы, подонки общества с явным удовольствием принялись за грабежи. Тысячи ни в чем не повинных людей подвергались гнусным надругательствам, а полиция делала вид, что ничего не замечает, благословляя тем самым погромы.

В начале ноября печать сообщила, что царь принял из рук главы "Союза русского народа" д-ра А. И. Дубровина знак почетного члена этой организации.

Эти тревожные события раскрыли подлинную суть манифеста 18 февраля 1905 года, который обращался ко всем "истинно русским людям" с призывом объединиться вокруг трона и защитить русское самодержавие от смутьянов. Только теперь для меня стало ясно, что этот манифест совершенно сознательно провоцировал создание дубровинского движения и подобных "патриотических" организаций. А вскоре просочились сообщения о том, что этого печально известного д-ра Дубровина в свое время представил царю не кто иной, как Великий князь Николай Николаевич. Вызывал удивление даже не сам факт возникновения ультраправых организаций и нарушения ими общественного порядка и спокойствия. В конце концов, они — сопутствующее явление повсюду, где происходят революции и социальные сдвиги. Важно было другое: то, что сам Николай II стал официальным покровителем дубровинской организации. Именно это привело меня к окончательному и неотвратимому выводу о том, что во имя спасения России, во имя ее будущего правящая монархия должна быть устранена.

Как выполнить эту задачу? Я еще не знал тогда ответа, однако решил отказаться от всех былых планов и целиком посвятить себя работе по избавлению страны от монархии.

Наряду с другими положениями Манифест 17 октября провозгласил свободу печати. Этим почти немедленно воспользовалась "Организация вооруженного восстания", созданная Н. Д. Мироновым, которая стала издавать революционный социалистический бюллетень "Буревестник". Когда мне предложили писать для него, я охотно согласился, поскольку это полностью соответствовало моему желанию работать на благо революции. Мне не терпелось изложить свои взгляды на подлинное отношение царя к конституции, принятие которой он сам провозгласил. К тому же я счел необходимым всеми силами бороться против абсурдного решения как социал-демократов, так и социалистов-революционеров о бойкоте выборов в I Думу. Я был глубоко уверен, что такое решение только играло на руку врагам демократии и, что более важно, противоречило умонастроению народа.

При поддержке молодого ученого-санскритолога Н. Д. Миронова, сына богатейшего петербургского коммерсанта, стал регулярно выходить два раза в неделю, впервые появившись 15 ноября, шестнадцатистраничный, с убористым шрифтом бюллетень. Статьи в "Буревестнике" мы подписывали псевдонимами, однако Центральному комитету партии социалистов-революционеров конечно же были известны подлинные фамилии авторов. Бюллетень имел большой успех уже после выхода первого номера, а начиная с пятого, появившегося в свет 4 декабря, издатели объявили о преобразовании "Буревестника" в печатный орган партии социалистов-революционеров.

После революции 1905 года все студенты с головой ушли в политику. Возникли многочисленные меньшевистские, большевистские, эсеровские группы, связанные и не связанные с партийными центрами. Автономия, неожиданно дарованная университетам в августе 1905 года, превратила лекционные аудитории в общественные форумы, где процветали принципы свободы слова и собраний, недоступные полицейскому вмешательству, поскольку отныне полиция не имела права входить в здание университета. Профессора были не в силах остановить поток революционного красноречия, лившегося с университетских кафедр.

Двоюродный брат моей жены, Сергей Васильев, учившийся на последнем курсе Института инженеров путей сообщения, вошел в состав студенческого комитета партии социалистов-революционеров. Вместе с А. А. Овсянниковым и Н. Д. Мироновым он создал эсеровскую группу для ведения пропагандистской работы и распространения отпечатанных на мимеографе листовок. Мы с женой разрешили им хранить их в нашей квартире — хороший поступок, так дорого обошедшийся нам впоследствии.

Я не слишком всерьез воспринимал все эти импровизированные политические группы. На мой взгляд, их деятельность носила следы временного помешательства, которое я шутливо окрестил "революционным романтизмом". Какой, например, был смысл в листовках Сергея, написанных от имени грозно звучащей "Организации вооруженного восстания"? Кому, как не мне, было знать, что ни у одного из членов группы не было огнестрельного оружия и ни о каком "восстании" в Санкт-Петербурге не было и речи.

К нам в дом часто приходила близкая подруга жены, студентка Высших женских курсов Евгения Николаевна Моисеевко. Ее брат Борис был членом специальной террористической группы, созданной при заграничном центре ЦК партии социалистов-революционеров, и я знал, что он время от времени наезжает в Россию. Эти приезды и отъезды хранились, конечно, в строжайшей тайне, однако каждый раз, приезжая в Санкт-Петербург, он умудрялся повидать сестру. Как-то в начале декабря 1905 года, когда моя жена отлучилась из комнаты, я обратился к Евгении Николаевне с просьбой назначить мне встречу где-нибудь вне стен нашего дома, но не в квартире, где она проживала вместе с подругой. Поскольку вся эта таинственность ее крайне удивила, я объяснил, что хотел бы поговорить с ней, не вызывая тревоги моей жены, относительно одного важного дела.

Когда через несколько дней мы встретились в уютном ресторанчике неподалеку от Невского проспекта, я попросил ее организовать мне встречу с ее братом, у которого я намеревался попросить разрешения принять участие в их заговоре против царя. Разговор, который мы, несмотря на волнение, вели шепотом, длился весьма долго. Поначалу она наотрез отказалась и даже встала, чтобы уйти, однако я уговорил ее остаться. Должно быть, я проявил несвойственную мне настойчивость, поскольку в конце концов она со слезами на глазах согласилась.

Спустя что-то около двух недель, уходя от нас, она с улыбкой попросила проводить ее до извозчика. Когда мы оказались наедине, она сообщила о том, что на следующий день, ровно в 5 часов дня мне следует идти по Невскому проспекту к углу Литейного в направлении Аничкова моста и там повернуть на Фонтанку. Ко мне подойдет гладко выбритый мужчина в пальто и астраханской шапке и попросит прикурить. "Захватите с собой коробку спичек. Он достанет из серебряного портсигара папиросу, и пока он будет прикуривать — изложите кратко свою просьбу. Он ответит и быстро удалится. Вы не спеша продолжите

свой путь, а потом повернете обратно, если, конечно, не заметите, что за вами кто-то идет”.

Все произошло именно так, как она сказала. Моисеенко был краток: “Через несколько дней я дам о себе знать, сам или через сестру”. Несколькими днями позднее в тот же час и на том же углу, проходя мимо меня, он проговорил, не поворачивая головы: “Ничего не получится”.

Вскоре после этого Евгения Николаевна, сославшись на слова брата, сказала, что мою просьбу отклонили, поскольку я не имел опыта революционной борьбы и поэтому на меня трудно положиться. Мне ничего не оставалось, как посмеяться при мысли, что и я оказался не кем иным, как революционным мечтателем.

Спустя 12 лет судьба снова свела меня с Борисом Моисеенко. После объявления всеобщей амнистии он возвратился в Россию и стал на фронте одним из лучших моих комиссаров. Вспоминая о тех двух нелегальных встречах зимой 1905 года, я спросил, как ему удалось в столь краткое время получить ответ от заграничного центра его партии. “А я и не обращался за границу. В то время в городе как раз находился Азеф*, лично он и отклонил вашу просьбу”. Вот так и выяснилось, что полицейский агент, находившийся в руководстве партии, намеренно отпугивал от революционной деятельности людей, которые были готовы пожертвовать собой во имя дела. Ко времени этой нашей встречи с Моисеенко я уже был знаком с Борисом Савинковым, известным террористом, вторым после Азефа руководителем террористической организации, и меня поразило сходство Савинкова и Моисеенко. Сходство, впрочем, чисто внешнее. Трудно было представить себе человека более честного, более порядочного и более скромного, чем Моисеенко. Случалось, он приходил на помощь Савинкову при самых опасных обстоятельствах и делал это, ни на секунду не задумываясь о собственной безопасности или же о своей “карьере” революционера.

Чудовищно, когда деятельность по осуществлению революционного террора становится частью партийной программы и определяет ее узкий круг людей, которые сами в этой деятельности непосредственно не участвуют и не подвергают свои жизни какому-либо риску.

Тем, кто живет нормальной жизнью в соответствии с законом, невозможно представить себе, что значит, с психологической точки зрения, совершить террористический акт. “Как вы можете возмущаться коммунистическим или нацистским террором, если сами когда-то оправдывали террор?” — спрашивали меня иногда фарисеи от политики. “В конце концов, — утверждали они, — убийство есть убийство”.

Да, и государственная система террора, и индивидуальные акты революционного терроризма лишают жизни человеческие существа. Но на этом их сходство и кончается. Что касается сути дела, то они диаметрально противоположны.

Во все времена, пока люди были способны отличить добро от зла, общественное мнение морально оправдывало и было на стороне тираноубийц, таких, как Брут, Шарлотта Корде или, у нас, в России, Егор Созонов.

И когда группа придворных и гвардейских офицеров убила 11 марта 1801 года полусумасшедшего императора Павла I, ликовал весь Санкт-Петербург, а прохожие на улицах целовали друг друга как на Пасху.

На суде убийца В. К. Плеве Созонов заявил: “Да, мы подняли меч, но мы подняли его не первыми и пошли на это после мучительных

* Евно Азеф был известным агентом-двойником, который смог возглавить террористическую организацию партии социалистов-революционеров, одновременно работая на охранку.

сомнений и душевной борьбы. Да, я виновен перед Богом. Но я спокойно жду Его приговора, ибо знаю, Его суд — это не ваш суд. Как мог я поступить иначе, если Учитель сказал: "Возьми крест свой и следуй за Мной". Не в моих силах было отказаться нести свой крест".

К 1905 году я пришел к выводу о неизбежности индивидуального террора. И я был абсолютно готов, в случае необходимости, взять на свою душу смертный грех и пойти на убийство того, кто, узурпировав верховную власть, вел страну к гибели. Много позднее, в 1915 году, выступая на тайном собрании представителей либерального и умеренно-консервативного большинства в Думе и Государственном совете, обсуждавшем политику, проводимую царем, в высшей степени консервативный либерал и монархист В. А. Маклаков сказал, что предотвратить катастрофу и спасти Россию можно, лишь повторив события 11 марта 1801 года. Различие во взглядах между мной и Маклаковым сводилось лишь ко времени, ибо я пришел к тому же выводу десятью годами раньше. И кроме того, Маклаков и его единомышленники хотели бы, чтобы за них это сделали другие. Я же полагал, что, приняв идею, должен принять на себя и всю ответственность за нее, самолично пойдя на ее выполнение.

ТЮРЬМА

К концу декабря власти пришли в себя после замешательства, и жизнь, казалось, снова пошла по "дооктябрьской" колее. Витте посчитал, что время созрело для принятия самых решительных мер. Волнения в войсках, возвращающихся из Сибири после катастрофической войны с Японией, были подавлены убежденными сторонниками железной дисциплины генералами Меллером-Закомельским и Ренненкампом*. Руководителей Санкт-Петербургского Совета рабочих депутатов, которые явно переоценили свое влияние и свою популярность, арестовали, судили и сослали в Сибирь (откуда они вскоре бежали за границу). Восстание в Москве, организованное в декабре социалистами-революционерами и социал-демократами в районе Пресни, было подавлено войсками местного гарнизона и отрядом драгун, присланным из Санкт-Петербурга. По всей стране безумствовали мерзавцы Дубровина (получившие известность как "черные сотни") и даже в Санкт-Петербурге опасались возможности погромов среди интеллигенции. По городу шныряли полицейские, время от времени производя аресты "ненадежных" рабочих, студентов, представителей интеллигенции. Свободная печать, родившаяся после опубликования манифеста, стала терять почву под ногами, однако, хоть и с трудом, но все же еще продолжала существовать. Полиция разгоняла митинги и собрания, которые, несмотря ни на что, все равно проводились. А тем временем в соответствии с положениями либерального избирательного закона от 11 декабря, разработанного при содействии Витте, продолжалась кампания по выборам в I Думу. Учитывая возросшее самосознание и влияние общественных сил, полиция все же не осмеливалась действовать полностью, как ей заблагорассудится. В жизни России началась новая эра, и общественность, осознав невозможность возвращения к прошлому, с презрением воспринимала ухищрения полиции.

Наш "Буревестник" стал одной из первых жертв полицейских репрессий. Власти стремились найти предлог для конфискации издания, однако

* Позднее виновного в разгроме русских войск (1915 год) в Восточной Пруссии.

нам всякий раз удавалось распространить весь тираж до налета полиции. То была своеобразная игра. И верх в ней одержала полиция, которая все-таки конфисковала восьмой или девятый номер бюллетеня, где, к несчастью, была опубликована моя весьма резкая статья. Этому номеру суждено было стать последним.

Я встретил весть о конфискации "Буревестника" без должного беспокойства. Приближалось Рождество, и я с удовольствием предвкушал возможность отдохнуть от лихорадочной журналистской деятельности и спокойно провести праздники в кругу семьи. Но поздно вечером 21 декабря, когда мы с женой наряжали для нашего восьмимесячного сына рождественскую елку, раздался звонок в дверь. Одновременно постучали в дверь черного хода. Это могла быть только полиция. Я немедленно поспешил к входной двери, с тем чтобы не вызвать подозрений, будто мы что-то прячем. В дверях стоял наш околоточный, тучный добродушный мужчина, который проживал по соседству с нами. Мы знали друг друга в лицо и часто при встрече обменивались замечаниями о погоде и подобных пустяках. С подчеркнутой вежливостью он попросил разрешения войти в квартиру, однако следом за ним вошли жандармский ротмистр, еще три или четыре жандарма и полицейский. В тот же момент с черного хода появилась еще одна группа полицейских в сопровождении дворника и нескольких понятых. Блюстители закона захватили нашу квартиру, словно это был вражеский бастион. Ротмистр вручил мне ордер на обыск, попросив ознакомиться с ним. В течение всего обыска, который продолжался несколько часов, ротмистр и его подчиненные вели себя абсолютно корректно. Когда полицейские вошли в детскую, ротмистр по просьбе моей жены приказал своим подчиненным не подходить к кровати, где спал наш сын Олег, и не шуметь, чтобы не разбудить его. Обыск уже подходил к концу, когда один из жандармов вдруг обнаружил под кипой газет в углу гостиной какой-то сверток. Это были листовки "Организации вооруженного восстания", о существовании которых мы с женой давным-давно забыли. После Октябрьского манифеста эти листовки потеряли всякую актуальность и казались не чем иным, как детской забавой. Однако для нашего доброго соседа эта находка, видимо, имела важное значение. Сидя с бесстрастным, спокойным лицом, он писал протокол о найденных в моей квартире вещественных доказательствах, уличающих меня в преступных действиях. Потом дал его подписать мне и двум понятым. Пока шли все эти формальности, ротмистр подписал ордер на мой арест и сообщил мне, какие вещи я имею право взять с собой. Несмотря на глубокую тревогу, моя жена отнеслась к происходящему с подчеркнутым спокойствием и даже предложила чашку чая притомившемуся околоточному и ротмистру. От усталости у них слипались глаза, и крепкий горячий чай они пили с явным удовольствием. Непосвященный никогда бы не догадался, что в этом мирном "чаепитии" принимали участие представители сторон — правда, не самого высокого ранга, — находящиеся в состоянии войны.

На сборы вещей ушло совсем немного времени, а уж попрощались мы с женой и вовсе наспех, словно боясь потерять самообладание и выказать наши истинные чувства. В тот год рождественскую елку зажгли без меня.

На улице меня не ожидала карета моих детских воспоминаний с зашторенными зелеными окнами. Вместо нее стояли самые обычные дрожки с запряженной в них жалкой клячей. Сидеть в маленьком тесном возке рядом с грузным околоточным было не очень приятно, особенно когда на крошечное сидение прямо передо мной взгромоздился здоро-

венный полицейский. Пока мы ехали по пустынным улицам, небо на востоке стало постепенно светлеть. Приближался рассвет. Никто не сказал, куда мы едем, однако когда мы переехали через Неву и за мостом повернули направо, я увидел перед собой контур печально известных Крестов*. Формальности не заняли много времени, и я почти немедленно был отведен в камеру. Мне в общем виде сообщили правила тюремного распорядка. Загремел засов на двери, и я остался один.

Камера моя была в шесть шагов длиной и в три — шириной. Дневной свет проникал в нее через крошечное оконце, расположенное на самом верху внешней стены. В камере стояли стол со стулом, кровать и конечно же ночной горшок. На потолке тусклым светом горела лампа, никогда не выключавшаяся. Тяжелая дверь была оборудована "глазком", который закрывался снаружи металлической створкой. Я никогда не знал, открыта или нет эта створка и следит ли за мной глаз тюремщика. В первые дни это бесцеремонное наблюдение вызывало наибольшее раздражение, но постепенно я перестал обращать на него внимание.

Ознакомившись с окружающей обстановкой, я ощутил ужасную усталость и буквально рухнул на узенькую койку. К счастью, через мгновение я забылся тяжелым сном.

Спустя три часа меня разбудил скрежет ключа в замочной скважине. Вошел надзиратель и сообщил, что настало время умывания. Поспешно вынув из саквояжа зубную щетку, мыло и полотенце, я последовал за надзирателем на верхнюю площадку, где уже стояла группа заключенных. Я присоединился к ним, и вскоре нас повели в общую умывальную комнату. У меня, новичка, вся процедура вызвала чувство отвращения. На умывание отпускалось пять, самое большее — десять минут. Индивидуальных умывальников не было, вместо них — длинное оцинкованное корыто с дюжиной кранов. Действуя крайне неловко, я попытался положить мыло и зубную щетку на маленькую полочку под краном. Поняв, что я новичок, мой сосед сообщил мне массу полезной информации, спросив при этом мою фамилию и номер камеры. Он, в частности, сказал, что в этой тюрьме уголовников практически не держат, большинство заключенных — политические преступники. После разговора с ним мне стало немного легче. Приятно было знать, что в тюрьме существует какое-то подобие подпольной, неофициальной жизни. Через несколько дней, вернувшись в камеру из умывальной, я неожиданно для себя обнаружил в кармане тонкий, туго скрученный листок бумаги. На нем была нарисована таблица: шесть рядов букв в алфавитном порядке, каждый ряд под своим номером — от одного до шести. Приписка внизу объясняла, как пользоваться этой системой букв для общения с другими заключенными, перестукиваясь по стене или по трубам центрального отопления. Это был специальный тюремный код, напоминающий азбуку Морзе. Основательно ознакомившись с кодом, я постучал в стену. Ответ соседа последовал немедленно и одной из первых новостей, которые я узнал от него, была та, что камера Сергея Васильева находится над моей, этажом выше.

К этому времени я уже вполне обжился в камере. Тюремные правила не отличались особой строгостью. Так, например, родственникам разрешалось передавать политическим заключенным продукты питания и сладости, а также в неограниченном количестве книги. Книги можно было также брать из прекрасной тюремной библиотеки. Как это не

* Свое название тюрьма получила потому, что построена она была в форме креста со сторожевой вышкой в центре для наблюдения за всеми четырьмя ее корпусами.

покажется странным, но я почти наслаждался своим одиночным заключением, которое предоставляло время для размышлений, для анализа прожитой жизни, для чтения книг сколько душе угодно. Дополнительное удовольствие доставляло общение и обмен новостями с Сергеем Васильевым при помощи тюремного кода. Так прошли две недели.

Закон запрещал держать арестованного в заключении более двух недель без объяснения причин ареста. Пока же мне не было предъявлено никаких обвинений. А я очень хотел бы их узнать в свете весьма странного поведения ротмистра во время моего ареста. Не задав мне ни одного вопроса относительно Сергея Васильева и его группы, ротмистр показал всем членам моей семьи, кроме меня, фотографию юной девушки, видимо, с целью ее опознания. Естественно, что никто не опознал ее, поскольку она никогда не бывала в нашем доме. Ротмистр проявил столь же мало интереса к номерам "Буревестника", сколь и к личности Сергея Васильева. Что означала вся эта возня вокруг девушки? Снова и снова обдумав всю ситуацию, я пришел к заключению, что у ротмистра были какие-то особые причины для появления в моем доме, абсолютно не связанные с найденными у меня листовками, за которые я был арестован. Тем не менее сколь-нибудь вразумительных объяснений у меня не было.

Мы были лишены права переписки, однако нам разрешалось обращаться в письменной форме к тюремному начальству. В таких случаях по нашей просьбе нам выдавали необходимые письменные принадлежности. Когда истек законный срок задержания, я направил письмо помощнику прокурора Санкт-Петербургского окружного суда, в котором сообщал, что если в течение пяти дней мне не будут предъявлены обвинения, я начну голодовку. И когда по истечении пяти дней я не получил ответа на свой запрос, я начал голодовку. От запаха пищи, ежедневно оставляемой на столике рядом с кроватью, мутилось сознание. Мучала жажда, и, уступая ей, я иногда позволял себе выпить несколько глотков воды. И вдруг все прошло. На четвертый день мною овладело полное безразличие, и я впал в полубессознательное состояние. Начались галлюцинации. Меня охватило чувство блаженного покоя. На седьмой или восьмой день в камере появились заместитель начальника тюрьмы и несколько надзирателей. Меня подняли с койки и одели, чтобы препроводить к прокурору. Я был так слаб, что с трудом переставлял ноги, и два надзирателя вынуждены были поддерживать меня. В кабинете начальника тюрьмы я увидел жандармского полковника и помощника прокурора окружного суда. После продолжительной беседы прокурор предъявил мне, в соответствии со статьями 101 и 102 второй части Уголовного кодекса, обвинение в причастности к подготовке вооруженного восстания и принадлежности к организации, ставившей своей целью свержение существующего строя. Конца предъявленного обвинения я уже не услышал, так как от слабости потерял сознание. Придя в себя, я, как того требовали правила, подписал обвинение. После этого меня отвели обратно в камеру, где меня ожидал тюремный врач. С его помощью я вскоре полностью восстановил силы, и снова потянулись тюремные будни.

Своей голодовкой я намеревался привлечь внимание общественности к фактам продолжающихся, несмотря на Октябрьский манифест, нарушений закона. Но друзья, узнавшие об этом намерении от моего "ангела" (по тюремной терминологии ангелами называли тех надзирателей, которые из чувства симпатии к политическим заключенным помогали им держать связь с внешним миром), ничего не сообщили в прессу,

опасаясь обеспокоить мою жену. Плохо же они ее знали. Имей я возможность послать сообщение о голодовке непосредственно ей, она бы немедленно опубликовала его.

Мой разговор с полковником и помощником прокурора не пролил света на таинственную причастность к моей судьбе молодой девушки. Много позднее я узнал, что к моему аресту привел донос из "надежных источников" о том, что зимой 1905 года нашу квартиру часто посещала некая Серафима К. За членство в террористической организации социалистов-революционеров она в 1903 или 1904 году была выслана в Архангельск, откуда бежала осенью 1905 года. С того времени она нелегально проживала в Санкт-Петербурге, и полиция безуспешно пыталась найти ее. Листовки же, обнаруженные в моей квартире, послужили лишь неуклюжим предлогом для ареста.

Возвращаясь мыслями к тем дням, я всегда с благодарностью думаю о нелепом случае, приведшем меня в тюрьму. Так же как долгие месяцы вынужденного безделья в период болезни оказали решающее влияние на формирование моего самосознания в детстве, так и четыре месяца уединения за счет государства расширили мой кругозор и позволили лучше разобраться в том, что происходило в стране. Теперь, полностью освободившись от юношеского романтизма, я понял что в России никогда не будет подлинной демократии до тех пор, пока ее народ не сделает сознательного шага к единению во имя достижения общей цели. Я твердо решил, что после освобождения из тюрьмы отдам все силы делу сплочения всех демократических партий в России. Освобождения оставалось ждать совсем недолго.

Политические приготовления к выборам в I Думу начались ранней весной 1906 года. Граф Витте весьма успешно противодействовал попыткам властей вмешаться в ход предвыборной кампании или оказать тайное давление на избирателей. В то время как правые организации и реакционные круги бюрократического аппарата в бессильной ярости боролись против созыва Думы, партии социал-демократов и социалистов-революционеров призывали к бойкоту выборов в Думу и подвергали резким нападкам Витте и либералов, тем самым играя на руку придворной клике. И я, и мои друзья считали эту политику левых партий абсурдной, даже преступной. К счастью, народ в целом был неколебим в своей решимости принять участие в выборах. Особенно твердой была вера крестьянства в то, что выборы дадут им возможность рассказать о своих бедах непосредственно царю. И столь же незыблемо верили они в то, что царь поможет им.

Мы, политические заключенные, сидевшие в Крестах, участвовали в избирательной кампании лишь мысленно, однако, затаив дыхание, следили за развитием событий. В середине апреля были опубликованы результаты выборов. В Думу не был избран ни один кандидат от крайне правых и даже умеренных. Консервативные конституционалисты* (руководимые А. И. Гучковым, который сам не был избран) получили 12 мест. Умеренные либералы ("Союз демократических реформ") — 75. Было избрано 18 социал-демократов. Доминирующую роль в Думе приобрела Конституционно-демократическая партия (кадеты), получившая 179 мест. Более 100 из 200 крестьянских депутатов объединились на основе упрощенной народнической программы (программы социалистов-революционеров) в "Трудовую группу". Национальные группы,

* Октябристы.

состоявшие из 35 поляков и 25 представителей других национальных меньшинств, образовали "Союз федералистов"*.

Эти свободно избранные депутаты представляли новую Россию, родившуюся в борьбе за Конституцию. Мы в тюрьме с энтузиазмом восприняли итоги выборов и многие из нас вновь предались бесплодным мечтаниям о том, что теперь наконец-то монарх заключит мир со своим народом, поскольку среди избранных депутатов нет "оголтелых" — ни правых, ни левых. Для Витте, который, несмотря на некоторые ошибки, допущенные им в короткие месяцы его правления, проявил себя как величайший государственный деятель в истории России, эти свободные выборы оказались "лебединой песней". Перед самым открытием Думы его выбросили из правительства. Реформы, которые он разрабатывал, были преданы забвению, а его место занял типичный представитель санкт-петербургской бюрократии И. Л. Горемыкин. У Горемыкина, опиравшегося на поддержку царя, не было ни малейшего желания сотрудничать с избранным составом Думы. Как бы в насмешку, он внес на рассмотрение Думы законопроект об "обновлении оранжереи Дерптского университета". Никто, однако, не придавал значения этому преднамеренному оскорблению. Все, затаив дыхание, ждали первой встречи царя с избранными представителями народа.

Открытие нового законодательного органа было отмечено высочайшим приемом в Зимнем дворце 27 апреля 1906 года в честь членов Думы и Государственного совета. В обстановке необычайной пышности, окруженный придворной знатью и великими князьями, царь зачитал с трона свое обращение. Весь Санкт-Петербург, да и вся страна ожидали, что его обращение завершится провозглашением амнистии. Но ожидания эти не оправдались.

Окна тюремного корпуса, в котором была моя камера, выходили на Неву; по ее набережной на противоположной стороне реки должны были проследовать на прием от Таврического до Зимнего дворца депутаты Думы. Мы знали об этом и в нарушение тюремных правил забрались на столы, чтобы, дотянувшись до узеньких окошек, увидеть это шествие. И когда сотни депутатов шли мимо, направляясь к Зимнему дворцу, мы стали размахивать всем чем ни попадя — носовыми платками, полотенцами, наволочками, громко крича: "Да здравствует амнистия!" Вряд ли кто из депутатов мог услышать нас, но они видели нас и некоторые помахали в ответ и что-то прокричали в знак приветствия.

Не стану останавливаться на истории I Думы, которая получила название "Дума народного гнева". Об этом уже немало было написано. Саму Думу я видел из окна тюремной камеры, а о ее кратковременной деятельности узнал только из газет.

Императорским манифестом I Дума была распущена. Законопроект о принудительном отчуждении частновладельческих земель, внесенный Конституционно-демократической партией и "Трудовой группой", оказался для Николая II "полностью неприемлемым". В случае принятия законопроекта крестьяне получили бы возможность обрабатывать земли, которые в течение ряда лет не возделывались их владельцами. На основе старого законодательства крестьяне арендовали у помещиков земли по вздутым ценам. Новый законопроект предусматривал, что компенсацию землевладельцам будет выплачивать казна.

Кровавое воскресенье 9 января 1905 года разрушило узы, связывавшие рабочих и престол. 8 июля 1906 года был нанесен смертельный

* Так у автора. — *Прим. ред.*

удар по вере крестьянства в царя как справедливого и беспристрастного защитника интересов народа.

Дума была распущена 8 июля 1906 года. А 24 июля известный государственный деятель и философ князь Евгений Трубецкой послал царю пророческое письмо. Следующие выдержки из этого письма в комментариях не нуждаются: " Я с невыразимой тревогой слежу за тем глубоким переворотом, который изо дня в день, из часа в час совершается в воззрениях и чувствах народных...

Еще во время выборов господствовало совершенно другое настроение: народ посылал выборных поведать царю свои нужды, — тогда лозунгом служило единение царя с народом. И это — вопреки пропаганде, направленной всецело к бойкоту Думы... Но то, что было не под силу пропаганде, теперь сделано злейшими врагами вашего величества — вашими советниками... Когда думская депутация не была принята вами, министры своим образом действий внушили народным массам несоответствующую действительности мысль, что государь не желает выслушивать их выборных. Министры *вместо вас* выступили с ответом на всеподданнейший адрес Думы и заговорили при этом тем языком, которым вправе выражаться только верховная власть. Узурпируя ваши полномочия, они отказали в амнистии и заранее наложили veto на аграрные проекты Думы.

Они обнажили корону. Они обнажали ее всякий раз, когда они выступали с тем или другим правительственным сообщением. Они постарались связать с именем монарха все ненавистное народу — отказ в дополнительном наделении землею путем принудительного отчуждения... полный отказ в милости политическим преступникам.

...Узнав о роспуске Думы, я был близок к отчаянию, ибо... этим нанесен страшный удар монархической идее.

Трудно себе представить ту степень сочувствия, каким пользовалась Дума среди народных масс: вокруг нее сосредоточивались народные надежды...

Государь, это не преувеличение! Стремление крестьян к земле имеет неуправляемую силу... и всякий, кто будет противиться принудительному отчуждению, будет сметен с лица земли... Теперь, когда Дума распущена, они убеждены, что причиной роспуска послужил отказ от наделения земель. И ваши советники переложили ответственность за этот отказ на монарха...

...Я вижу, как стараниями ваших министров прогрессивно ухудшается положение. Они всеми силами стараются изолировать ваш престол, лишит вас всякой поддержки и опоры. Я с ужасом вижу, что вокруг вас постепенно образуется пустота, и под вами разверзается бездна...

...Быть может, правительству удастся *теперь* репрессивными мерами подавить революционное движение, загнать его в подполье! Но да не вводят вас в заблуждение эти временные успехи. Тем ужаснее будет тот последующий и *последний* взрыв, который ниспровергнет существующий строй и сровняет с землею русскую культуру!..

Государь, тот приказной строй, который вы осудили, во всяком случае обречен на гибель. Но если вы будете медлить с его упразднением, если вы не поспешите удалить советников, воспитанных в его преданиях, вы сами будете погребены под его развалинами. А вместе с вами погибнет и наше лучшее будущее, наша надежда на мирное обновление родины"*.

И хотя за время существования I Думы взаимопонимания между царем и народом не было достигнуто, сам политический климат в этот

* Красный архив. М.; Л., 1925. Т. 3 (10). С. 300—304.

период изменился к лучшему. Несмотря на то что амнистия не была объявлена, из тюрем без излишней шумихи выпустили всех политических заключенных, либо арестованных по ошибке, либо не представлявших опасности для короны. Среди них оказались Сергей с друзьями и я. Сергею разрешили остаться в столице, мне же было запрещено проживание в течение ряда лет — забыл точное число — в Санкт-Петербурге, Москве и некоторых других крупных городах. Очевидно, такое решение было в какой-то степени связано с таинственными обстоятельствами моего ареста. Все другие члены "Организации вооруженного восстания" вернулись к нормальной жизни и политической деятельности, что же касается меня, виновного лишь в хранении в своей квартире их листовок, то моя жизнь претерпела значительные изменения.

Я поговорил с давнишней приятельницей моих родителей госпожой Тройницкой. Ее семья относилась к "среднему классу высшего общества" — определение, введенное Львом Толстым в отношении той части аристократии, которая не входила в узкий круг избранной придворной знати. Близко к сердцу приняв мои трудности, она немедленно позвонила директору департамента полиции сенатору Зволянскому, с дочерьми которого я познакомился в ее доме. Он согласился принять меня в служебном кабинете. Во время разговора он всячески утешал меня, стараясь доказать, что мои заботы — сущие пустяки. Отческим тоном он призывал меня к терпению, хотя бы до тех пор, пока утихнут страсти. Но я с безрассудством отчаяния заявил, что не могу согласиться с произвольным решением полиции и, если оно не будет отменено, потребую для себя нового ареста, возвращения в тюрьму и предъявления мне новых обвинений. В конце концов мы достигли компромисса. Распоряжение будет отменено, но мне придется отправиться к отцу в Ташкент, провести там "отпуск" и до осени не появляться в Санкт-Петербурге. Через несколько дней после этого разговора я вместе с женой и сыном отправился поездом в далекий Туркестан.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА

После окончания ташкентской ссылки я возвратился в Санкт-Петербург. Мой приезд совпал с попыткой покушения на жизнь Столыпина, предпринятой 12 августа 1906 года. Максималисты* взорвали бомбу в его летней резиденции на Аптекарском острове; погибло 32 человека, включая и преступников. Среди 22 раненых были сын и дочь Столыпина. Сам Столыпин не пострадал.

К этому времени я утратил всякую надежду на восстановление доверия между царем и народом, что казалось столь реальным после Октябрьского манифеста.

После роспуска I Думы и принятия членами бывшей Думы "Выборгского воззвания", призвавшего население к "пассивному сопротивлению" путем отказа от уплаты налогов и службы в армии, по городам и сельским районам, а также в армии прокатилась новая волна революционных волнений. Крестьянские беспорядки, охватившие Россию, были жестоко подавлены. В районах с нерусским населением, особенно в Финляндии, прибалтийских губерниях и в Польше, резко усилились антирусские настроения. По всей стране были разосланы карательные экспедиции. В городах происходили столкновения с солдатами и стачки. Особой ожесточенностью отличались еврейские погромы, организованные пресловутым "Союзом русского народа". Одним словом, казалось, что Россия вновь отброшена к мрачным временам, царившим в стране до опубликования манифеста 17 октября 1905 года.

Что касается меня, то я устал от безделья и ожидания того дня, когда смогу приступить к работе в качестве защитника на политических процессах. Я хотел использовать возможности, связанные с такой работой, для поездок по России и ознакомления на месте с настроениями населения. В свете развития политических событий такая задача становилась все более актуальной. И дело уже было вовсе не в том, чтобы понять помыслы людей: они нуждались в активной помощи. Но мои перспективы казались весьма безрадостными. Я упорно отказывался от всех гражданских и уголовных дел в надежде на участие в политическом процессе. Настроение было хуже некуда. Как же можно мне, так страстно желавшему помочь людям, отказать в этом?

Мрак в моей душе рассеялся самым неожиданным образом. В конце октября мне позвонил известный адвокат Н. Д. Соколов: "Вам выпал случай принять участие в политическом процессе". Я радостно вскричал: "Когда, где?" "Наша группа защитников отправляется в Кронштадт на крупный процесс по делу о бунте на крейсере "Память Азова". В нем замешан один из руководителей социалистов-революционеров Фундаминский-Бунаков, и мы взялись защищать его и матросов. К сожалению, в тот же день, 30 октября, начинается еще один политический процесс — в Ревеле по делу крестьян, разграбивших поместье местного барона. Вам следует отправиться в Ревель и взять это дело на себя".

* Экстремистская эсеровская группа.

”Но это невозможно! Я никогда раньше не занимался политическими делами”, — возразил я. ”Что ж, воля ваша. Вам представляется большой шанс. Решайте: либо вы воспользуетесь им, либо нет”.

”Хорошо. Еду”, — ответил я почти без колебаний. В тот же день я отправился ночным поездом в Ревель.

Всю ночь и весь следующий день, выпив, чтобы не уснуть, не одну чашку черного кофе, я страницу за страницей изучал материалы дела. Передо мной, я чувствовал, раскрывалась истинная подоплека событий. К делу были приобщены многочисленные показания свидетелей, официальные и медицинские справки, заявления обвиняемых. Два дня, оставшиеся до процесса, я потратил на тщательное изучение дела и связанных с ним политических и социальных аспектов. Положение прибалтийских крестьян было особенно тяжелым. Освобожденные Александром II, они не получили земли, а стали арендовать ее у местных землевладельцев, в большинстве своем немецких баронов, которые сохранили в отношении них часть своих феодальных прав. На волне карательных экспедиций некоторые из землевладельцев в районах волнений были назначены на почетную должность помощников уездных начальников, получив широкие полицейские полномочия, которыми безжалостно воспользовались против своих же собственных крестьян.

Данное дело касалось разграбления поместья и помещичьего дома, а также нанесенного при этом ущерба. Однако преступление крестьян блекло перед жестокостью расправы с ними. Вместо ареста и содержания до суда под стражей обвиняемых подвергли порке, а многих даже застрелили на месте. Некоторых, выбранных наугад ”козлов отпущения”, после порки потащили на скамью подсудимых. Обвинитель заявил, что главные зачинщики не могут предстать на процессе, поскольку либо сбежали, либо убиты.

В день открытия процесса я направился в окружной суд, где должно было начаться слушание дела. Местные адвокаты, возглавляемые будущим президентом Эстонской республики Я. Поской, были крайне озадачены. Вместо маститого санкт-петербургского юриста пред их очами предстал неизвестный молодой человек. (Я всегда выглядел моложе своих лет, а тогда мне было всего лишь 25.) Тем не менее они проявили ко мне дружеское расположение. Сославшись на то, что я участвовал всего в нескольких уголовных делах при поступлении в коллегия адвокатов, я попросил Поску взять на себя руководство защитой. Поска любезно отклонил мое предложение, предоставив мне тем самым полную самостоятельность. Несмотря на мою неопытность, все обошлось наилучшим образом. Мне удалось не только успешно провести защиту, но и назвать организаторов и участников карательных экспедиций. Мы выиграли дело, большинство обвиненных крестьян было оправдано. Когда я кончил свою защитительную речь, наступила тишина, а затем зал взорвался бурей аплодисментов. Председатель суда Муромцев, проявивший в ходе процесса полную беспристрастность, призвал публику к порядку, пригрозив очистить помещение, если шум не прекратится. После объявления приговора меня окружили адвокаты и родственники обвиняемых, чтобы пожать мне руку и от всей души поздравить с успехом. Я был несколько растерян. А Поска сказал: ”Почему же вы сказали нам, что никогда прежде не вели процессов? Почему не приезжали сюда раньше?” Они никак не могли поверить, что это был мой первый процесс.

Двумя днями позже, вернувшись в Санкт-Петербург, я зашел в суд и в одной из комнат, где обычно собирались адвокаты, меня приветствовали мои коллеги: ”Замечательно! Примите наши поздравления!”

”Что замечательно?” — спросил я.

”Не притворяйтесь, что не знаете. Нам ведь звонили по телефону, да и в местной печати уже опубликованы сообщения о вашей речи в Ревеле”.

Таков был мой дебют в качестве адвоката и политического оратора. Без ложной скромности могу сказать, что мои ораторские способности были признаны. Должен добавить, что никогда не писал заранее текстов выступлений и не репетировал их.

После ревельского процесса на меня со всех сторон посыпались предложения. Вплоть до осени 1912 года, до моего избрания в Думу, я редко бывал в Санкт-Петербурге. По делам службы я объездил все губернии, всю страну от Иркутска до Риги, от Санкт-Петербурга до Маргелана в Туркестане, так же, как и города Кавказа, Поволжья и Сибири.

Не все политические процессы вели адвокаты из группы политических защитников, поскольку иногда обвиняемые могли позволить себе самим выбрать защиту. За политические дела брались в ту пору такие блестящие знатоки уголовного права, как петербуржцы Андриевский, Карабчевский, Грузенберг, москвичи Маклаков, Муравьев, Ледницкий и Тесленко. Но во всех крупных российских городах были созданы специальные объединения политических адвокатов, вроде того, к которому принадлежал и я, и они-то и оказывали юридическую помощь крестьянам, рабочим и другим лицам, которые не могли позволить себе расходов на защиту. У нас не было членства, не было и устава. Согласно неофициальному соглашению, наш гонорар сводился к стоимости проезда во втором классе и суточным в размере 10 рублей. Старшие, известные и признанные, адвокаты из нашей среды принимали участие в этих благотворительных процессах реже, чем представители молодого поколения. Такого рода дела требовали особого, глубокого сострадания к обвиняемым и осознания политического значения этих процессов. Именно о такой работе я и мечтал.

Последствием революции 1905 года была волна репрессий, прокатившаяся по стране с 1906 по начало 1909 года. После подавления карательными экспедициями крестьянских и других волнений началась охота на остатки революционных организаций или, как их называли, банд. Жертв судили в военных трибуналах. Это была кампания организованного юридического террора. Она не только противоречила нормам морали, но и была абсолютно бессмысленна, поскольку революционный накал сошел на нет и люди вернулись к нормальной повседневной жизни. Однако суть дела заключалась в том, что власти не могли забыть событий 1905—1906 годов и не хотели, чтобы о них забыла и общественность.

В положении о специально созданных военных трибуналах, представленных Столыпиным 19 августа 1906 года*, юридические гарантии прав обвиняемым не были предоставлены. Учреждение этих судов вызвало в стране такую бурю возмущения, что Столыпин даже не представил положения о них на рассмотрение Думы в течение двух месяцев после ее созыва, как это предусматривалось законом.

Большинство политических дел рассматривалось в окружных военных трибуналах. Главным военным прокурором в то время был генерал Павлов, безжалостный человек, который считал, что судьи должны выполнять свой ”долг”, не обращая ни малейшего внимания на доводы защиты. Павлов продержался на своем посту недолго. Опасаясь попы-

* См. гл. 6.

ток покушения на свою жизнь, он принимал все возможные меры предосторожности. Он никогда не покидал здания Главного военного суда, где у него была и квартира, к которой прилегал сад, окруженный высоким забором. В этом-то саду он и был убит террористами.

Одним из специальных военных судей в прибалтийских губерниях был некий генерал Кошелев, снискавший недобрую славу своей патологической жестокостью. Это был настоящий садист, любивший разглядывать порнографические открытки во время заседаний суда при рассмотрении дел тех обвиняемых, которым грозил смертный приговор. В конце 1906 — начале 1907 годов он председательствовал в Риге на процессе по делу так называемой "Тукумской республики", на котором я был одним из защитников. Во время беспорядков в Тукумсе в 1905 году было убито 15 драгунов. Вскоре после начала процесса стало очевидным, что Кошелев не заинтересован в установлении истины, а лишь стремится отобрать среди обвиняемых 15 человек, чтобы повесить их в отместку за смерть драгунов. 15 человек были повешены.

Согласно правилам, в военном трибунале вместе с судьей всегда заседали четыре полковника, с которыми судья обязан был консультироваться. Предполагалось, что полковники, избравшиеся по очереди из состава местного гарнизона, будут представлять независимое жюри. Однако в прибалтийских губерниях военные власти постоянно нарушали дух и букву этого правила, назначая двух полковников из числа наиболее покладистых постоянными членами трибунала, которые сопровождали председателя трибунала на всех процессах, здесь происходивших.

Конечно, не все военные судьи походили на Кошелева. В прибалтийских губерниях было два других судьи — Арбузов и Никифоров. Никифоров являлся полной противоположностью Кошелеву. Человек глубоко верующий, он перед вынесением смертного приговора шел обычно в церковь. Осенью 1908 года он председательствовал на процессе по делу независимой террористической группы социалистов-революционеров, так называемой "Северной боевой организации". Возглавлял группу эстонец Трауберг, который утверждал, что в руководстве партии социалистов-революционеров орудует некий высокопоставленный агент-provokator. Достойное поведение Трауберга на процессе произвело большое впечатление на присутствовавших, убедившихся в том, что он говорил правду. Когда помощник прокурора Ильин, человек крайне амбициозный, попытался запугать обвиняемого, Никифоров резко осадил его: "Если Трауберг говорит это, мы должны считаться с его словами".

Были и другие добропорядочные судьи, такие, как генерал Кирилин из Санкт-Петербургского военного округа, который, несмотря на давление сверху, проводил процессы безупречно.

Я предпочитал работать в губернских военных трибуналах, где судьи были менее склонны подчиняться давлению извне. Вспоминается дело об экспроприации Миасского казначейства на юге Урала. Дело рассматривал военный трибунал в Златоусте. Как обычно, председательствовал генерал с юридическим образованием, выпускник Военно-юридической академии. В состав суда входили четыре полковника, однако на сей раз они не подверглись давлению извне.

Все обвиняемые — молодые люди, члены большевистской группы социал-демократов во главе с Алексеевым, выходцем из богатой уфимской купеческой семьи. Нам удалось доказать несостоятельность обвинения, и судья оправдал некоторых из обвиняемых.

Позднее Алексеев рассказал мне об экспроприациях, которые осуществляла его группа. Официально Ленин и большевистская печать закле-

мили экспроприации как "мелкобуржуазную практику" левых социалистов-революционеров и максималистов. "Как же так, — спросил я Алексеева. — Выходит, вы проводите экспроприации, хотя это противоречит взглядам вашей партии?"

"Очень просто, — ответил он. — По этому вопросу у нас в партии имеется специальная договоренность. Перед тем как проводить экспроприацию — примерно за две недели — мы выходим из партии, заявляя о своем несогласии с ее политикой. Это дает нам полную свободу для проведения акции. Захваченные деньги переправляются на Капри Горькому для финансирования его школы*. Через две недели мы подаем заявление о восстановлении в рядах партии, "осуждая" свои ошибки, и нас немедленно восстанавливают".

В специальном отделе по политическим делам судебной палаты приговоры утверждались большинством голосов судей, назначавшихся по рекомендации министра юстиции И. Г. Щегловитова. В частной беседе со мной председатель Санкт-Петербургской судебной палаты Н. С. Крашенинников весьма красочно живописал настроения этих судей. "Надеюсь, вы понимаете, что на всех этих политических процессах не делается и видимости служения истине. Они — отражение ожесточенной политической борьбы. То, что ваши клиенты принимают за справедливость, для меня — уголовное преступление". До революции 1905 года Крашенинников был одним из самых беспристрастных судей, однако революционные эксцессы ожесточили его и привели в ряды правых.

Мой опыт в России и позднейшие наблюдения в период заграничной ссылки утвердили меня в том, что там, где замешана политика, беспристрастность невозможна. Когда идет жестокая политическая борьба, ни один судья, по своей человеческой натуре, не может сохранить независимость суждений.

Щегловитова всячески поощрял царь, который был непримирим в политических вопросах. Показательным было его отношение к процессам о погромах, учиненных членами "Союза русского народа". Среди документов, рассмотренных Чрезвычайной комиссией Временного правительства по расследованию деятельности бывших министров и высокопоставленных чиновников, есть заявление начальника одного из департаментов министерства юстиции Лядова. Из всех прошений о помиловании, рассматривавшихся в его департаменте, утверждает Лядов, царь неизменно удовлетворял лишь те, которые подавали члены "Союза русского народа", и отвергал прошения, поданные революционерами.

В первые годы своей карьеры я вел дело Союза учителей Санкт-Петербургской губернии. Дело рассматривалось в апелляционном суде в ноябре 1907 года. Обвиняемым инкриминировались антиправительственные заявления, содержащиеся в их петициях, направленных в Сенат. Эти петиции были поданы в полном соответствии с положениями императорского Указа от 18 февраля 1905 года**. Указ призывал все группы, организации и частных лиц вносить предложения о реформах и сообщать о недостатках в деятельности правительства. Теперь же, спустя годы, их подвергли тщательному изучению и использовали против составителей. В дело оказались вовлеченными многие сельские учителя. В период послаблений, когда люди посмели свободно выражать свои взгляды, крестьяне часто делегировали сельских учителей выступать от их имени на митингах и собраниях. Представители местных

* Школа обучала и давала партийное образование руководителям будущего восстания.

** См. с. 34.

властей, в том числе директора начальных школ, выступая со стороны защиты, в своих показаниях отмечали благонамеренность учителей, с похвалой отзывались об их деятельности на сельских сходах и собраниях кооперативных обществ, особенно отмечая, что учителям нередко удавалось утихомиривать кипящие страсти. Приговор был мягким, многих учителей оправдали, но ни один из них не был восстановлен на работе. Результат этого процесса явился страшным ударом по прослойке образованных людей сельских районов Санкт-Петербургской губернии. Всем стало ясно, что Указ о петициях оказался не чем иным, как ловушкой для тех, кто принял слово царя за чистую монету. Подобных дел было немало. Так, в 1908 или 1909 году несколько служащих почт и телеграфа в Вильне были обвинены в организации всеобщей забастовки в 1905 году, до опубликования манифеста 17 октября,— забастовки, о которой многие из обвиняемых успели давно позабыть.

Однажды я выступал в Тверской губернии защитником по делу группы "Крестьянское братство". Ее руководителем был молодой крестьянин лет 25—30. У меня с ним состоялся весьма интересный и поучительный разговор. Он обладал ясным живым умом и рассматривал положение с точки зрения своих односельчан и крестьянства в целом. Он подробно рассказал о деятельности и значении своего "Братства". Несмотря на преследования, члены "Братства" продолжали отстаивать свои вполне определенные взгляды на аграрный вопрос и развитие крестьянства. Они высоко ценили образование, читали книги и местные газеты, а также участвовали в организации кооперативных обществ и других полезных начинаниях. Россия и впрямь после 1905 года значительно выросла в политическом отношении.

В военных судах солдаты охотно сотрудничали с представителями защиты и откровенно излагали причины своих поступков. На процессе военнослужащих первой гвардейской артиллерийской бригады в Санкт-Петербурге власти, например, утверждали, что подсудимые-агитаторы возбуждали среди солдат ненависть к офицерам, хотя, как говорилось в обвинительном заключении, они толком не разумели, о чем говорят. На самом же деле обвиняемые оказались вполне умными людьми и полностью отдавали себе отчет в своих поступках. Они не возражали против соблюдения дисциплины, но при условии, что офицеры будут справедливо к ним относиться.

Одним из крупнейших для меня процессов стал процесс по делу армянской партии Дашнакпутюн в 1912 году. Оно стало эпилогом в прискорбной деятельности князя Голицына* в начале столетия, в результате которой даже такие верные друзья России, как армяне, превратились в грозную революционную силу. Перед судом предстала вся армянская интеллигенция, включая писателей, врачей, юристов, банкиров и даже купцов (которые, как утверждалось, предоставляли революционерам денежные средства). Расследование длилось несколько лет. Аресты шли по всей России и в конце концов в Санкт-Петербурге был учрежден специальный сенатский суд. Некоторых обвиняемых продержали в тюрьме почти четыре года, прежде чем начались судебные заседания. Слушания открылись в январе 1912 года и продолжались до середины марта. Были опрошены шестьсот свидетелей. Опасаясь беспорядков, полиция приняла особые меры предосторожности. Суд шел при закрытых дверях, в зал заседаний не допустили

* Наместник на Кавказе.

даже родственников обвиняемых. Атмосферу накаляли всякого рода запреты.

В начале процесса один из подсудимых заявил о своей невинности. Председательствующий на процессе сенатор Кривцов вынес постановление о том, чтобы было оглашено заключение следствия, которое носило чисто обвинительный характер. Я вмешался и попросил судью назначить эксперта для изучения свидетельских показаний, которые, по моему глубокому убеждению, являлись лжесвидетельством. Озадаченный моей просьбой, Кривцов спросил: "Отдаете ли вы себе отчет в том, о чем просите и что ожидает вас в случае ошибки?"

"Да, отдаю", — ответил я без колебаний.

Была назначена экспертиза, и большую часть свидетельств признали фальшивой. Защите удалось также доказать ложность показаний и по другим пунктам обвинения. Дошло до того, что стоило мне подняться, чтобы заявить по тому или иному поводу протест, как судья утвердительно махал рукой и бормотал: "Принято". Из 145 обвиняемых 95 были оправданы, 47 получили тюремное заключение или ссылку в Сибирь и только трех приговорили к каторжным работам. Исход процесса поднял престиж России за рубежом, особенно среди армян в Турции. Следователь Лужин был обвинен в лжесвидетельстве, однако дело против него в конечном счете прекратили, после того как комиссия психиатров признала его невменяемым.

ЛЕНСКИЙ РАССТРЕЛ

Процесс по делу армян завершился в середине марта. Времени почивать на лаврах оказалось у меня немного. 4 апреля 1912 года произошли Ленские события. Поскольку они стали вехой в истории борьбы против реакционных сил в России, вкратце расскажу о них.

Могущественное англо-русское Ленское золотопромышленное товарищество занималось эксплуатацией рудников в районе реки Бодайбо в северо-восточной части Иркутской губернии. Иркутск, ближайший железнодорожный узел, находился в 2250 километрах. Золотые прииски располагались на безжизненном плоскогорье, изрезанном бесплодными долинами и бурными реками. Снег в горах лежал вплоть до конца июня, а зима наступала в конце сентября. Горнорабочие жили и работали на этом безжизненном плоскогорье в ужасающей нищете. Отсутствие средств сообщения превращало их в заключенных, полностью зависимых от компании, — она владела единственной в районе железнодорожной веткой и контролировала все движение речного транспорта. В 1911 году губернатор Иркутска полковник Бантыш, посетивший Ленские прииски, был потрясен условиями их жизни и работы и потребовал от администрации во избежание неприятностей принятия самых решительных мер. Его предупреждение осталось без внимания.

Предлог для забастовки был самым обыденным — ее объявили в знак протеста против низкого качества получаемого ими в пищу мяса, — однако это была последняя капля, переполнившая чашу терпения. И хотя рабочие были настроены крайне мирно, они тем не менее намерены были идти до конца. Управление компании решительно отказалось вести с рабочими какие-либо переговоры. Опасаясь серьезных

беспорядков и не желая удовлетворять законные требования рабочих, администрация обратилась за помощью в столицу. Департамент полиции в Санкт-Петербурге немедленно направил в район волнений для наведения порядка жандармского капитана Трещенкова. Но его методы запугивания только укрепили волю рабочих бороться за свои права. 4 апреля рабочие вместе с женами направились к административному корпусу, чтобы потребовать улучшения своего положения. Их встретили ружейными залпами. Было убито около 200 человек, еще больше ранено. Священник, срочно вызванный к умирающим, сохранил для нас в книгах местной церкви описание случившегося.

”В первой же палате я увидел раненых рабочих, без всякого ухода валявшихся на полу и на койках... Воздух раздирали стоны жертв. Мне пришлось встать на колени прямо в лужу крови, чтобы свершить последний обряд, и, едва успев отпустить грехи одному, я вынужден был обратиться к другому. Все умирающие клялись, что намерения у них были самые мирные и что они просто хотели вручить петицию. Я поверил им. Умирающий человек не лжет”.

Ленский расстрел 4 апреля 1912 года послужил сигналом для нового взрыва общественной активности и революционной агитации. Повсюду зазвучали голоса протеста — на заводах, в печати, на партийных митингах, в университетах, а также в Думе. Правительство было вынуждено назначить комиссию с широкими полномочиями для расследования на месте всех обстоятельств побоища. Главой комиссии назначили бывшего министра юстиции в кабинете Витте С. С. Манухина, пользовавшегося всеобщим уважением; он лично отправился на прииски. Однако это не удовлетворило общественное мнение; оппозиция в Думе (либералы, социал-демократы и трудовики) приняла решение послать на Лену свою комиссию. Я был назначен главой этой комиссии, к работе в которой я пригласил принять участие двух московских юристов — С. А. Кобякова и А. М. Никитина. Поездка оказалась удивительно интересной. Мы добирались до места поездом, лошадьми, пароходом и на конечном этапе путешествия — в шитике*. Красота, окружавшая нас во время поездки по Лене, не поддается описанию. На одном берегу реки стояли дома, на другом — девственные леса. На рассвете к реке на водопой спускались целыми семействами медведи.

На всем пути следования по Лене мы постоянно встречали политических ссыльных. Незабываемые часы провел я с Екатериной Брешко-Брешковской, знаменитой ”бабушкой русской революции”, которую до тех пор никогда не видел.

Положение по приезде на прииск сложилось весьма своеобразное. Правительственная комиссия во главе с сенатором Манухиным разместилась в одном из домов поселка, а через улицу в другом доме находилась штаб-квартира нашей. Обе комиссии проводили опросы и перекрестные допросы свидетелей. Обе фиксировали показания служащих и готовили отчеты. Свои зашифрованные отчеты сенатор Манухин направлял в министерство юстиции и царю. Мы же свои — по телефону в Думу и в прессу. Нет нужды говорить о том, что администрация прииска была раздосадована нашим вмешательством, однако ни сенатор, ни представители местных властей не чинили нам препятствий. Напротив, мы встретили полное понимание со стороны генерал-губернатора Восточной Сибири Князева, а иркутский губернатор Бантыш

* Лодка, напоминающая венецианскую гондолу.

и его специальный помощник А. Мейш¹ оказали нам большую помощь. В результате открытого расследования монопольное положение компании было ликвидировано, а ее администрация полностью реорганизована. Трущобы, в которых жили рабочие и их семьи, разрушили, а на их месте построили новые дома. Была повышена зарплата и значительно улучшены условия труда. Мы имели все основания испытывать чувство удовлетворения от проделанной сообща работы.

ИЗБРАНИЕ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

Я никогда не заглядывал в будущее и не строил политических планов. С самого начала политической жизни моим единственным желанием было служить своей стране. Вот почему я был захвачен врасплох, когда осенью 1910 года во время одного из процессов в Санкт-Петербурге ко мне обратились глава фракции "трудовиков" в I Думе Л. М. Брамсон и член Центрального комитета этой партии С. Знаменский с предложением баллотироваться на выборах в IV Думу по списку трудовиков. Идея стать членом Думы никогда прежде не приходила мне в голову, такое предложение поэтому было полной неожиданностью. Мне сказали, что предполагалось расширение фракции трудовиков в Думе за счет присоединения к ней других народнических групп. А также, что для избрания необходимо располагать собственностью — они посоветовали мне позаботиться о ее приобретении. Я всегда с симпатией относился к движению народников и потому без колебаний принял предложение.

Поскольку никаких связей в партии я не имел, то получил для ведения избирательной кампании крайне трудный участок — Саратовскую губернию, где в результате столыпинской избирательной реформы постоянно укреплялись позиции местного дворянства. Другим кандидатам достались такие "демократические" губернии, как Вятская и Пермская. Однако, как потом выяснилось, все другие кандидаты потерпели поражение в ходе предварительной кампании, и к осени 1912 года я оказался единственным из 15 новых кандидатов от трудовой группы.

После возвращения с Ленских приисков я отправился в уездный центр Саратовской губернии город Вольск, где мне предстояло начать предвыборную кампанию. До этого я побывал в Вольске лишь однажды, когда приезжал для оформления покупки собственности, дающей мне право баллотироваться на выборах. Вольск в те времена был живописный старинный русский город. Традиции свободолюбия и острое чувство независимости, присущее жителям, уходило в глубь истории ко временам Пугачевского крестьянского восстания конца XVIII века.

В Вольске я немедленно установил контакты с замечательными людьми самых различных профессий — судьями, врачами, чиновниками. На предвыборных собраниях я мог говорить свободно, не прибегая к революционной риторике, поскольку идеи мои находили благодатную почву в аудитории.

Новый избирательный закон отличался сложностью и его положения нарушали все нормы демократической процедуры. Депутаты избирались коллегиями выборщиков, в которых были представлены четыре группы (курии): землевладельцы, городское население, крестьяне и в некоторых округах — промышленные рабочие. Каждая курия выбирала своего

депутата в Думу, а остальные депутаты выбирались на общем губернском собрании всех курий. Я был избран депутатом на собрании от курии городских жителей. Соперников у меня не было. Такого единства было трудно достичь в крестьянской курии, так как среди зажиточных крестьян и деревенских старшин было немало желающих стать депутатом Думы. Так я стал депутатом IV Думы.

ДЕЛО МЕНДЕЛЯ БЕЙЛИСА

В связи с кризисным состоянием, сложившимся в Европе в 1912—1913 годах, жизненные интересы Российской империи диктовали ей необходимость вести более гибкую благожелательную политику в отношении нерусских народов, живших в приграничных районах.

В то время как отношения с Германией, Австро-Венгрией и Турцией быстро ухудшались, незаконная отмена конституционного режима в Финляндии привела к тому, что в прошлом лояльная страна превратилась в потенциальный плацдарм прогерманской пропаганды. Потерпела провал попытка И. Г. Щегловитова использовать процесс Дашнакцутюн для разжигания вражды к армянам, жившим на границе с Турцией. Все это ни в малой степени не смутило реакционные круги, которые полностью забыли в канун всеобщего европейского кризиса о своей ответственности за состояние дел в бескрайней империи, населенной многими разными народами. Балканские войны 1912—1913 годов стали прелюдией к первой мировой войне. Разжигание военной истерии великими державами обеих коалиций стало приобретать зловещий характер.

Приблизительно в это время в Киеве начался процесс Менделя Бейлиса. Этот простой, безгрешный человек был обвинен в совершении ритуального убийства малолетнего мальчика-христианина Андрея Ющинского. Было бы большой несправедливостью по отношению к России и ее народу, если бы я не подчеркнул, что по всей стране прокатилась огромная волна возмущения. Свой открытый протест заявили не только независимые круги общественности, но даже и общественные организации, включая чиновников министерства юстиции, которые расценили этот процесс как личное оскорбление. Высшая иерархия русской церкви решительно отказалась подтвердить, будто ритуальные убийства детей-христиан являются частью иудейской веры.

Профессия юриста — составная часть правовой системы государства, главная функция юриста — защита истины, справедливости и гражданских свобод. Мы, члены коллегии адвокатов, представляли автономный орган, и нашей обязанностью было открыто донести правду до сведения И. Г. Щегловитова и всех тех, кто искажал русскую правовую систему. Адвокатам Санкт-Петербурга следовало твердо определить свою позицию. 23 октября 1913 года, за пять дней до того, как присяжные признали Менделя Бейлиса невиновным в совершении преступления, коллегия адвокатов Санкт-Петербурга единогласно приняла следующую резолюцию:

”Пленарное заседание членов коллегии адвокатов Санкт-Петербурга считает своим профессиональным и гражданским долгом поднять голос протеста против нарушений основ правосудия, выразившихся в фабрикации процесса Бейлиса, против клеветнических нападок на еврейский народ, проводимых в рамках правопорядка и вызывающих осуждение всего цивилизованного общества, а также против возложения на суд

чуждых ему задач, а именно сеять семена расовой ненависти и межнациональной вражды.

Такое грубое попрание основ человеческого сообщества унижает и бесчестит Россию в глазах всего мира. И мы поднимаем наш голос в защиту чести и достоинства России”.

Эта резолюция имела огромный резонанс в России и, что было еще более важно, произвела глубокое впечатление за рубежом. Дело Бейлиса в значительной мере усилило антирусские настроения в Европе и Соединенных Штатах и ярко иллюстрировало антипатриотическую деятельность правящей верхушки в канун первой мировой войны. Президент Вудро Вильсон и до этого не проявлял ни понимания проблем России, ни чувств симпатии к ней. Дело Бейлиса стало последней каплей, переполнившей чашу терпения. И когда разразилась война, правительство США заняло крайне враждебную позицию в отношении России и приняло решение не оказывать ей финансовой и другой помощи.

Реакция широких кругов общественности вызвала ярость тех, кто инспирировал дело Бейлиса, и 25 видных адвокатов, подписавших резолюцию, были отданы под суд. Среди них был и я. Наш процесс открылся в окружном суде Санкт-Петербурга 3 июня и продолжался до 6 июня 1914 года — до начала войны оставалось менее восьми недель. Нас горячо поддержала пресса и общественные деятели, независимо от их политических взглядов. Несколько ранее дело Бейлиса подверг уничтожающей критике в консервативном органе печати “Киевлянин” лидер правых в Думе В. Шульгин. Хотя по своим политическим взглядам Шульгин был антисемит, однако и он не смог промолчать перед лицом постыдных обстоятельств дела Бейлиса. За это он также получил восемь месяцев тюремного заключения. Поскольку в новом Уголовном кодексе 1903 года не было статей, относящихся к нашему “преступлению”, нам вынесли обвинительный приговор согласно статье 279 закона времен Екатерины II за распространение “клеветнических” анонимных писем. Двадцать три моих коллеги получили шесть месяцев заключения в крепости. Н. Д. Соколов, как один из основных авторов, и я, как инициатор принятия резолюции, были приговорены к восьми месяцам тюремного заключения и лишению прав быть куда-либо избранными.

МАСОНЫ

Описание Толстым в “Войне и мире” роли и деятельности масонов в основном соответствует истине. В XVIII и начале XIX веков эта организация была ведущей силой в духовном и политическом развитии России, особенно после того, как в ее ложи вступили Н. И. Новиков и многие другие выдающиеся политические и государственные деятели. Среди масонов были и верующие и вольнодумцы. Поначалу Екатерина II терпимо относилась к существованию лож. Сторонница вольтерьянства и свободомыслия, императрица не была обременена “религиозными предрассудками”. Просветительская деятельность масонов выражалась в создании типографий и в пропаганде либеральных идей. В том грубо искаженном изображении масонства, которое стало общепринятым даже в просвещенных слоях общества в период царствования Николая I, весьма мало правды.

Однако Новиков вскоре подвергся репрессиям: будущий царь Павел I оказался под влиянием масонов из лиц своего ближайшего окружения, и Екатерина II имела все основания считать, что масоны намерены превратить Великого князя в свое послушное орудие. Эти репрессии

нанесли удар по русскому масонству, от которого оно так никогда и не оправилось. После восшествия на трон Павла I Новикова возвратили из ссылки и приблизили к императорскому окружению в Гатчине, где он вскоре осознал полную несовместимость своих идей с палочной дисциплиной Павла I.

Начало правления Александра I было отмечено господствующим влиянием людей, входящих в масонские ложи. Главной задачей "общества" было объединение культурной элиты России для уничтожения абсолютизма, а также освобождения крестьян — цель, к которой благожелательно относился сам царь Александр I, покровительствовавший ордену. В орден входили видные государственные деятели, такие, как либерал Сперанский и герой войн с Наполеоном Кутузов. К ложам примыкали многие из декабристов. После восстания декабристов, в период реакционного правления Николая I ложи были объявлены вне закона, однако, по-видимому, они продолжали свою деятельность подпольно. В начале XX века возродившиеся масонские общества вели работу по укреплению связей между лидерами просвещенного земства и городской интеллигенцией. В мои годы масоны в России действовали подпольно, и не только потому, что вплоть до 1905 года всякая социальная и политическая деятельность могла вестись только нелегально, но и потому, что общественность крайне недоброжелательно воспринимала всякую организацию, которая во имя достижения общей цели объединяла членов самых различных политических партий.

Первоначально я не намеревался писать о русском масонстве. Однако некоторые "разоблачения", появившиеся за последние годы в русской и нерусской прессе, объясняли падение монархии и создание Временного правительства тайной деятельностью лож. Я считал своим долгом опровергнуть такую абсурдную трактовку великих и трагических событий, которые определили величайший поворот в истории России. Во имя восстановления исторической правды я и остановлюсь кратко на этой теме*.

При отъезде из России летом 1918 года мне было поручено раскрыть суть нашей работы, без упоминания чьих-либо имен, для восстановления истины в том случае, если в прессе когда-либо появятся искажающие ее материалы. Теперь пришло время сделать это, поскольку в секретных письмах двум своим друзьям видная политическая деятельница, масонка с большим стажем Ю. Д. Кускова упоминает мое имя и сообщает другому политическому деятелю о моем членстве в ложе**.

Предложение о вступлении в масоны я получил в 1912 году, сразу же после избрания в IV Думу. После серьезных размышлений я пришел к выводу, что мои собственные цели совпадают с целями общества, и принял это предложение. Следует подчеркнуть, что общество, в которое я вступил, было не совсем обычной масонской организацией. Необычным прежде всего было то, что общество разорвало все связи с зарубежными организациями и допускало в свои ряды женщин. Далее, были ликвидированы сложный ритуал и масонская система степеней; была сохранена лишь неперемнная внутренняя дисциплина, гарантировавшая высокие моральные качества членов и их способность хранить тайну. Не велись никакие письменные отчеты, не составлялись списки членов ложи. Такое поддержа-

* При обсуждении политического устройства, работы и целей масонского общества я, подчеркиваю это обстоятельство, связан торжественной клятвой, данной при вступлении в масоны, не раскрывать имен других членов общества.

** Письма были посмертно опубликованы в работе Грегори Аронсона "Россия накануне революции". Нью-Йорк, 1962.

ние секретности не приводило к утечке информации о целях и структуре общества. Изучая в Гуверовском институте циркуляры Департамента полиции, я не обнаружил в них никаких данных о существовании нашего общества, даже в тех двух циркулярах, которые касаются меня лично*.

Основу нашего общества составляла местная ложа. Высший Совет ордена имел право создавать специальные ложи помимо территориальных. Так, была ложа в Думе, другая — для писателей и так далее. При создании каждая ложа получала полную автономию. Ни один орган ордена не имел права вмешиваться в работу ложи или в вопрос о приеме в нее новых членов. На ежегодных съездах делегаты от лож обсуждали проделанную работу и проводили выборы в Высший совет. На этих же съездах генеральный секретарь от имени Высшего совета представлял на рассмотрение делегатов доклад о достигнутых успехах с оценкой политического положения и программой действий на предстоящий год. Порой на съездах между членами одной и той же партии происходили острые столкновения мнений по таким жизненно важным проблемам, как национальный вопрос, формирование правительства, аграрная реформа. Но мы никогда не допускали, чтобы эти разногласия наносили ущерб нашей солидарности.

Такой внепартийный подход позволил достичь замечательных результатов, наиболее важный из которых — создание программы будущей демократии в России, которая в значительной мере была воплощена в жизнь Временным правительством. Бытует миф, который всячески распространяли противники Временного правительства, о том, будто некая мистическая тройка масонов навязала правительству, вопреки общественному мнению, свою программу. В действительности же положение в России и насущные нужды нашей страны обсуждались на съездах масонов людьми, которые вовсе не пытались навязать друг другу свои политические программы, а руководились лишь своей совестью в стремлении найти наилучшие решения. Мы ощущали пульс национальной жизни и всегда стремились воплотить в нашей работе чаяния народа.

В период существования IV Думы идея объединения во имя достижения общих целей получила еще большую поддержку. Повторяю еще раз: все наши усилия имели целью установление в России демократии на основе широких социальных реформ и федерального устройства государства. В последние фатальные годы распутинской власти для большин-

* Циркуляр 171902, подписанный директором Департамента полиции Брюном де Сент Ипполитом, является единственным документом, в котором упоминается масонское общество розенкрейцеров, известное в наших кругах под названием "Организация Варвары Овчинниковой", которое привело к возникновению общества под эгидой Великого князя Александра Михайловича, куда входили придворные и аристократы. — *Прим. авт.*

Кроме того, А. Ф. Керенский имеет, по-видимому, в виду циркуляр № 165377 от 16 января 1915 года, о котором говорится в письме VI отделения Департамента полиции от 30 мая 1915 года, где признается слежка за А. Ф. Керенским, "присяжным поверенным и членом фракции трудовиков", и отмечается, что его противоправительственная деятельность получила подтверждение в ходе тайного и открытого наблюдения за его деятельностью и связями. Во время своих поездок по стране Керенский, говорилось в этом письме, неоднократно встречался со многими лицами, "известными своей неблагонадежностью". Чином охраны в соответствии с циркуляром № 165377 предписывалось усилить наблюдение за А. Ф. Керенским и всю полученную информацию докладывать Департаменту полиции (см. *Kerensky A. Memoires. Russia of History Turning Point. L., 1966. P. 90—91.*) — *Прим. ред.*

ства членов общества обреченность монархии стала очевидностью, однако это не мешало монархистам принимать участие в общем деле, поскольку вопрос о будущей форме правления был подчинен решению более насущных задач.

После начала первой мировой войны встала необходимость пересмотреть всю нашу программу. Это была первая тотальная война, в которую оказались втянуты не только вооруженные силы, но и огромные массы гражданского населения. Ради достижения победы необходимо было добиться примирения между всеми классами общества, между народом и верховной властью. Моя попытка вынудить царя сделать жест доброй воли в отношении народа* была, конечно, наивна, однако другие положения новой программы на период войны были претворены в жизнь. Безоговорочная защита отечества оставалась основой нашей деятельности на весь период войны. Однако после Февральской революции разгорелись политические страсти, и внепартийное сотрудничество стало совершенно невозможным.

Во всех своих поездках в качестве защитника на политических процессах я никогда не ограничивался профессиональными делами, а всегда стремился почувствовать настроения людей и установить контакты с местными представителями различных либеральных и демократических группировок.

После моего избрания в Думу и вступления в организацию масонов расширившийся объем и особая важность моей работы привлекли к себе повышенное внимание политической полиции. В 1915 году полицейский надзор за моей деятельностью в провинции не был еще столь тщательным, каким он был в Санкт-Петербурге, и я практически не ощущал его. В столице же я был окружен секретными и несекретными агентами, чье наблюдение за мной постоянно ужесточалось.

Возможность ареста не волновала меня, хотя, скорей всего, я был бы арестован в начале 1916 года, если бы из-за внезапной болезни не прекратил на семь месяцев всякую политическую деятельность. Такую возможность нетрудно было предвидеть — неизбежный риск ареста сопутствовал той жизни, которую я вел. Однако постоянное присутствие полицейских, которые денно и нощно буквально следовали за мной по пятам, стало все больше раздражать меня.

Как-то осенью 1915 года во время обсуждения в Думе доклада Бюджетной комиссии об ассигнованиях министерству внутренних дел мне пришла в голову внезапная мысль сыграть шутку над министром**, рассказав историю, которая наверняка позабавит членов Думы и в то же время покажет им те условия, в которых вынуждены работать члены оппозиции.

Когда началось обсуждение вопроса об ассигнованиях Департаменту полиции, я поднялся и обратился к министру со следующими словами:

”Господин министр, у меня создалось впечатление, что ваш Департамент расходует чересчур много средств. Я, конечно, безмерно признателен директору Департамента полиции за заботу о моей безопасности. Я проживаю в доме, расположенном в глухом месте, и каждый раз, когда я выхожу на улицу, по обеим ее сторонам стоят по два, а то и по три человека. Нетрудно догадаться, что это за люди, поскольку и летом и зимой они носят галоши, плащи, а в руках держат зонтики. Неподалеку от них на той или другой стороне улицы стоят пролетки, на случай, если мне понадобится куда-нибудь поехать. По тем или иным соображе-

* См. гл. 8.

** А. Н. Хвостов.

ниям я предпочитаю не пользоваться этими пролетками, а иду вместо этого пешком. И когда я не спеша шествую по улице, меня сопровождают два телохранителя. Если я убыстряю шаг, сопровождающие меня компаньоны начинают задыхаться от спешки. Иногда, когда я, завернув за угол, останавливаюсь, они пулей вылетают из-за угла, натываются на меня и, ошарашенные, кидаются обратно, оставив меня без охраны. Стоит мне немного отойти от дома и сесть на извозчика, как один из стоящих на углу кидается рысью вслед за мной. В подъезде моего дома я часто застаю за беседой нескольких очаровательных людей в галошах и с зонтиками в руках. Мне представляется, господин министр, что от 15 до 20 человек выделены для того, чтобы заботиться о моей драгоценной персоне, поскольку они сменяют друг друга днем и ночью. Вы понимаете, что вам от всех них мало пользы. Почему бы вам не посоветовать директору Департамента полиции предоставить в мое распоряжение машину с шофером? Ведь тогда он будет знать все — куда, когда и с кем я направляюсь — да и мне это пойдет во благо: не придется тратить такую уйму времени на поездки по городу и так уставать от этого”.

Мой рассказ очень позабавил членов Бюджетной комиссии, а Хвостов со смехом ответил: “Если предоставить вам машину, то придется дать их и всем вашим коллегам, а это разорит казну”.

Оба эти заявления вызвали оживленные аплодисменты.

РОССИЯ НА ПУТИ К ДЕМОКРАТИИ

Краткий период между роспуском Думы в 1906 году и началом первой мировой войны был одним из важнейших для России и Европы.

Однако на Западе этот период представляется в искаженном виде. Когда истощенная и измученная войной Россия неожиданно превратилась в тоталитарную диктатуру, почти все на Западе расценили этот насильственный переворот как нормальное возвращение к "царизму", на сей раз вместо "белого" к его "красному" варианту. Однако такой переход не может считаться закономерным, ибо в последние десятилетия перед первой мировой войной в нашей стране происходили глубокие изменения в экономической, культурной и политической жизни.

Время деятельности I Думы было отмечено острой борьбой в придворных и правительственных кругах между представителями двух определенных точек зрения. Одна группа, которая связывала свои надежды с естественной антипатией царя и его супруги к Конституции, настаивала на возвращении к неограниченной монархии. В этих целях активно использовался "Союз русского народа", который, играя роль "недовольных низов" и выступая от имени больших и малых провинциальных городов, обрушивал на власти шквал требований о подавлении Думы и аннулировании Октябрьского манифеста. Другая группа, состоявшая из тех, кто не полностью утратил чувство реальности, стремилась доказать, что возвращение к неограниченной монархии было бы чистым безумием и что ликвидация народного представительства толкнет даже наиболее надежные и умеренные слои населения в лагерь революции. И уж во всяком случае, убеждали они, международное положение России того времени никак не позволяло ей резких скачков вправо.

Победила вторая группа. Вместо ликвидации народного представительства и конституции было принято решение внести изменения в избирательный закон, с тем чтобы создать в Думе устойчивое проправительственное большинство из представителей высшего класса, буржуазии, консерваторов, а также умеренно-прогрессивных элементов. Одновременно было решено немедленно осуществить радикальную земельную реформу. Цель ее — создать по примеру французов и немцев новое "третье сословие" преуспевающих фермеров взамен исчезающего высшего класса. Предполагалось, что эти шаги должны сопровождаться решительными репрессивными мерами в отношении явно хиреющего революционного движения, распадавшегося изнутри.

В канун созыва I Думы в Санкт-Петербурге стало известно о назначении нового министра внутренних дел. Им стал саратовский губернатор П. А. Столыпин, которого до этого мало кто знал. Менее чем через три месяца, сразу же после роспуска Думы, 9 июля 1906 года, Столыпин был назначен председателем Совета министров с предписанием провести в жизнь план, о котором я писал выше.

Магическое возвышение Столыпина было само по себе знамением времени. Выходец из провинциальной верхушки, он не был вхож в придворные круги и никогда не занимал каких-либо высоких долж-

ностей в правительстве. Вся его карьера прошла в провинции, где у него не было недостатка в связях с видными представителями общества и земства.

Столыпин хорошо представлял себе и высоко ценил деятельность земства. В Саратове, где я позже был избран депутатом IV Думы, он считался губернатором либеральных взглядов. Он был красноречивым оратором, а его предприимчивый характер и далеко идущие притязания позволяли ему рассчитывать на высокую политическую карьеру. Он не разделял точки зрения на Думу своего предшественника П. А. Горемыкина, который считал ее "пустой говорильней". В отличие от ограниченного и бездушного бюрократа, каким был П. А. Горемыкин, Столыпину крайне импонировала роль конституционного министра. Он охотно пользовался возможностью произносить речи в Думе, открыто обсуждать жизненно важные вопросы с оппозицией и управлять страной на основе своего правительственного большинства.

Столыпин более чем компенсировал отсутствие бойцовских качеств санкт-петербургских чиновников. Царю он нравился молодостью, уверенностью в своих силах, преданностью трону и готовностью осуществить задуманные царем противоправные изменения в избирательном законе. Руководители "Совета объединенного дворянства" видели в нем своего человека, который способен спасти от уничтожения систему землевладения высшего сословия. Октябристы и разные другие умеренные сторонники Конституции, напуганные революционными крайностями, ухватились за Столыпина, как утопающий хватается за соломинку. Они приветствовали его программу, видя в ней стремление объединить правительство с представителями умеренно-либеральных и умеренно-консервативных кругов, что, в свою очередь, способствовало бы укреплению конституционной монархии и окончательной ликвидации революционного движения. Столыпин казался им русским Тьером (Тьер — деятель, который объединил буржуазию Третьей республики во Франции после разгрома Парижской коммуны в 1871 году). Тьер, однако, исходил в своих планах из существования во Франции сильного крестьянского сословия с хорошо развитым инстинктом собственности. Такого крестьянства в России еще не существовало и для его создания потребовались бы многие десятилетия.

Я всегда выступал против Столыпина и тех, кто поддерживал его. Его тактический лозунг "Вначале умиротворение страны, а затем реформы" казался мне не только ошибочным, но и крайне опасным для судеб страны. Посол России в Лондоне граф Бенкендорф писал в Петербург, что только своевременно проведенные реформы могут принести умиротворение стране.

Однако, несмотря на ошибки и даже преступления, возможно, допущенные правительством Столыпина, остается фактом, что в его намерения не входило ни восстановление абсолютизма, ни уничтожение народного представительства — он стремился лишь к установлению в России консервативной, но строго конституционной монархии.

Его мечтой была могучая, централизованная империя, экономически здоровая и культурно развитая. "Вы хотите великих перемен,— сказал Столыпин, обращаясь к левому, наполовину социалистическому большинству II Думы.— А я хочу великую Россию".

Именно эта утопическая мечта бросила страну в океан новых потрясений. Ибо фатальная ошибка Столыпина заключалась в его непонимании реального положения России, когда высшее сословие уже перестало быть политической силой, а среднее сословие, которое еще не сформировалось как единая сила, не могло стать посредником в отношениях между правящим меньшинством и трудящимися массами.

Правда, быстрое развитие городов и промышленности вело к тому, что городское "третье сословие" начинало играть определенную роль в социальной и экономической жизни страны. В деревне же такой социальной формации не было. Выборы в I Думу показали, что крестьяне, которые в основном занимались сельским хозяйством, чтобы только прокормить самих себя, и не могли вести его на капиталистических основах, не были способны играть роль социально-консервативного сословия.

В то же время частная собственность дворян на землю практически изжила себя. Эта система стала настолько экономически неэффективной, что ее доля в общем производстве не составляла и 10 процентов. Хотели они того или нет, но и правительство и консерваторы были вынуждены в конце концов признать очевидным факт распада земельного дворянства. Единственную свою надежду на поддержание жизнедеятельности этой системы они связывали с поддержкой ее со стороны нового класса "крестьян-фермеров".

Как известно, значительная часть крестьян в России существовала в рамках общинного землепользования. Собственником земли был не крестьянин, а община (мир). Эту систему поначалу всячески защищали славянофилы, а затем народники, или популисты. Представители обоих этих мировоззрений полагали, что слабо развитое чувство частной собственности у крестьян позволит России перейти к новой, более высокой стадии развития национальной экономики, минуя ужасы западного капитализма. Выдвигая требование о "национализации" или "социализации" земли, народники были уверены, что крестьяне легко перейдут от общинной к кооперативной форме землепользования. В действительности же крестьянская община того времени имела мало общего с той идеальной общиной, которую представляли в своем воображении славянофилы и народники. С административной точки зрения община была крайне удобна для полицейского контроля или, выражаясь словами С. Ю. Витте, для надзора над крестьянами, как над малыми детьми, а также для сбора налогов, поскольку за неплательщиков долги выплачивали остальные члены общины на основе пропорционального распределения. Власти превратили общину в оплот экономической отсталости и мало-помалу лишили ее жизненных сил. К тому же принудительное членство в общине всегда вызывало раздражение у самих крестьян.

После аграрных бунтов 1905—1906 годов для всех стала очевидной необходимость ликвидации принудительных общин. Предполагалось, что после этого возникнут общины со свободной системой землепользования, некоторые из которых станут, по желанию самих крестьян, частными, некоторые — кооперативными хозяйствами. Законопроект I Думы о земельной реформе, который предусматривал решить эту проблему путем выкупа земли у частных собственников и передачи ее крестьянам, разрешил бы крестьянам самим определить будущее общинного землевладения. Это был разумный и демократический путь решения древнейшей и наиболее существенной социально-политической проблемы России.

В случае принятия законопроекта, в деревне немедленно начался бы процесс социального расслоения, и нет сомнения в том, что из недр крестьянских масс возникло бы "буржуазное" меньшинство, что позволило бы осуществить внедрение фермерской системы по французскому или по немецкому образцу.

После роспуска I Думы решение земельной проблемы перешло в руки Столыпина. 9 ноября 1906 года, приблизительно за три месяца до открытия II Думы, Столыпин, воспользовавшись статьей 87 "Основных законов" (которая предоставляет правительству право при чрезвычай-

ных обстоятельствах принимать законы между сессиями Думы и Государственного совета с последующим представлением их для ратификации), объявил о земельной реформе. Провозгласив этот свой вариант реформы, Столыпин еще раз доказал, что его политическая прозорливость уступает силе характера.

В руках Столыпина, а точнее, в руках "Совета объединенного дворянства", который поддерживал его, земельная реформа, хотя и имела здоровую основу, по сути дела, превращалась в орудие дальнейшего классового угнетения. Вместо того чтобы положить конец принудительному характеру общинной системы и законам, ущемляющим гражданские права крестьян, с тем чтобы содействовать развитию свободного фермерства, за что ратовал С. Ю. Витте, столыпинский закон насильственно ликвидировал общину в интересах крестьянского "буржуазного" меньшинства.

Реформа была проведена в жизнь чрезвычайно энергично, однако с огромными нарушениями элементарных норм закона и права. Правительство, выступившее "в поддержку сильных", экспроприировало землю, принадлежавшую общине, и передало ее тем зажиточным крестьянам, которые пожелали выйти из общины. Пренебрегая всеми условиями общинного права, правительство передало им самые плодородные земли. Новым собственникам были предоставлены займы в размере до 90 процентов от стоимости земли для обустройства и развития фермерского хозяйства.

Столыпин очень гордился своей ролью земельного реформатора. Он даже пригласил зарубежных специалистов по аграрному вопросу, с тем чтобы они изучили работу, проделанную им и его правительством в деревне.

За 5 лет, с 1907 по 1911 год, система крестьянского землепользования претерпела значительные изменения. С какими же результатами?

Выступая на заседании IV Думы с речью, в которой я подверг резкой критике политические и экономические последствия столыпинской реформы, я процитировал слова хорошо известного немецкого эксперта по аграрному вопросу профессора Ауфхагена. После посещения большого числа русских деревень он писал: "Своей земельной реформой Столыпин разжег в деревне пламя гражданской войны". По словам П. Н. Милюкова, другой зарубежный ученый, ярый сторонник Столыпина, профессор Приор, который тоже тщательно изучил земельную реформу, пришел к выводу, что цель реформы не была достигнута. И действительно, несмотря на все льготы и привилегии, к 1 января 1915 года лишь 2 719 000 крестьянских хозяйств можно было причислить к разряду частных владений (22—24 процента пригодных к обработке земель).

В большинстве своем крестьяне заняли неблагоприятную и даже враждебную позицию в отношении столыпинской реформы, руководствуясь двумя соображениями. Во-первых, и это самое главное, крестьяне не хотели идти против общины, а столыпинская идея о "поддержке сильных" противоречила крестьянскому взгляду на жизнь. Крестьянин не желал превращаться в полусобственника земли за счет своих соседей.

Во-вторых, более свободная политическая атмосфера, порожденная манифестом 17 октября, открывала перед крестьянством новые возможности экономического развития с помощью кооперативной системы, что более соответствовало крестьянскому складу ума.

Придя к власти, Столыпин обязался подавить революционное движение и умиротворить страну. И в этом отношении, как и в аграрном вопросе, он вновь продемонстрировал сильный характер и недостаточную политическую прозорливость.

К этому времени в России наступил период успокоения, естественным путем умирало революционное движение. Манифест 17 октября проложил путь к свободе и плодотворной политической деятельности. Так называемые крайности в период беспорядков, такие, как ограбление банков для "нужд" революционеров, убийства мелких чиновников как "врагов народа" и тому подобное поначалу вызывали у общественности замешательство, а затем негодование и осуждение. Вместо того чтобы, воспользовавшись такими настроениями людей, загасить тлеющие искры революционного пожара, сняв для этого напряжение в стране и вернув ее к нормальной жизни, Столыпин со всей силой обрушился на тех, кого сам ход событий уже сделал безвредными. Меры, которые первоначально предполагалось использовать для защиты страны от кратковременного народного взрыва, вскоре в руках победителей превратились в орудия личной мести. И чем спокойнее становилась обстановка в стране, тем скорее росло число арестованных, осужденных, высланных или казненных.

С помощью своей безжалостной политики "умиротворения" Столыпин рассчитывал завоевать поддержку большинства населения. Однако достиг он прямо противоположных результатов, и чем решительнее и тверже становилась его политика, тем решительнее звучали против нее протесты. Первые два или три года, следовавшие за роспуском I Думы, часто называли эрой "белого террора". В наши дни такое определение столыпинской политики звучит несколько странно. После выстраданного опыта тоталитарных режимов в Европе и России называть Столыпина правителем-террористом столь же нелепо, как сравнивать любительское пение с совершенным артистизмом Шаляпина. За это говорит хотя бы тот факт, что число невинных заложников, расстрелянных в России всего за один день после покушения Каплан на жизнь Ленина, значительно превысило число приговоренных к повешению столыпинскими "скорострельными" военно-полевыми судами за все восемь месяцев их существования. Да и сами репрессии Столыпина были направлены против сравнительно небольшого слоя населения, активно выступавшего против правительства.

И несмотря на это, все образованные граждане России, независимо от их классовой принадлежности и исповедуемых взглядов, с чувством глубокого возмущения воспринимали каждое сообщение о новой расправе. Русское общественное мнение столь решительно осуждало каждый акт казни отнюдь не потому, что испытывало симпатии к революционному террору, который к тому времени выродился и сводился к проведению жалких актов насилия, а вследствие своего традиционного неприятия смертной казни. В высшей степени знаменательно, что Россия была одной из немногих стран, где была отменена смертная казнь за уголовные преступления.

Россия того времени не желала, чтобы правительство прибегало к кровавым расправам в отношении своих политических противников. Вот почему после учреждения столыпинских военно-полевых судов Л. Н. Толстой в своем глубоко волнующем обращении к правительству ("Не могу молчать") потребовал положить конец казням. Вот почему один из выдающихся парламентских ораторов того времени умеренный либерал Ф. И. Родичев с трибуны Думы заклеил Столыпина в глазах всей России, назвав палаческие петли "столыпинскими галстуками". Вот почему сразу же после падения монархии в 1917 году правительство демократической революции, осуществляя самую заветную и священную цель русского освободительного движения, отменило, ко всеобщему удовлетворению, смертную казнь за все без исключения преступления. Вот почему в той атмосфере духовного возрождения, в которой

жила Россия в канун первой мировой войны, потерпела полный провал столыпинская политика "умиротворения", как и его земельная реформа, что, по сути дела, послужило причиной и его собственного трагического конца.

1 сентября 1911 года на специальном представлении в Киевском городском театре П. А. Столыпин был смертельно ранен полицейским агентом, бывшим анархистом, всего в нескольких шагах от царской ложи, где сидел царь со своими дочерьми. К тому времени царь с трудом выносил присутствие своего бывшего фаворита.

Специальное расследование установило, что в Киеве почему-то была снята обычная охрана Столыпина полицейскими агентами. Ходили разговоры о возбуждении уголовного дела против помощника министра внутренних дел генерала Курлова, который отвечал за полицию. Однако предварительные расследования были прекращены по личному указанию царя.

Обстоятельства смерти Столыпина вызывали определенное недоумение. Убийца был казнен с необычной поспешностью, а до этого содержался в строжайшей изоляции. Люди из окружения Столыпина, которые были в курсе борьбы между Столыпиным и Распутиным, полагали, что охранка, стремясь ублажить высокопоставленных врагов Столыпина, смотрела сквозь пальцы на готовящееся преступление. Через несколько месяцев после смерти Столыпина главный военный прокурор вызвал к себе зятя Столыпина фон Бока и сказал ему, что главная ответственность за смерть его тестя лежит на Курлове и что именно он спровоцировал убийство. Одновременно прокурор информировал фон Бока о том, что уголовное преступление Курлова было прекращено по личному указанию царя*.

Сам Столыпин однажды в разговоре с А. И. Гучковым в Думе сказал, что у него предчувствие, будто он будет убит агентом полиции.

Вот так вышло, что всемогущий "умиротворитель" России оказался беспомощным справиться с "темными силами", которым покровительствовала молодая царица. Столыпин для Распутина был чересчур независимым и честным. И к тому же в результате принятия его консервативного избирательного закона от 3 июня 1907 года он потерял поддержку главной партии в III Думе — "октябристов".

Английский историк, профессор Бернард Пейерс, многократно совершавший поездки по России в период существования Думы и во время первой мировой войны, не без остроумия написал в своей книге "Падение русской монархии", что при тогдашнем умонастроении общества любая Дума, даже если бы она состояла из одних бывших министров, стала бы в оппозицию к правительству.

Избирательный закон от июня 1907 года практически ликвидировал представительство от рабочих и крестьян городов и деревень. В провинции выборы были почти полностью отданы на откуп вымирающему дворянству, а в крупных городах система и без того неполного всеобщего избирательного права была еще больше урезана; сократилось число депутатов, а половина мест была, в соответствии с выборами по куриям, зарезервирована для представителей незначительного меньшинства, владеющей собственностью буржуазии. Уменьшилось и представительство от нерусских народов. Польша, например, получила право направить в III (как и в IV) Думу только 18 депутатов по сравнению с 53 представителями в I и II Думах, а представительство от мусульманского населения Туркестана было и вовсе ликвидировано.

* *Zenkovsky A. V. The Truth About Stolypin. N. Y. 1956.*

Народные представители, избранные согласно столыпинскому закону, справедливо заслужили кличку "кривых зеркал". Левые партии, имевшие большинство и в I и во II Думах, практически не были представлены в III Думе (1907—1912), более того, в нее оказались избранными всего 13 трудовиков и 20 социал-демократов. Социалисты-революционеры бойкотировали выборы. Кадеты же, партия либеральной интеллигенции, со своими 54 местами утратили господствующие позиции и стали играть роль "лояльной оппозиции Его Величества".

50 мест заняли представители реакционного "Союза русского народа", который получал субсидии из специальных фондов полицейской охраны и пользовался покровительством царя и Великого князя Николая Николаевича. Эти депутаты, возглавляемые весьма способными людьми — Н. Е. Марковым, В. М. Пуришкевичем и Замысловским, — с самого начала стремились парализовать работу Думы, постоянно провоцируя всякого рода инциденты. 89 мест было отдано сравнительно новой партии — "националистам". Они были избраны в основном в западных и юго-западных губерниях, которые с незапамятных времен были ареной вражды русской, польской, литовской и еврейской национальных групп. Брешь между кадетами и правым крылом была заполнена 153 депутатами от октябристов, из которых едва ли хоть один избирался в первые две Думы. Они, таким образом, составляли чуть больше трети от всех депутатов Думы.

Я столь подробно описал состав III Думы, поскольку распределение мест в IV Думе (1912—1917 годы), по существу, было таким же, а последняя сыграла колоссальную роль в конфликте между монархией и народом в последние годы перед революцией. Но даже III Дума, несмотря на ее консервативность с точки зрения социального состава и несмотря на правое крыло с его влиянием в правительственных кругах, с самого начала своего существования проявила себя защитницей конституционной системы и прав народа, следуя в этом отношении примеру I Думы. Они разнились между собой лишь умонастроениями и методами достижения цели.

I Дума была душой и сердцем России. Она поставила себе целью беспощадное разоблачение темных сторон старого режима. Она была непреклонна и отвергала любой компромисс. Она требовала от верховного правителя безусловной капитуляции — передачи всей власти представителям народа. Главное ее требование хорошо выразил В. Д. Набоков — велеречивый сын министра юстиции при Александре III: "Исполнительной власти надлежит подчиняться власти законодательной". Но I Думе не хватило времени для принятия законов в интересах страны, ибо она была распущена, едва приступив к работе.

III Дума начала свою деятельность без всяких эффектных начинаний. Она не потребовала от правителей немедленной капитуляции. Ее лозунгом стал компромисс, лояльное сотрудничество с властями на основе Октябрьского манифеста царя. Этот манифест, ставший знаменем доминирующей в Думе партии октябристов, предоставлял народным представителям право осуществлять законодательную власть, определять бюджет и открыто обсуждать любые вопросы. Внеся противоправные изменения в избирательный закон, правительство официально подтвердило незыблемость прав самой Думы. Лидеры октябристов были исполнены решимости использовать эти права для объединения народного правительства, с тем чтобы превратить Думу в подлинно решающую силу русской государственной системы.

Ни царь с придворными, ни демократические и левые круги общества не поняли сути такого компромисса. Столкнувшись в свое время с лини-

ей "штурм унд дранг" первых двух Дум, царь поначалу был крайне доволен III Думой. Он полагал, что в Таврическом дворце теперь заседают люди, представлявшие все районы страны, хорошо осведомленные о местных делах и потребностях, которые своим советом помогут его министрам издать подходящие законы, никоим образом не посягающие на прерогативы монарха. Таким же образом расценила монархические взгляды III Думы и общественность, решительно осудив этот "реакционный парламент" и окрестив его лидеров "лакеями реакции".

Однако лидеры эти были далеко не реакционеры. Социальную основу октябристов составляли средние и высшие слои русского общества. Они включали представителей дворянства, местной администрации, либеральных профессий, а также ремесленников и мелкого чиновничества как от столицы, так и от провинции. И хотя среди них было мало специалистов в законодательных делах, тем не менее многие из них прошли хорошую практическую школу в своих сферах деятельности. И этот практический опыт привел их к твердому убеждению, что Россия уже выросла из пеленок и больше не нуждается в бюрократической опеке и, более того, что русско-японская война окончательно доказала неспособность бюрократической системы соответствовать запросам растущей империи.

Первым председателем III Думы был Н. А. Хомяков. Занимая ранее видный пост в системе санкт-петербургской администрации, он происходил из очень знатной семьи и был сыном одного из основателей славянофильского движения. Создатель партии октябристов и ее глава в III Думе А. И. Гучков являлся представителем совсем других слоев общества. Внук крепостного крестьянина, он отражал интересы интеллектуальной верхушки московского купечества. Он гордился своим происхождением, презирал сословные привилегии и испытывал сильнейшее недоверие к бюрократии. И тем не менее два этих представителя таких различных социальных групп сошлись вместе на платформе одной партии. Ибо для каждого из них главной целью было упрочение конституционной системы. И оба они осознавали, что без народного представительства, без радикальной замены всей оснастки государственного корабля Россию ожидает катастрофа при первом же столкновении с внешним миром.

Европа в то время жила на вершине вулкана. Вопрос уже заключался не в том, быть или не быть войне между великими державами, а в том, когда она начнется. Опыт Цусимы и Порт-Артура открыл глаза всем патриотам на реальное положение вещей. И весь процесс, в течение которого за семь или восемь лет было создано лояльное консервативное большинство, определялся настроениями растущей патриотической тревоги, которые в конце концов переросли в чувства патриотического негодования.

Я хорошо знал А. И. Гучкова. Какое-то время мы вместе входили во Временное правительство, а позднее не раз встречались в эмиграции. По его словам, с самого начала работы III Думы он вместе с другими лидерами октябристов торопился принять меры для сплочения всей России, с тем чтобы страна смогла справиться с внешней угрозой, когда она, в конце концов, станет реальной. Экономическое и промышленное развитие Германии в тот период проходило бурными темпами. Немцы лихорадочно строили военный флот, а техническое оснащение их армии постоянно совершенствовалось. Для всех, кто сколько-нибудь разбирался в международных отношениях, было очевидно, что временная слабость России, проявившаяся в разгар русско-японской войны, рассматривалась в Берлине как козырная карта в гонке за мировое господство.

Для А. И. Гучкова, Н. А. Хомякова, М. В. Шидловского и других лидеров партии октябристов была очевидна угроза стране, порожденная затхлой атмосферой вокруг царя. Отдавая себе отчет в том, что им нельзя полагаться на слабовольного царя, они решительно отклоняли все заманчивые предложения Столыпина о вхождении в правительство. Они предпочитали внимательно следить за деятельностью официальных властей, используя законные права Бюджетной комиссии Думы для борьбы против влияния могущественной и безответственной клики Распутина на придворные круги, и всячески укреплять военные и экономические позиции страны посредством легального законодательства.

Идиллические отношения между царем и III Думой длились недолго. Согласно "Основным законам" Российской империи, внешняя политика, армия и флот находились под прямым контролем царя. Официально Дума не имела права вмешиваться в дела соответствующих министерств и не могла оказывать влияния на их деятельность. Однако сметы расходов на нужды этих правительственных учреждений утверждались Бюджетной комиссией, в результате чего она стала играть, как и во всяком парламенте, крайне важную, определяющую роль. И с этим вынуждены были считаться все министры. Перед рассмотрением в Бюджетной комиссии сметы расходов различных министерств тщательно изучались в соответствующих специальных комитетах. С помощью такой системы, то есть с помощью финансового контроля, осуществлявшегося Бюджетной комиссией, военное министерство и адмиралтейство, по сути дела, подпадали под контроль Думы. После русско-японской войны создание военно-морских сил приходилось начинать практически с нуля, а армию следовало коренным образом реорганизовать, увеличить и перевооружить в соответствии с техническими требованиями того времени.

Какого-либо твердого, устойчивого руководства над армией и флотом не существовало. Высшие эшелоны военной власти постоянно находились в стадии реорганизации. Большое количество разного рода военных ведомств возглавлялись абсолютно безответственными великими князьями, которые, как правило, обделывали, не обращая при этом ни на кого внимания, свои собственные делишки. В армии и на флоте служило немало способных и энергичных военных специалистов, которые с энтузиазмом разрабатывали планы реформ, но были полностью бессильны претворить их в жизнь.

Став председателем комиссии Думы по вопросам обороны, Гучков постарался немедленно наладить связи с теми людьми в военном министерстве и адмиралтействе, которые проявляли заинтересованность в коренной реорганизации этих ведомств. Таким образом, Дума оказалась в самом фокусе всей деятельности по реорганизации системы обороны России.

Без сомнения, III и IV Думы сыграли очень существенную роль в подготовке России к войне 1914—1918 годов. Трезвомыслящие и деятельные люди в армии и на флоте ощущали твердую поддержку Думы, а Дума в свою очередь нашла в их лице сторонников в борьбе с придворной камарильей.

Такое сближение не осталось, однако, без должного внимания близких к царю лиц, которые ратовали за возвращение к абсолютизму.

Весной 1908 года во время обсуждения в Думе бюджета военного министерства Гучков в своей речи обратился к Великим князьям с призывом принести "патриотическую жертву", отметив, что Дума уже обратилась к народу страны пойти во имя защиты отечества на великие

лишения. По сути дела, Гучков попытался убедить Великих князей отказаться от административной деятельности в армии, к которой они вряд ли подходили и при осуществлении которой демонстрировали лишь полную безответственность. Он обратился с такой просьбой, отдавая себе полный отчет в позиции военной администрации. Его речь, естественно, вызывала бурю возмущения в придворных кругах. Царица поспешила расценить ее и, вообще, всякое вмешательство Думы в военные дела как нападку на императорские prerogatives.

Ее подозрения еще больше укрепились после происшедшего через год в Константинополе переворота, в результате которого младотурки свергли султана. При дворе тут же приклеили к Гучкову кличку "младотурок" и с того времени стали рассматривать его как врага государства № 1.

Был смещен с поста военного министра специалист своего дела А. Ф. Редигер, работавший в атмосфере широкого сотрудничества с Думой. На его место назначили командующего Киевским военным округом генерала В. А. Сухомлинова, посредственного служаку, мало смыслящего в современном военном деле, который в соответствии с волей царя отказался от всякого сотрудничества с Думой.

Царица по-своему была права, считая лидера конституционных сил наиболее опасным противником своей безумной мечты о восстановлении абсолютного самодержавия в России. Движение октябристов вместе со всеми зависимыми от него группировками, без сомнения, находилось в арьергарде тех сил в стране, которые выступали за подлинную демократию. С другой стороны, оно было в авангарде тех же сил в высшем эшелоне власти — в руководящих военных, административных и великосветских кругах. Противодействуя таким образом реакции, оно волей-неволей расчищало дорогу бурному возрождению революционного движения, мощный импульс которому дало побоище на ленских золотых приисках весной 1912 года*. И хотя октябристы не имели ни малейших намерений углублять демократизацию России, они всячески стремились поднять страну до более высокого экономического и культурного уровня, соответствовавшего великой державе. В этом они получили поддержку со стороны умеренного крыла оппозиции и наиболее просвещенных людей, занимавших высшие административные посты. Таким образом, несмотря на то, что они возникли в условиях наступления контрреволюции, III и IV Думы сыграли прогрессивную роль в истории России. Некоторые из принятых ими законов самим своим фактом существования содействовали экономическому и культурному буму, переживаемому Россией в последнее десятилетие перед первой мировой войной.

В период существования Думы, например, система образования развивалась столь бурно, что к моменту начала войны Россия подошла вплотную к введению всеобщего обязательного образования. В начале XX века было покончено с абсурдной и преступной кампанией, которую проводили против народного образования в конце XIX века реакционные министры. К 1900 году 42 процента детей школьного возраста посещали школу. III Дума большинством голосов утвердила законопроект о всеобщем обучении, внесенный министром образования П. М. Кауфманом-Туркестанским. К несчастью, закон был отклонен Государственным советом, половину членов которого назначал лично царь, и возвращен на доработку в Думу. Позднее этот закон был принят IV Думой. К тому времени министр просвещения граф П. Н. Игнатъев

* См. гл. 5.

считал, что уровень грамотности среди молодежи в стране позволял ввести систему обязательного начального обучения. И не разразись война, она была бы полностью реализована к 1922 году. Но даже и до войны в школу не ходили в большинстве случаев лишь те дети, родители которых не хотели этого.

В 1929 году фонд Карнеги опубликовал книгу "Русские школы и университеты времен мировой войны"*. Ее авторы — два профессора, специализировавшихся в области русской системы просвещения, Одинец и Покровский, а предисловие к ней написал бывший министр просвещения П. Н. Игнатьев. Книга была призвана разоблачить миф о том, будто до прихода большевиков лишь 10 процентов населения в стране было грамотным, а правящие классы всеми силами стремились помешать детям рабочих и крестьян получить образование. Если рассматривать состояние высшего и среднего образования в России с точки зрения социальных корней учащихся, то оно было самым демократическим в мире. Даже до учреждения Думы земства тратили на образование 25 процентов своих средств, а в период ее деятельности — до трети. За время с 1900 по 1910 год государственные ссуды земствам на образование увеличились в двенадцать раз. В 1906 году действовало 76 тысяч школ, которые посещало около 4 миллионов учеников. А в 1915 году число школ уже превысило 122 тысячи, а число учащихся достигло 8 миллионов. За это время был повышен возраст для оканчивающих школы, а учебные программы расширены с тем, чтобы дать возможность наиболее одаренным детям из крестьянских семей продолжить образование в пределах средней школы. В государственных школах обучались не только дети, они стали центром просвещения и для взрослых. При школах создавались библиотеки, проводились лекции, вечерние и воскресные занятия для взрослых и даже устраивались театральные представления. Для подготовки учителей земства организовывали специальные курсы. Ежегодно на учебу за границу отправлялись группы преподавателей и преподавательниц. До первой мировой войны тысячи учителей из государственных школ побывали в Италии, Франции, Германии.

Подводя итоги, Одинец и Покровский писали: "Вывод, который следует сделать из состояния начального и среднего образования в России непосредственно в канун войны, заключается в том, что никогда за всю историю русской цивилизации развитие системы образования не проходило столь стремительно, как в рассматриваемый период".

Наряду со значительными успехами в сфере образования земства, действуя совместно с Думой и кооперативными организациями, добились огромных достижений в области сельского хозяйства. С 1906 по 1913 год площадь обрабатываемых земель возросла на 16 процентов, а урожай увеличился на 41 процент. За этот период ссуды земств на агрономические нужды крестьян повысились в шесть раз. Значительные суммы на эти цели расходовало и центральное правительство. В европейской части России земства всячески содействовали тому, чтобы крестьяне вели фермерское хозяйство с использованием средств механизации, а в Сибири, где земств не было, этим занималось правительство.

Крестьянский земельный банк выкупал у частных землевладельцев миллионы гектаров земель и передавал их крестьянам. Кредитные кооперативные ассоциации и земства снабжали крестьян всеми необходимыми сельскохозяйственными орудиями. К началу войны 89,3 процента всех пахотных земель находились в руках крестьян. Средний размер

* Yale University Press.

крестьянского хозяйства колебался от 12 до 30 десятин. В период экономического бума в России перед первой мировой войной экспорт русской сельскохозяйственной продукции возрос на 150 процентов. Крестьянские хозяйства доминировали как на внешнем, так и на внутреннем рынке, поставляя три четверти зерна и льна и практически все масло, яйца, мясо.

Передача земли крестьянам и огромный рост числа фермерских крестьянских хозяйств (к этому времени количество производимой сельскохозяйственной продукции на частновладельческих землях приблизилось к нулю) сопровождались большой миграцией и переселением крестьян, которые осуществлялись при активной помощи правительства, земства и кооперативов. Именно в это время Сибирь вступила в стадию экономического и культурного развития по американскому типу. За годы между русско-японской и первой мировой войной население в этом регионе удвоилось, а площадь обрабатываемых земель утроилась. Сельскохозяйственное производство возросло более чем втрое, а экспорт сельскохозяйственной продукции увеличился в десять раз. Перед первой мировой войной все масло, которое вывозила Англия из России, производилось сибирскими и уральскими крестьянскими кооперативами. И если в 1899 году масло из Сибири практически не вывозилось, то в 1915 году его экспорт кооперативами Сибири составлял тысячи тонн.

Да, именно кооперативное движение, свободно развившееся в условиях конституционной России, дало возможность русскому народу, и прежде всего крестьянству, проявить природную сметку и организаторский талант. До первой мировой войны около половины всех крестьянских хозяйств включилось в кооперативное движение, которое по масштабам уступало в Европе лишь Англии.

В 1905 году число крестьянских кооперативов составляло 7 290 000, а в 1916 году уже 10 500 000. В 1905 году их фонды составляли 375 000 000 золотых рублей, а в 1916 году — 682 500 000. Столь же быстро развивалось кооперативное движение и в городах. Федерация потребительских кооперативов, возглавляемая московским Центросоюзом, стала одной из наиболее влиятельных социальных и политических организаций в России.

Общее улучшение благосостояния народа нашло свое выражение в значительном росте потребления таких товаров, как сахар, масло, керосин, обувь, а также в увеличении вкладов в сберегательных банках. Это признал и советский экономист П. И. Ляшенко.

Согласно расчетам одного из крупнейших специалистов по русской экономике профессора С. Н. Прокоповича, национальный доход России, несмотря на войну с Японией и последовавшую за ней депрессию, которая продолжалась вплоть до 1909 года, увеличился за указанный период на 79,4 процента (в 50 губерниях, по которым имеются данные).

Даже коммунистические авторы временами писали о быстром развитии промышленности за время конституционной "пяtilетки" в канун первой мировой войны: "Россия стала быстро продвигаться по капиталистическому пути, оставляя позади старые капиталистические страны, шедшие ранее впереди"*.

С 1900 по 1905 год промышленное производство выросло на 44,9 процента, а к 1913 году — на 219 процентов. Показатели ремесленных промыслов были еще выше. С точки зрения технического прогресса промышленность в целом прошла стадию дальнейшего развития и модернизации. По далеко не полным данным, капиталовложения на про-

* Очерки по истории Октябрьской революции. М., 1927.

мышленное переоборудование составили в целом за 1910—1912 годы 537,3 миллиона золотых рублей. В этот период процветания капиталовложения в промышленность были в три раза выше, чем в Америке. По концентрации промышленности, которая была выше, например, чем в Америке, Россия стала одной из самых развитых стран мира. Стоимость промышленной продукции России в 1908, 1911 и 1916 годах составляла соответственно 1,5, 5,5 и 8,5 миллиардов рублей.

Перед самой войной началось строительство железнодорожной магистрали Туркестан — Сибирь, "Турксиб", завершённое уже в советский период. На эти годы были запланированы грандиозные программы преобразования всей экономики страны. Их осуществление прервала война 1914 года.

Такая сверхконцентрация русской промышленности вызвала к жизни два важных процесса. Во-первых, она привела к сосредоточению в городах значительного числа рабочих, создав тем самым благоприятные условия для их организации. Во-вторых, она укрепила не столько позиции средних классов, сколько мощь банковского капитала. Тем самым ни в городе, ни в деревне экономический бум не изменил социальную структуру настолько, чтобы это могло создать прочные предпосылки для формирования конституционной монархической системы.

Жизнь нормально развивающейся страны основана на принципе честной игры. Предполагается, что и власти и простой люд в своих взаимоотношениях придерживаются определенных правил. Всякий раз, когда эти правила нарушают власти, которые обычно обладают превосходством в физической силе, это приводит к злоупотреблениям. И тогда люди оказываются перед выбором: либо покорно смириться с произволом властей, либо встать на путь борьбы в защиту своих основных прав, прибегнув к самым крайним методам.

Побывав в самых разных уголках страны, с годами я приобрел четкие представления о чувствах, надеждах и чаяниях демократически настроенных людей. Позднее, став членом Думы и изучив всю систему управления страной, я ясно осознал всю трагическую сложность отношений между правительством, формально несущим ответственность за благосостояние страны, и верховной властью, находившейся в то время в руках безответственной клики невежественных и бесчестных политиков. У меня сразу открылись глаза: я понял, что правящие и привилегированные круги русского общества абсолютно не желают проявить независимость и передать власть трезвым, здравомыслящим людям.

В то же время для всех стало очевидным, что распутинщина превратилась в позор России и что беспомощность перед ней царя ставит страну на грань нового тяжелого кризиса. Было ясно, что грядущее столкновение не только лишит власти царя, но и те группировки, которые утвердили свое положение в Думе согласно столыпинскому закону от июня 1907 года, поскольку этот закон будет немедленно заменен всеобщим избирательным правом. Россия была единственной великой державой в мире, введение в которой всеобщего избирательного права могло бы привести к демократизации как в политической, так и в социальной сфере без восстания или революции.

80 процентов крестьянского населения страны, владеющего почти 90 процентами обрабатываемых земель; отмирающее дворянство; промышленный пролетариат, сконцентрированный в городах и быстро набирающий силу; все еще политически и социально слабый средний класс; огромная армия бюрократов, в основном состоявшая из образованных

людей среднего класса, которые абсолютно не заинтересованы в защите капиталистической системы, и последний, но не менее важный слой общества — интеллигенция, традиционно воплощающая дух русской культуры с его бесклассовыми принципами справедливости и священной неприкосновенности личности,— все эти элементы играли существенную роль в борьбе между привилегированным большинством в Думе и короной, в борьбе, которая приближалась к своему апогею.

Учтя уроки из опыта борьбы за народное представительство в III Думе, октябристы в IV Думе заняли осенью 1912 года место оппозиции. Перед открытием новой Думы А. И. Гучков обратился к своим сторонникам с новым лозунгом "Против участия безответственных людей в решении государственных дел, за правительство, ответственное перед народными избранниками". Таким образом, осенью 1912 года Гучков повторил призыв, с которым выступили кадеты Милюкова в I Думе весной 1906 года.

Приближался еще один критический момент в истории России, и примирение между политическими врагами, до тех пор немыслимое, становилось неизбежным. Их общей целью стало сохранение монархии как символа единства государства при эффективной и полной передаче власти правительству, опирающемуся на поддержку народных избранников. Но это была недостижимая цель. Монарх, которому была ненавистна одна мысль о конституции и который мечтал о возрождении обреченного абсолютизма, не мог допустить парламентской демократии. Пойти на такой шаг было для него равносильно измене самому себе. Судьба все еще оставляла ему шанс...

В полночь 18 (31) июля 1914 года германский посол вручил русскому министру иностранных дел ультиматум. Россия снова оказалась в состоянии войны.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И НАЧАЛО ВОЙНЫ

ГОД МОЛЧАНИЯ

Мировая война, которая вызревала в сердце Европы в течение нескольких лет, обрушилась на Россию подобно урагану. Ни одна великая держава в Европе так не нуждалась в мире, так не жаждала его, как Россия после войны с Японией. Объективно — Россия в 1914 году не была готова к войне с Германией, субъективно — русский народ и думать не думал о войне. Он целиком и полностью был занят разрешением внутренних политических, культурных и экономических проблем. Действительно, Россия, которая в 1914 году стояла на пороге нового и решающего внутреннего кризиса, едва ли замечала, как вокруг нее стремительно нарастала внешняя угроза.

Трагическое положение России в канун мировой войны со всей очевидностью отображено в двух письмах из частной переписки между премьером П. А. Столыпиным и А. П. Извольским, который покинул пост министра иностранных дел, чтобы стать послом в Париже.

Две нижеприведенные выдержки в полной мере подкрепляют мое убеждение в том, что великая война самым глубочайшим образом противоречила национальным интересам и задачам России в 1914 году.

21 июля 1911 года Извольский писал Столыпину:

"Вы знаете, что все пять лет, которые я провел на посту министра, меня непрерывно мучал кошмар внезапной войны. Какой-либо возможности изменить сложившуюся систему союзов не существовало; ее ослабление неминуемо вызвало бы либо общеевропейскую войну, либо безусловное и полное порабощение России Германией. В любом случае это означало бы *finis Rossiae* [конец России] как великой и независимой державы".

В ответ на это П. А. Столыпин писал: "Колноберже, 28 июля

Я в высшей степени благодарен Вам за Ваше интересное письмо. Не могу не признать, что тоже был весьма обеспокоен происходившим. Мою точку зрения Вы знаете. Нам необходим мир; война в следующем году, особенно в том случае, если ее цели будут непонятны народу, станет фатальной для России и династии. И наоборот, каждый мирный год укрепляет Россию не только с военной и военно-морской, но и с экономической и финансовой точек зрения. Кроме того, и это еще важнее, Россия растет год от года, развивается самосознание народа и общественное мнение. Нельзя сбрасывать со счетов и наши парламентские установления. Как бы они ни были несовершенны, их влияние тем не менее вызвало радикальные изменения в России, и когда придет время, страна встретит врага с полным осознанием своей ответственности. Россия выстоит и одержит победу только в народной войне. Я делюсь с Вами этими мыслями, потому что понять Россию только по газетам невозможно".

Извольского мучили кошмары внезапной войны отнюдь не из-за игры воображения или потому, что он был нерешительным государственным деятелем, как отозвался о нем лорд Эдвард Грей. Если он и был

осторожным, возможно, чрезмерно осторожным дипломатом, то лишь потому, что России становилось все труднее следовать дорогой мира в Европе, балансировавшей на грани войны. Сам лорд Грей в своих мемуарах пишет, что Европа, неуклонно и стремительно вооружаясь, с фатальной неизбежностью приближалась к войне, что все правительства не доверяли друг другу и видели ловушку в любом, даже самом невинном дипломатическом шаге.

Не будучи способной создать новый международный баланс сил, а также сдержать мирными средствами чудовищный динамизм германской экономической и военной машины, Антанта все больше концентрировала свои усилия на производстве и совершенствовании вооружений. Увеличение же армий и военных флотов неизбежно подталкивало Европу все ближе и ближе к вооруженному столкновению, ибо в ходе всякой гонки вооружений в конце концов наступает психологический момент, когда война кажется единственным средством освобождения от невыносимого ожидания катастрофы. После 1909 года война стала лишь вопросом времени. Начала исчезать разграничительная линия между работой дипломата и штабного офицера.

В канун первой мировой войны в Европе существовали три основные проблемы. Это, во-первых, англо-германская борьба за военно-морское превосходство; во-вторых, австро-германо-российские разногласия в отношении Балкан и Турции; и, в-третьих, франко-германское соперничество в вопросе об Эльзасе и Лотарингии и африканских колониях. Разрешение этих проблем было предоставлено дипломатам. Как известно из опубликованных ныне документов, большинство из них отнеслось к этому делу вполне добросовестно. Однако, несмотря на добрые намерения тех, кто осуществлял "секретную дипломатию", эти три проблемы становились все более запутанными и трудноразрешимыми. Приближалось время, когда задача распутать их перейдет от дипломатов к военным.

Нет сомнений в том, что международную обстановку определяло англо-германское соперничество. Когда же германское правительство окончательно решило ускорить начало войны в Европе? Еще в России, да и некоторое время после отъезда оттуда, я придерживался общепринятой точки зрения о том, что Германия приняла решение о начале превентивной войны сразу же после того, как в 1914 году на тайной конференции лидеров большинства Думы ("Прогрессивного блока") в самом конце весенней сессии была одобрена широкая военная программа, предусматривавшая радикальную реорганизацию оборонительной системы России вдоль западной границы. Теперь же, пересмотрев германскую политику периода Балканских войн, я пришел к выводу о том — и это мое глубокое убеждение, — что германское командование утвердило план превентивной войны еще летом 1912 года. Подготовка к ней последовательно и спешно осуществлялась как во время Балканской конференции, так и после нее.

В феврале 1912 года Британское правительство предприняло последнюю попытку достичь соглашения с Германией о прекращении строительства военных кораблей в обеих странах. Для переговоров по этому вопросу в Берлин был направлен влиятельный член кабинета министров и сторонник дружественных отношений с Германией лорд Холдейн, который провел там ряд важных встреч с представителями политических и официальных кругов. Как и следовало ожидать, миссия лорда Холдейна завершилась полным провалом, и он вернулся в Лондон с пустыми руками. Берлинское правительство не было склонно заключать какое-либо соглашение о военно-морских силах до тех пор, пока не про-

изойдет определенных изменений во внешней политике Англии, на которых настаивала Германия. Великобритания, со своей стороны, вообще никогда не была склонна идти на уступки в своей внешней политике, тем более не могла себе этого позволить в 1912 году.

За отъездом из Берлина лорда Холдейна почти немедленно последовало решение о дополнительных ассигнованиях на усиление германских военно-морских сил. 8 марта рейхстаг утвердил второй законопроект о развитии военно-морских сил, внесенный адмиралом Тирпицем.

Миссия Холдейна была последней попыткой Англии предотвратить вооруженное столкновение с Германией. Когда она потерпела провал, то, как мне рассказывал в Лондоне в 1918 году сам Холдейн, неизбежность войны стала очевидной. И с лета 1912 года к ней стали лихорадочно готовиться все европейские державы.

По инициативе британского адмиралтейства между правительствами Англии и Франции было достигнуто сверхсекретное соглашение, о котором не было никаких упоминаний в официальных документах, касавшееся дислокации их военно-морских сил. Весь британский военный флот предполагалось сконцентрировать в проливе Ла-Манш и в Северном море — Великобритания тем самым брала на себя защиту северного побережья Франции; французский же флот предполагалось сосредоточить в районе Средиземного моря.

Приняв на себя обязанность на случай войны с Германией охранять северное побережье Франции, кабинет Асквита и Грея пошел на обязательное участие Британии в войне, в которую в силу союза с Францией неизбежно была бы втянута и Россия. В Берлине это англо-французское соглашение о сферах действий флотов двух стран, которое не укрылось от внимания германской разведки, положило конец последней надежде Германии на подрыв по дипломатическим каналам англо-франко-российского согласия.

Французский кабинет, в свою очередь, уверенный в поддержке Великобритании, полностью пересмотрел свои отношения с Россией по вопросу о положении на Балканах. 25 октября 1912 года русский посол в Париже А. П. Извольский информировал министра иностранных дел С. Д. Сазонова о следующем политическом заявлении французского кабинета: "Отныне Франция считает, что территориальные притязания Австрии нарушают общий баланс сил в Европе и соответственно интересы самой Франции".

Иными словами, Франция поощряла Россию занять более жесткую позицию на Балканах. Одновременно Франция стала оказывать давление на Россию с целью заставить ее как можно скорее реорганизовать и усилить вооруженные силы и без промедления закончить строительство важных в стратегическом отношении железных дорог.

Сама же Франция осуществила, начиная с 1911 года, ряд мер по укреплению мощи своей артиллерии и к тому времени располагала достаточным числом тяжелых полевых орудий. В августе 1913 года была завершена модернизация армии и был введен трехлетний срок воинской службы, хотя закон об этом был принят после долгого и упорного сопротивления со стороны профсоюзов, социалистической партии и левых радикалов. Все законы об ассигнованиях на перевооружение и увеличение вооруженных сил вызвали сильнейшее противодействие в парламенте, тем не менее в конечном счете были утверждены.

В общем, общественное мнение в странах Антанты — Англии, Франции и России — не было подвержено тем милитаристским и шовинистическим настроениям, которые господствовали во всех слоях германской общественности.

Все европейские социалистические партии (включая германскую) на своих съездах, как и организации рабочих, голосовали против войны и за всеобщую забастовку, если "капиталисты" ее развяжут. Против любой войны была настроена в основном и вся общественность России. Страна в эти предвоенные годы была чрезмерно занята борьбой с "режимом Распутина".

Изучив информацию о военном, политическом и психологическом положении в странах своих потенциальных врагов, немцы посчитали, что она говорит в пользу более чем вероятной победы Австрии и Германии, но такая вероятность будет уменьшаться с каждым годом промедления, поскольку время работает на укрепление военной и психологической готовности держав Антанты.

К концу 1913 года все было готово для нанесения первого удара, требовалось лишь выбрать удобный момент. Он наступил 15 июня 1914 года.

В тот день прибывший с визитом в Боснию* эрцгерцог Франц Фердинанд ехал в открытой карете вместе со своей морганатической женой без всякой полицейской охраны по улицам Сараево. Когда на одной из улиц карета завернула за угол, к ней подбежал молодой человек и несколькими выстрелами из револьвера убил обоих. Убийца, Гаврила Принцип, принадлежал к сербской ультранационалистической террористической организации "Черная рука".

Это трагическое событие потрясло, вызвав волну возмущения, всю Европу. В правительственных и политических кругах возникла серьезная тревога в связи с тем, что пожар на Балканах, только что потушенный объединенными усилиями великих держав в ходе Лондонской конференции, может легко возгореться снова, и снова возобновится напряженность между ними. Тревога вскоре улеглась. Австрийское правительство поспешило заверить Санкт-Петербург в том, что не намерено предпринимать каких-либо акций военного характера. А через неделю после убийства эрцгерцога кайзер Вильгельм II отправился на летний "отдых" в норвежские фиорды. Отъезд германского императора окончательно убедил Европу в том, что мир будет сохранен.

Наступило обычное политическое затишье летнего сезона. Стали уезжать в отпуск министры, члены парламента, высокопоставленные правительственные и военные чиновники. Трагедия в Сараево никого особенно не встревожила и в России; большинство людей, связанных с политикой, с головой ушли в проблему внутренней жизни. Даже исходя из того, что известно нам сегодня, трудно представить, как случилось, что никто из правящей верхушки в Европе, за исключением германских и австрийских заговорщиков, не почувствовал, что покой благословенного лета — всего лишь затишье перед надвигающейся ужасной бурей.

В июле, воспользовавшись парламентскими каникулами, президент Французской республики Раймон Пуанкаре и премьер-министр и министр иностранных дел Рене Вивиани нанесли официальный визит царю Николаю II, прибыв на борту французского линейного корабля. На обратном пути из России они намеревались совершить визит в Скандинавские страны.

Встреча 7—10 июля состоялась в летней резиденции царя, Петергофе. Ранним утром 7 июля французские гости перешли с линкора, ставшего на якорь в Кронштадте, на царскую яхту, которая доставила их в Петергоф. После трех дней переговоров, банкетов и приемов, перемежавшихся смотрами очередных летних маневров гвардейских

* Босния была славянской провинцией Австрии, которую она официально аннексировала только в 1908 году, хотя она была оккупирована и управлялась Австрией еще с 1878 года в соответствии с секретным договором, подписанным на Берлинской конференции императорами Австро-Венгрии, Германии и России.

полков и частей Санкт-Петербургского военного округа, французские визитеры возвратились на свой линкор и отбыли в Скандинавию.

Несколько позднее, в тот же день 10 июля, в Париже, Санкт-Петербурге и Лондоне были получены сообщения о том, что правительство Австрии вручило правительству Сербии ультиматум, условия которого потребовало выполнить в течение 48 часов. Очевидно, что предъявление ультиматума в день отплытия Пуанкаре из России не было простым совпадением. В течение нескольких дней Франция оставалась без президента, без главы кабинета и министра иностранных дел; всеми делами занимался один из заместителей министра, весьма мало сведущий в международной политике. В столь ответственный момент Франция и Россия оказались лишены возможности безотлагательно принять совместные меры.

Требования, содержащиеся в ультиматуме, были, несомненно, неприемлемы для любого правительства. Ни одна уважающая себя страна не могла согласиться снять с поста своих официальных представителей по требованию иностранной державы; ни одно правительство не могло под угрозой применения военной силы разрешить иностранцам вмешиваться в свои административные и юридические функции; никакое правительство не принесет извинений за преступные действия, которых оно не совершало, согласившись в противном случае на признание справедливости лживых обвинений в своем соучастии и покровительстве. Даже австрийский барон фон Визнер, направленный в Сараево для расследования обстоятельств убийства, информировал 2 июля австрийское правительство о том, что он не обнаружил никаких данных, свидетельствовавших о причастности правительства Сербии к убийству.

Как только правительство России узнало об ультиматуме, оно предложило Сербии выполнить все требования, кроме тех, которые нарушали основные права суверенного государства. Именно такую позицию и заняло правительство Сербии, изложив ее в ноте от 10 июля. Венское правительство расценило ноту Белграда как неудовлетворительную, и с этого момента Австрия и Сербия оказались в состоянии войны. 15 июля австрийцы подвергли Белград артиллерийскому обстрелу.

В тот же день лорд Грей предложил немедленно созвать конференцию великих держав, однако австрийцы отклонили предложение Грея обсудить вопрос австро-сербских отношений, как вопрос, который затрагивал их национальное достоинство. Берлин поддержал Вену.

Все попытки русского правительства посредством прямых переговоров с австрийцами убедить их в необходимости найти мирное решение и внести изменения в условия ультиматума были категорически отвергнуты. А тем временем германские агенты в Западной Европе всеми силами пытались убедить общественность, будто правительство Сербии отклонило справедливые требования Австрии под давлением агрессивных сил Санкт-Петербурга. Эти утверждения были с готовностью подхвачены пацифистскими и прогерманскими кругами в Англии и Франции, которые считали, что именно Россия является главным виновником всех международных интриг, ставящих под угрозу мир в Европе.

Сегодня нет смысла опровергать эти абсурдные утверждения или доказывать, что не "преждевременная мобилизация" в русской армии стала причиной первой мировой войны. Даже летом 1917 года, в разгар боев на русском фронте, независимый левый социал-демократ Гаазе сделал в рейхстаге официальное заявление, за которое, окажись оно ложным, его бы судили по обвинению в измене. Гаазе сказал, что через неделю после убийства эрцгерцога, 22 июня 1914 года, кайзер Вильгельм провел секретную встречу высокопоставленных лиц австрийского и германского правительств, а также вооруженных сил. На этой встрече было

решено использовать сараевскую трагедию как предлог для начала превентивной войны против стран Тройственного соглашения, и в соответствии с этим был разработан генеральный план действий. По понятным соображениям, чтобы не вызывать подозрений у Англии или России, первую часть плана следовало осуществить одной лишь Австрии без какого-либо участия Германии. Следует добавить, что такая стратегическая уловка — отъезд кайзера "на отдых" — сработала великолепно. Развевая подозрения своих будущих противников, Германия получила трехнедельную фору для подготовки неожиданного нападения.

Зная о том, что всеевропейская война между двумя группировками держав неизбежна, что Великобритания, имея флот, не имеет — на тот момент — сухопутной армии, что континентальные союзники Великобритании ведут ускоренную реорганизацию и перевооружение своих армий, но пока не готовы к войне, что Россия 1914 года — это не Россия 1904 года, что она стала страной с высокоразвитой промышленностью, включая военную, и, что через два или три года Франция и Россия завершат подготовку к войне и тогда их военный потенциал превысит военную мощь Германии, немцы, как они полагали, избрали единственно возможный путь — застать врасплох плохо подготовленного врага.

Могла ли Россия, которая была абсолютно не готова к столкновению с Германией и которая по опыту 1908 года знала о поддержке Австрии Германией, действительно спровоцировать кайзера начать войну? Безусловно, нет. Документы о причинах войны, опубликованные в Белой книге санкт-петербургского правительства от 1915 года, полностью исключают такую возможность. На первом военном совете по вопросу об австро-сербском конфликте, который царь провел за день до артиллерийского обстрела Белграда, было решено объявить на следующий день, а именно 13 июля, о принятии мер предосторожности, а если положение ухудшится, провести *частичную* мобилизацию; она должна была охватить 13 корпусов в четырех военных округах, не граничащих с Германией. Министр иностранных дел С. Д. Сазонов немедленно сообщил об этом решении германскому послу в Санкт-Петербурге графу Пурталесу, указав, что эти меры никоим образом не направлены против Германии и что не будет предпринято никаких действий против Австрии.

Кризис в Европе развивался с такой головокружительной быстротой, что проводить лишь частичную мобилизацию как меру, направленную против Австрии, было бессмысленно и по техническим, и по политическим соображениям. Частичная мобилизация не являлась какой-то ступенью в программе всеобщей мобилизации в России на случай войны, поэтому, останься вопрос о ней в силе, это могло бы лишь осложнить положение России в случае критических обстоятельств. Спешно прибывший с Кавказа в Санкт-Петербург генеральный квартирмейстер Генерального штаба генерал В. Н. Данилов предложил генералу Н. Н. Янушкевичу, только что назначенному на пост начальника Генерального штаба, у которого уже не было времени ознакомиться с мобилизационными планами, пересмотреть отданный приказ. Царю для окончательного решения были направлены проекты двух отдельных приказов — один о частичной, другой о всеобщей мобилизации.

Утром 16 июля из Царского Села поступил приказ о всеобщей мобилизации, уже подписанный царем; он должен был вступить в силу в полночь. К этому времени военные власти располагали надежной и точной информацией о концентрации германских вооруженных сил близ границ с Францией и Россией.

Тем же утром 16 июля граф Пурталес посетил С. Д. Сазонова и в резких выражениях заявил ему, что продолжение в России мобилиза-

ции, угрожающей Австрии, вынудит принять соответствующие меры Германию. Тем не менее в течение того дня, 16 июля, Николай II поддерживал постоянную связь по телеграфу с кайзером, который к тому времени возвратился из "туристической поездки" к норвежским фиордам. Ошибочно считая после получения одного из посланий кайзера, что тот искренне заинтересован в мире, царь в тот же вечер направил ему ответную телеграмму, в которой выражал благодарность за полученное послание и отмечал, что оно резко отличается от тона, которым обсуждал германский посол тот же вопрос 16 июля на встрече с Сазоновым.

Вечером того же дня царь отменил свой приказ о всеобщей мобилизации и вместо него отдал приказ о частичной мобилизации, который вступал в силу в тот же срок — 17 июля.

На следующий день, когда уже стало известно, что 18 июля Австрия собирается объявить положение боевой готовности и что Германия абсолютно открыто проводит военные приготовления, царь получил от кайзера еще одну телеграмму, составленную на этот раз в более резких выражениях. Германский император дал вполне ясно понять, что Пурталес сделал заявление в полном соответствии с его инструкциями и что, если Россия не отменит мобилизации, на царя ляжет вся ответственность за последствия. В ответ на это царь после мучительных колебаний в конце концов отменил во второй раз частичную мобилизацию и отдал приказ о всеобщей мобилизации, установив срок его вступления в силу ровно в полночь 18 июля.

Позднее, стремясь избежать раздражения Германии, царь запретил военным кораблям без его предварительного разрешения минировать воды Балтийского моря. 17 июля Адмиралтейство получило донесение о том, что германский флот покинул Киль и направился в сторону Данцига. В ожидании распоряжения царя командующий Балтийским флотом адмирал А. М. Эссен направил начальнику штаба военно-морских сил адмиралу А. И. Русину телеграмму с просьбой просить разрешения царя на немедленное минирование. Телеграмма была получена около полуночи 17 июля. Несмотря на поздний час, начальник штаба в сопровождении ближайших помощников отправился к военно-морскому министру и просил его разбудить царя и получить его разрешение на минирование. Военно-морской министр решительно отказался выполнить эту просьбу. Попытки прибегнуть к помощи Великого князя Николая Николаевича также потерпели неудачу. Лишь в 4 часа утра, когда офицеры, посланные Русиним к однополчанину царя генералу Янушкевичу, не вернулись обратно, адмирал принял решение нарушить императорское распоряжение и отдал приказ о начале минирования. Через несколько минут после этого было получено согласие от генерала Янушкевича.

Утром 18 июля в 11.30 адмирал Эссен по радиотелеграфу сообщил начальникам штабов о том, что минные заграждения поставлены.

Вечером того же дня граф Пурталес посетил министра иностранных дел Сазонова и со слезами на глазах сообщил ему о том, что начиная с полуночи 18 июля Германия находится в состоянии войны с Россией.

МОНАРХИЯ НА ПУТИ К КРАХУ

28 мая 1914 года завершилась весенняя сессия IV Думы. Заседания проходили крайне остро, приобретая порой даже бурный характер. Члены всех фракций, от социал-демократов до октябристов, подвергли резкой критике гибельную политику Горемыкина, настаивая на отставке трех министров, проявивших наиболее фанатическое неприятие народного представительства — Маклакова (министра внутренних дел), Щегловитова (министра юстиции) и Сухомлинова (военного министра). Что касается наиболее умеренных депутатов, то их стремление устранить кабинет Горемыкина было продиктовано не столько отношением ко внутренней политике правительства, сколько к крайне тревожному положению в Европе.

Русская армия находилась в тот период в критической стадии: полным ходом претворялась в жизнь широкая военная программа, разработанная французским и русским генеральными штабами в ответ на наращивание военного потенциала в Германии и Австрии.

В самом конце весенней сессии правительство решило кратко информировать наиболее влиятельных членов комиссии Думы по военным делам о достигнутом прогрессе в сфере обороны. Для этого Родзянко провел совершенно секретное заседание, на котором должен был выступить военный министр с изложением целей и задач коренной реорганизации системы русской обороны вдоль западных границ.

Меня, представителя левого крыла оппозиции, на это крайне важное заседание не пригласили, поэтому я могу лишь процитировать выдержку из показаний лидера кадетской партии П. Н. Милюкова, данных им в ходе специального расследования деятельности бывших царских министров и чиновников, проведенного в августе 1917 года: "На закрытом заседании по вопросам, связанным с военной программой, Сухомлинов проявил полную некомпетентность в военных делах. Мы и сами были не большими знатоками, но могли понять, что он не имел ни малейшего представления о проводимых в армии мероприятиях и о "реформе", суть которой должен был нам изложить, он знал не больше человека, только что прибывшего с Луны. Но так или иначе, мы поняли, что план предусматривал не "реформу" вооруженных сил, а лишь их перегруппировку и реорганизацию на случай большой войны, которая, как ожидалось, разразится в 1916 году".

Какие меры следовало предпринять? У меня на это не было ответа, но одно я знал совершенно твердо: схватка с Германией не будет носить узкорегionalный характер, как это было в русско-японскую войну. Это будет война, в которой, как и в 1812 году, примет участие вся нация.

Конечно, далеко не все, что обсуждалось и совершалось за непроницаемыми стенами правительственных учреждений, доходило до сведения даже наиболее сведущих в политике представителей общественности. Но теперь, когда я знал, что всякие теоретические дискуссии и обсуждения, будет или не будет война, абсолютно беспредметны и что схватка неизбежна, я искренне осознал, что не могу — не имею права

— скрыть то, что знаю, от некоторых видных представителей левых и радикальных группировок. Я также считал важным уяснить для себя мнение этих людей, перед тем как отправиться в ежегодную поездку по стране.

Мне даже удалось организовать встречу, в которой, к сожалению, приняло участие не так уж много людей, поскольку большинство успело разъехаться в летние отпуска. На ней разгорелись жаркие споры — отнюдь не все верили, что война не за горами, — однако в одном были согласны все до единого: если война все же разразится, каждый из нас выполнит свой долг по защите страны.

В конце концов после многодневных утомительных дискуссий мне удалось покинуть Санкт-Петербург и вдохнуть свежий воздух бесхитростной русской провинции. Я взял себе за правило во время летних каникул совершать поездки по стране, рассказывая о работе Думы и помогая на месте в организации политической работы. На этот раз путь мой пролегал через Урал к Волге. Обращаясь сегодня в прошлое, осознаешь, что политические свободы в России того времени напоминали волшебную сказку. Россия стала совсем другой страной, чем была до русско-японской войны. К лету 1914 года Россия превратилась в политически организованную страну и потребовалось бы от силы два или три года, чтобы вытравить с лица земли все следы самодержавия и создать новую, демократическую Россию.

В начале июля я покинул Екатеринбург*, где участвовал в работе съезда учителей начальных школ, и приехал на несколько дней в Самару. Город проявлял огромный интерес к политическим событиям. Во время моего выступления городской театр был переполнен и толпы людей вынуждены были стоять на площади перед зданием.

Вечер прошел весьма оживленно, хотя, как и обычно, не было задано ни одного вопроса о международных делах; все были поглощены лишь повседневными проблемами внутренней жизни. После выступления был устроен прием, на котором присутствовали, помимо меня, товарищ председателя Думы Н. В. Некрасов и небольшая группа местных политических деятелей. Но тут главной темой разговора была напряженность международной обстановки.

На следующий день, 10 июля, мы в сопровождении друзей отправились на пристань, Некрасов ехал к Черному морю навестить семью, я отправлялся в Саратов, где у меня было назначено очередное выступление. Когда мы стояли на пристани, неожиданно появился мальчишка-газетчик, который истошно выкрикивал: "Последние новости! Австрия направила ультиматум Сербии!" Было чудесное летнее утро, в лучах солнца ослепительно сверкала гладь Волги, на палубах огромного парохода, стоявшего у пристани, толпились радостные, возбужденные люди. Мало кто из них обратил внимание на мальчишку-газетчика, но в нашей маленькой компании все разговоры сразу же оборвались. Радужного настроения, порожденного столь успешным пребыванием в Самаре, — как не бывало. Мы слишком хорошо понимали, что этот ультиматум означал общеевропейскую войну. После краткого обмена мнениями было решено, что я немедленно возвращаюсь в Санкт-Петербург, а Некрасов до предела сократит поездку к Черному морю.

В жизни человека случаются мгновения, когда всякие размышления и раздумья становятся бессмысленными: взамен им приходит внезапное осознание важности происходящих событий. В тот момент я ясно понял, что в грядущую войну будет вовлечен весь русский народ и что он выполнит свой долг.

* Переименованный в 1924 году в Свердловск.

В конце июня 1914 года в столице начались беспорядки среди рабочих (в которых приняло участие около 200 тысяч человек), а в рабочих кварталах на Выборгской стороне появились баррикады. За несколько дней до начала войны Пурталес направил в Берлин донесение, в котором говорилось, что внутренние раздоры в России создали благоприятные психологические предпосылки для объявления ей войны. Его превосходительство в своих суждениях сделал фатальную ошибку. В день объявления войны тысячи рабочих, которые еще накануне вечером участвовали в революционных забастовках, направилась в знак солидарности к посольствам союзных стран. И на площади перед Зимним дворцом, той самой площади, которая была свидетелем трагедии января 1905 года, огромные толпы людей из всех слоев общества с воодушевлением приветствовали самодержца и пели "Боже, царя храни!".

Вся нация, жители больших и малых городов, как и сельской местности, инстинктивно почувствовали, что война с Германией на многие годы вперед определит политическую судьбу России. Доказательством тому было отношение людей к мобилизации. Учитывая огромные просторы страны, ее результаты произвели внушительное впечатление: лишь 4 процента военнообязанных не прибыли в срок к месту приписки. Другим доказательством явилось неожиданное изменение в умонастроениях промышленного пролетариата. К удивлению и возмущению марксистов и других книжных социалистов, русский рабочий, так же как французский и германский, проявил себя в той же степени патриотом, как и его "классовый враг".

"В начальный период войны, — писал впоследствии один из коммунистических историков, — численно малые силы партии, очутившись в атмосфере равнодушия и даже враждебности, встали на единственно возможный для них путь — путь медленного, но неуклонного привлечения на свою сторону союзников. Эта болезненная работа привела к постепенному преодолению и устранению этого "субъективного заблуждения"*, проявившегося в партийных рядах в начале войны. По мере возрождения и идеологического укрепления это партийное ядро повело неустанную борьбу против патриотических настроений революционных масс"**.

Я понимал, что борьбу, которую мы вели с остатками абсолютизма, можно теперь на время отложить. Мы вступили в сражение с могущественным врагом, который в техническом отношении значительно превосходил нас. В этих условиях надо было сконцентрировать все наши усилия, всю волю народа ради достижения одной цели. Единство страны определялось не только патриотизмом народа, оно также в большой степени определялось внутренней политикой правительства. Массы были готовы проявить добрую волю и не поминать о старом. Такое же желание оставалось проявить и монархии.

По пути в Санкт-Петербург я работал над планом действий на период войны, основанным на примирении царя и народа.

Быть может, то было бесплодным мечтанием, но бывают времена, как в истории страны, так и в жизни отдельных людей, когда их спасение определяется вовсе не логикой и не разумом. Эта вторая война за национальное выживание (первая была в 1812 году) предоставила царю уникальную возможность протянуть руку дружбы народу, обеспечив тем самым победу и упрочение монархии на многие годы.

* То есть патриотизма.

** Очерки по истории Октябрьской революции. С. 203.

В манифесте царя по случаю войны с Германией не было недостатка в благородных, патриотических и гуманных эмоциях, но мы нуждались в примирении не на словах, а на деле.

Открытие чрезвычайной сессии Думы было назначено на 26 июля. В период, предшествовавший этой исторической сессии, в служебном помещении Родзянко ежедневно проводились заседания Совета старейшин, куда входили представители различных партий. Никто не сомневался, что Дума единодушно подтвердит решимость всех классов и национальных групп защитить отечество и обеспечить победу в войне. Решающим был вопрос: пойдет или не пойдет на уступки народу царь. Предполагалось, что в канун открытия Думы 26 июля Родзянко отправится с докладом к царю. На одном из заседаний я обратился к Родзянко с настоятельной просьбой от имени Совета старейшин сообщить царю, что, по мнению Думы, ради успешного исхода войны ему совершенно необходимо предпринять следующие шаги: 1) изменить внутреннюю политику; 2) провозгласить всеобщую амнистию для политических заключенных; 3) восстановить конституцию Финляндии; 4) объявить автономию Польши; 5) предоставить нерусским меньшинствам самостоятельность в области культуры; 6) отменить ограничения в отношении евреев; 7) покончить с религиозной нетерпимостью; 8) прекратить преследования законных организаций рабочего класса и профессиональных союзов. Все эти пункты содержались в манифесте от 17 октября 1905 года, однако власти упорно не желали осуществлять ни одного из них. Я посоветовал старейшинам не настаивать на том, чтобы царь провел какие-либо реформы, а лишь подтвердить свое требование об осуществлении ранее обещанных. Мою просьбу поддержали прогрессисты, меньшевики и левые кадеты.

Затем предстояло переговорить с Милюковым. Он был компетентным историком и считался специалистом в области международных отношений. Ссылаясь на пример Англии, он считал, что Дума должна, не ставя никаких условий, проявить полное доверие правительству, независимо от совершенных им ошибок. Ссылки на пример Англии казались мне абсолютно беспочвенными, поскольку любое английское правительство находится под жестким контролем общественного мнения и, более того, выражает волю партии, одержавшей победу на выборах. В России же никогда не существовало подлинно демократической парламентской системы. Фактически кабинет Горемыкина просто-напросто подчинялся диктату Распутина и его клики и не обращал ни малейшего внимания на общественное мнение. Кроме того, неуместность примера Англии особенно ярко проявлялась в том факте, что английская консервативная оппозиция отказывала в поддержке либералам до тех пор, пока руководители обеих партий не достигли личного соглашения по политике на период войны.

И тем не менее мое предложение забаллотировали.

Да и будь все мои пункты приняты, я сильно сомневаюсь, что требования Совета старейшин оказали бы на умонастроения царя воздействие большее, чем энтузиазм народа.

Перед самым отъездом Родзянко в Царское Село у нас с ним состоялся продолжительный разговор. Он записал мои соображения на листке бумаги и обещал упомянуть о них при встрече с царем. По возвращении он сказал мне, что выполнил мою просьбу, но царь, мельком проглядев листок, положил его на стол без каких-либо замечаний.

В последнем докладе царю, датированном 10 февраля 1917 года, Родзянко напомнил ему о тех первых месяцах войны, когда все еще

было возможно, но ничего не было сделано. В докладе говорилось: "Мы были свидетелями того, в каком соответствии с требованиями момента действовали правительства наших союзников, и мы были свидетелями того, каких замечательных результатов они достигли. А что делали мы в то время? Вся нация стремилась к единению, а наше правительство не осуществляло никакой политики, более всего боясь единения народа. Правительство не только отказывается внести какие-либо изменения в методы управления, но даже пытается всячески оправдать их ссылаясь на когда-то почитаемый, но давно отброшенный опыт. Волна арестов, ссылок, преследований печати достигла наивысшей точки. И даже те люди, на поддержку которых одно время могло рассчитывать правительство, ныне вызывают подозрения. Вся страна находится под подозрением".

Но время уже ушло, и какой теперь был толк в напоминаниях Родзянко о том, что следовало бы сделать в начале войны? Ему бы поддержать меня тогда, в 1914 году, в моих попытках убедить Совет старейшин выполнить свой долг представителей народа, доказав царю, что единственный путь объединения страны — объединение верховной власти с народом во имя борьбы за Россию.

Можно возразить, что наказ этот все равно не был бы услышан. Вероятно, так. Но тогда большинство Думы, по крайней мере, не подверглось бы всенародному осуждению за молчаливое послушание в первый год войны и принятие жестоких и произвольных действий царских министров.

Возможность победы теперь зависела только от непреклонной решимости народа защищать свою страну до последнего человека. На это я и возлагал свои надежды: я был уверен, что все преграды, созданные монархией на пути к победе, будут преодолены. Именно об этом я и сказал в своей речи на историческом заседании Думы 26 июля.

Перед открытием заседания мне довелось пережить несколько неприятных минут. Дело в том, что трудовики и социал-демократы первоначально пришли к заключению о необходимости выступить с заявлением, в котором обе партии выражали решимость народа, несмотря на антинародную и обструкционистскую политику правительства защищать страну (что было согласовано на конференции).

Совместное заявление было в общих чертах сформулировано накануне вечером, и мне поручили написать окончательный текст и привезти его на следующий день в Думу. Однако, когда я приехал, меня ждало горькое разочарование.

В Екатерининском зале ко мне подошел председатель социал-демократов Чхеидзе и весьма смущенно заявил о невозможности выступления с совместным заявлением. Я потерял дар речи. На мой вопрос о причине он ответил, что накануне ночью из какого-то агентства была получена телеграмма, в которой сообщалось о состоявшейся в Германии антивоенной демонстрации социал-демократов, а раз так, он обязан их поддержать. Я выразил сомнение в достоверности сообщения, отметив, что германские социал-демократы прежде всего немцы, а немцы не настолько тупы, чтобы пойти на такой шаг. Чхеидзе лишь развел руками. Я попросил разрешения ознакомиться с текстом заявления его партии, а прочитав его, возвратил со словами: "Поступайте, как знаете, но вот этот абзац надо выкинуть при любых условиях, иначе вы потом тяжело за него поплатитесь..."*

* В абзаце содержался призыв саботировать отправку эшелонов с военными грузами.

Зачитать заявление от имени всей фракции социал-демократов на вскоре открывшемся заседании Думы было поручено большевику по фамилии Хаустов*. Составленное в типичном стиле марксистского жаргона, оно просто-напросто утверждало, что "пролетариат, неизменно стоящий на страже свободы и интересов народа, всегда будет бороться в защиту культурного богатства народа от всяких посягательств, откуда бы они ни исходили", и выражало надежду, что нынешняя волна варварства** будет последней.

Вечером того же дня поступило официальное сообщение, что никаких акций со стороны германских социал-демократов предпринято не было. Опасных последствий такого трюка частично удалось избежать, поскольку самый рискованный пассаж из заявления Чхеидзе все же был выброшен.

После выступлений министров, изложивших политику правительства, председатель Думы предоставил слово мне. В заключительных словах сделанного мною от имени трудовиков короткого заявления я сказал: "Мы абсолютно уверены, что внутренняя изначальная сила русской демократии вкупе с другими движущими силами русского народа дадут отпор агрессорам и защитят отечество и культурное наследие, созданное потом и кровью предшествующих поколений. Мы верим, что страдания на полях сражений укрепят братство русского народа и приведут к общей цели — освобождению страны от чудовищных оков. Однако даже в этот трудный час власти не желают положить конец внутренним разногласиям; они не хотят даровать амнистию тем, кто боролся за свободу и счастье нашей страны, как не хотят пойти навстречу нерусским меньшинствам, которые, забыв о прошлых обидах, сражаются бок о бок с нами за Россию. Вместо того чтобы облегчить тяготы трудящихся, власти вынуждают их нести главное бремя военных расходов, увеличив размеры косвенного налогообложения. Крестьяне, рабочие и все, кто желает счастья и процветания родине, будьте готовы к тяжким испытаниям, которые нас ожидают впереди, соберитесь с силами, ибо, *защитив свою страну, вы освободите ее*".

Эти несколько строк выражали суть политической программы на время войны той группы, с которой я был связан, чьей воле я подчинялся и чьи цели я стремился выразить.

Целиком и полностью поддерживая консервативные и правые партии, составлявшие большинство в Думе, Милюков выразил их чувства, вполне определенно заявив: "Мы не выдвигаем никаких требований и не ставим никаких условий; мы лишь выражаем несокрушимую решимость сделать все ради победы на полях сражений".

Тем самым большинство Думы отдавало Россию на весь период войны на милость деспотичного и эгоистического правительства, обрекая себя на бездействие и молчание в то особо критическое для судеб страны время.

Как же истолковали монархия и реакционные министры этот неожиданный взрыв патриотизма и еще более неожиданный вотум доверия, который вынесла правительству Дума? Именно так, как и следовало ожидать от людей, мечтавших о возвращении России к системе абсолютной власти. Они сочли, что претендующие на роль политиков члены Думы, которые занимаются играми, изображая себя представителями народа, и пытаются вмешиваться в государственные дела, оказались вынуждены пойти на капитуляцию под натиском могучей волны чувств, охвативших преданных трону людей, объединившихся вокруг царя и по-

* Так у автора. Хаустов не был большевиком. — *Прим. ред.*

** То есть "война".

могавших ему, как не раз в прошлом, спасти страну от вражеского нашествия. И теперь, когда народ взял сторону царя, министрам, верным защитникам традиционного абсолютизма, Дума больше не нужна и нечего больше бояться ее критики. Приблизительно такие выводы сделали они из сложившейся ситуации!

Хотела ли в действительности Дума ликвидации монархии? Нет. В России, как и во всех других странах Европы, за исключением Франции, правила монархия. И в момент, когда на карту была поставлена судьба России, даже сторонники республиканского строя, к коим относился и я, готовы были предать забвению прошлое во имя единения нации. И разве, в конце концов, не объявил царь в своем манифесте от 17 октября 1905 года, что отныне и во веки веков ни один закон не будет приниматься без утверждения Думой? И разве это уже не свидетельствует о создании конституционной монархии, хотя бы такой неполной и несовершенной?

А тем временем по двум направлениям шло разрушение патриотических настроений рабочих, которые всеми силами стремились защитить родину. С одной стороны, правительственные власти всячески подрывали деятельность больничных касс и других социальных организаций, отправляя на фронт наиболее опытных и влиятельных рабочих и профсоюзных деятелей. И хотя большинство их составляли социал-демократы и меньшевики*, им была абсолютно чужда пораженческая пропаганда Ленина. Оказавшись в полном меньшинстве, сторонники Ленина использовали создавшееся положение в своих собственных целях.

Вместе с тем с началом войны среди рабочих окрепла надежда на объединение многочисленных партий и прекращение межфракционной грызни. Осуществись эта надежда, и патриотические настроения рабочих получили бы дальнейшее развитие. Ленин со всей очевидностью понимал это и всеми силами поэтому противился любому сближению с меньшевиками.

16 декабря 1914 года директор Департамента полиции направил всем отделениям тайной полиции следующий циркуляр (за номером 190791): "В связи с чрезвычайной опасностью настоящего плана (объединения партий) и крайней желательностью сорвать его, Департамент полиции считает необходимым просить всех руководителей отделений тайной полиции довести до сведения находящихся в их распоряжении агентов, что они должны настойчиво проводить в жизнь во время посещения партийных собраний и всячески отстаивать идею о полной невозможности какого-либо организационного слияния существующих течений, особенно большевиков и меньшевиков".

Углубление разногласий среди рабочих, все более безжалостные меры подавления активности социальных организаций рабочих, предпринимаемые властями, помогли большевистскому меньшинству охладить патриотические настроения пролетариата.

В начале декабря из Швейцарии до России дошли ленинские тезисы, известные в дальнейшем как "пораженческие". На тайном заседании Центрального Комитета большевистской партии, которое было проведено на окраине Петрограда** для обсуждения этих тезисов, естественно, присутствовала "пятерка" — полный состав большевистской фракции в Думе. В заседании принял также участие известный деятель партии Л. Б. Каменев (Розенфельд), который, незадолго перед тем вернувшись из эмиграции, жил в то время на легальном положении. Через своих

* Так у автора. — *Прим. ред.*

** В августе 1914 года Санкт-Петербург был переименован в Петроград.

агентов, один из которых был редактором "Правды", охранка получила точную информацию о месте и времени заседания и о числе его участников. Едва заседание открылось, как явилась полиция, арестовала и отправила в тюрьму "пятерку", а с ними и Каменева. Их немедленно судили и 14 февраля сослали в Сибирь.

Немногие из рабочих знали содержание Ленинских тезисов. Они знали только одно — их представителей изъяли из Думы. Большевикам же заполучить пять мучеников было только на руку — судьба "пятерки" стала для сторонников Ленина главной темой в их подрывной деятельности среди рабочих. Как ни странно, но это ничуть не обеспокоило Маклакова и Щегловитова.

Мучительно было наблюдать, как люди, стоявшие у власти, стремились подавить в народе любое проявление патриотических чувств, сорвать всякую попытку помочь правительству и русским солдатам, которые в необычайно трудных условиях героически сражались с хорошо вооруженным врагом.

Все одиночные попытки, включая и мои, помешать процессу распада оканчивались безрезультатно. Некогда свободная пресса, ныне поставленная под жесткий контроль цензуры и использовавшаяся Горемыкиным как орудие в борьбе с общественным мнением, не могла быть источником правды. А Дума, которая могла и должна была им стать, по своей собственной воле обрекла себя на долгое молчание.

В феврале 1915 года была созвана сессия Думы для рассмотрения бюджета. Она длилась всего два дня. Оба дня "Прогрессивный блок" сохранял верность своему обещанию и хранил молчание; не прозвучало ни одного критического слова по поводу деятельности министров. Последствия этого "патриотического" молчания были фатальными.

РАЗРЫВ С ТРОНОМ

ЗАГОВОРЫ И КОНТРЗАГОВОРЫ

Тяжкие испытания, выпавшие на долю русских армий во время великого отступления весной и летом 1915 года, наконец-то пробудили от спячки либеральных и консервативных лидеров Думы. Потребовался целый год бесконтрольного правления реакционных министров, для того чтобы наиболее видные представители разных сфер деятельности осознали свою непростительную ошибку. В конце концов, опираясь на общественное мнение всей страны, они потребовали реорганизации правительства и немедленного созыва Думы; кроме того, они высказались за участие независимых организаций в работе по снабжению армии.

В мае, без заблаговременного уведомления правительства, по инициативе крупных московских промышленников и предпринимателей был созван Всероссийский съезд представителей промышленности и торговли. Его главная задача заключалась в создании Центрального Военно-промышленного комитета и многочисленных его подразделений. Отныне вся промышленность была мобилизована на немедленную отправку на фронт обмундирования, снаряжения и боевой техники. Каждый, кто имел хоть какой-нибудь вес в экономике, принял активное участие в решении этой задачи. В комитет вошла также группа рабочих- "оборонцев"* , которые с конца 1916 года вплоть до революции решительно противодействовали пораженческой пропаганде, распространяемой агентами Протопопова, Ленина и Людендорфа.

Комитет работал рука об руку с двумя могущественными общественными организациями — Союзом земств и Союзом городов. Его возглавил председатель Союза земств князь Г. Е. Львов, впоследствии первый председатель Временного правительства. Сотрудничал с комитетом и Союз кооперативов. Все эти организации пользовались полной поддержкой как всех политических партий (за исключением большевиков и крайне правых), так и Верховного командования на фронте, Думы и всех подлинно патриотических министров.

Позднее, живя в эмиграции, князь Львов писал:

"Пожалуй, ни одна страна, кроме России, не столкнулась во время войны со столь важной проблемой. Она была вынуждена не только вести борьбу с противником, который значительно превосходил ее в области вооружений и военной подготовки, но и создать новые мощные оборонные организации. Они возникли вопреки противодействию правительства и опирались на поддержку сил, потенциал которых доселе был неведом. Только природный талант и врожденные организаторские способности, в основе которых лежала предприимчивость русского народа, спасли в то время Россию"***.

* Тех, кто выступал в противовес "пораженцам" на защиту страны от Германии.

** Russian Local Governments During the War and the Union of Zemstvos (Carnegie Endowment for International Peace. Yale University Press. 1930. Papers of Prince G. E. Lvov).

В июне из правительства были выведены наиболее ненавистные министры — В. А. Сухомлинов, И. Г. Щегловитов, Н. А. Маклаков и В. К. Саблер и их посты заняли генерал А. А. Поливанов, А. Ф. Самарин (предводитель московского дворянства), князь Н. Б. Щербатов и сенатор А. Н. Хвостов. Это были честные люди, пользовавшиеся доверием Думы.

Первым вопросом, который встал перед "новым" правительством (все еще возглавлявшимся дряхлеющим дворцовым угодником И. Л. Горемыкиным), была проблема крайне напряженных отношений между правительством и Верховным главнокомандующим Великим князем Николаем Николаевичем. Сложность заключалась в том, что статут прав и обязанностей Верховного главнокомандующего, утвержденный буквально накануне войны, наделял его неограниченными полномочиями как на фронте, так и в тылу, а также во всех делах, связанных с непосредственным ведением войны. Произошло это потому, что царь Николай намеревался в случае войны с Германией взять функции Верховного главнокомандующего на себя. И лишь в последнюю минуту, уступив просьбам Горемыкина, он изменил свои намерения.

Вместо царя на этот пост был назначен Великий князь Николай Николаевич, пользовавшийся, никогда не мог понять почему, большим авторитетом как в светских, так и в военных кругах. А сами права, которыми официально наделялся Верховный главнокомандующий, изменений не претерпели.

Возникло парадоксальное положение. Верховный главнокомандующий, не являясь правителем страны, приобрел, по сути дела, неограниченную власть, за которую не нес никакой ответственности даже перед правительством.

В самом начале войны Горемыкин заявил председателю Думы: "Правительство будет заниматься только внутренними вопросами. Проблемы войны меня не касаются"*. Таким образом, реально в стране в то время действовали две власти.

Ни чрезмерно деятельный Великий князь Николай Николаевич, ни глава его штаба генерал Янушкевич ничего не смыслили в вопросах внутренней политики и экономики. И тем не менее они поступали в пределах своих полномочий, когда, полностью игнорируя правительство в Санкт-Петербурге, направляли свои распоряжения непосредственно местным властям, не ставя о них в известность столицу. Получая приказы из двух источников, провинциальные чиновники были в полной растерянности, не зная, кому им следует подчиняться.

Во время великого отступления 1915 года Верховное командование вызвало в стране настоящий хаос насильственной высылкой из прифронтовых районов всех без исключения евреев, не колеблясь присоединив к ним и других местных жителей.

Из состава штаба Верховного главнокомандующего лишь генерал Данилов был настоящим военным стратегом, получившим военную подготовку. В письмах военному министру Янушкевич откровенно признавался, что не подготовлен для выполнения обязанностей на занимаемом им посту.

Отсюда ясно, что обстановка на фронте и внутри страны настоятельно требовала коренных изменений во взаимоотношениях между Верховным командованием и правительством. Вновь созданный Совет министров высказал почти единодушное мнение, что не видит возможности управлять страной, пока существует столь ненормальное разделение власти.

* The Fall of the Tsarist Regime. Vol. 7. P. 119.

Тактично избегая вопросов, касающихся действий главнокомандующего на фронте, большинство министров, как новых, так и старых, решительно критиковало создавшуюся ситуацию. Горемыкин упрашивал министров не обострять обстановку, поскольку их критика могла вынудить царя принять на себя обязанности Верховного главнокомандующего.

Так оно и произошло в действительности. Царь Николай стал Верховным главнокомандующим, отослав популярного Великого князя Николая Николаевича своим наместником на Кавказ. Естественно, такое решение почти повсеместно рассматривалось как великое бедствие, знаменующее новые катастрофы на фронте. Однако эти страхи оказались беспочвенными.

Все, кто следил за развитием событий на фронте в период наступления немцев весной и летом 1915 года, понимали, что, несмотря на огромное превосходство в вооружениях и блестящие тактические успехи, даже несмотря на растерянность, царившую среди генералов Великого князя Николая Николаевича, Верховное командование Германии потерпело стратегическое поражение. Планировавшаяся им операция "двойного охвата", призванная взять в клещи целую русскую армию, уничтожив ее тем самым как военную силу, потерпела полное поражение. Оправившись от нанесенных ей ударов, русская армия заняла позиции вдоль новой оборонительной линии, которые она удерживала вплоть до Октябрьской революции. По мнению наблюдателей, такую замечательную стратегию удалось успешно осуществить, главным образом, благодаря усилиям генерала М. В. Алексева, которого царь назначил начальником Генерального штаба, передав тем самым руководство русской армией в руки лучшего в Европе стратега. И действительно, поскольку новый Верховный главнокомандующий счел за благо не вмешиваться в оперативные планы генерала Алексева, к осени положение на фронте значительно улучшилось.

И все же решение царя взять на себя функции Верховного главнокомандующего имело для России фатальные последствия. Царь стал все чаще посещать военную ставку и проводить там больше времени, тем самым уделяя меньше внимания внутренним проблемам страны. Став Верховным главнокомандующим, он предоставил царице функции соправителя, хоть и посоветовал ей как можно чаще консультироваться с министрами и действовать через их посредство, а также распорядился, чтобы те, в свою очередь, держали царицу на время его отсутствия в курсе всех дел и событий. Не потребовалось много времени, чтобы результаты столь странного нового двоевластия в стране проявились в полную силу.

Дума была созвана 19 июля. Постепенно в ней стало формироваться новое большинство, состоявшее из либералов и умеренных консерваторов. К середине августа это большинство оформилось в так называемый "Прогрессивный блок", программа которого была созвучна моим идеям о будущем России. Своей целью блок поставил создание правительства из лиц, "пользующихся доверием" страны и "согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы", в которые вошли бы члены Государственного совета, а также Думы.

Руководимый П. Н. Милюковым, С. И. Шидловским и В. В. Шульгиным, блок надеялся убедить царя, не выдвигая требований о создании правительства, непосредственно ответственного перед представителями народа, назначить Председателем Совета министров человека, который, будучи консерватором, не занимал бы при этом, подобно Горемыкину,

столь враждебной позиции по отношению к самому существованию Думы. Царь согласился на учреждение в составе всех министров, связанных с ведением войны, "Особых совещаний" по вопросам обороны, транспорта, топлива и продовольствия. В них предполагалось включить представителей большинства Думы, Государственного совета, Союзов земств и городов и Союза кооперативов. Тот факт, что такие совещания были созданы по инициативе Думы, свидетельствовал о вновь возникшем намерении царя управлять страной в соответствии с пожеланиями Думы.

23 августа царь, как Верховный главнокомандующий, отправился в Ставку. Тремя днями позже, 26 августа, на заседании Думы "Прогрессивный блок" изложил свою программу. Вечером 27 августа министры, наиболее расположенные к сотрудничеству с Думой, — П. А. Харитонов, князь Н. Б. Щербатов, А. А. Хвостов и марионетка в руках Распутина князь Шаховской встретились с представителями блока для обсуждения этой программы.

Попытка убедить царя сотрудничать с Думой и создать правительство, независимое от влияния Распутина, имела крайне важное значение для судеб русской монархии. Вот почему я считаю более предпочтительным вместо изложения своих воспоминаний, связанных с этим эпизодом, привести несколько относящихся к нему отрывков из записей, сделанных Милюковым во время заседаний президиума блока и других совещаний. Они были опубликованы много лет спустя в "Красном архиве", и их достоверность была письменно подтверждена Милюковым*.

"Вечером 27 августа Совет министров поручил четверем министрам — П. А. Харитонову (государственный контролер), князю Н. Б. Щербатову (исполняющий обязанности министра внутренних дел), А. А. Хвостову (министр юстиции), князю Шаховскому (министр торговли и промышленности) переговорить со следующими представителями "Прогрессивного блока" по поводу программы блока — В. В. Шульгиным (фракция центра), В. Н. Львовым (та же партия), П. Н. Крупенским (националист), И. И. Дмитриуковым (октябрист), С. И. Шидловским (левый октябрист и председатель блока), И. Н. Ефремовым (председатель партии прогрессистов), П. Н. Милюковым (лидер кадетов), Д. Д. Гриммом (академическая группа), бароном В. В. Меллером-Закомельским (октябрист), два последних также члены Государственного совета.

Совещание проходило следующим образом:

И. Н. Ефремов отметил, что в программе блока, видимо, по ошибке выпала часть этого отдела, говорившая о помиловании пяти депутатов с.-д. и восстановлении их в правах депутатов.

П. Н. Милюков подтвердил, что пункт этот был и оказался выпущенным по ошибке.

А. А. Хвостов сообщил, что у него был А. Ф. Керенский и грозил ему скандалом с кафедры Государственной думы, если в три дня он не решит дела в пользу депутатов. Он рассмотрел вместе с Керенским его черновые заметки и подробно ознакомился с подлинным делом. Его впечатление после всего этого, что суд не совершил ошибки... Однако он готов был ходатайствовать о помиловании и просил лишь Керенского, чтобы осужденные прислали телеграфное заявление, что в самом деле осуждают "пораженчество". Керенский от этого отказался.

П. Н. Милюков обращает внимание на трудное моральное положение, в которое министр поставил депутатов своим требованием. Купить

* *Miljukov P. N. Memoires. N. Y. 1955. Vol. 2. P. 217. (Ниже выдержки из стенограммы заседаний даются по: Красный архив. 1932. № 1—2, 3. — Прим. ред.)*

помилование путем формальной ретракции хотя бы таких взглядов, которых осужденные не разделяют, — политически невозможно: это равнялось бы для депутатов с.-д. политическим самоубийством, которого нельзя от них требовать. Притом амнистия по существу не есть пересмотр приговора по каким-нибудь новым обстоятельствам, а прощение вины. *П. Н. Крупенский* высказался по пункту 5-му об "отмене ограничительных законов для евреев". Я — прирожденный антисемит, но пришел к заключению, что теперь необходимо для блага родины сделать уступки для евреев. Наше государство нуждается в настоящее время в поддержке союзников. Нельзя отрицать, что евреи — большая международная сила и что враждебная политика относительно евреев ослабляет кредит государства за границей. Теперь, в особенности когда Барк (министр финансов) поехал за границу для заключения займа, необходимо обеспечить успех его поездки. Наши отношения с Америкой также улучшатся с переменой политики относительно евреев. Таким образом, я сознательно отказался от своих прежних взглядов и согласился с требованием к.-д., от которых они не могут отступить.

Кн. Щербатов. — Собственно, правительство уже вступило на почву отмены черты оседлости. Но на этом примере я вижу, как трудно для правительства идти дальше.

П. А. Харитонов по поводу 4-го пункта замечает, что об автономии Царства польского уже заявлено Горемыкиным, и отмена ограничений в правах (служба, дворянские организации) возможна. Но что разумеет блок под "пересмотром узаконений о польском землевладении"? Собственно, переход земли уже облегчен.

Он стал читать текст программы, пояснив, что текст этот сообщен ему уже ранее (очевидно, Крупенским). При словах "создание объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны", он остановился.

П. Н. Милюков обратил внимание Харитонova на то, что блок считает этот пункт основным и полагает, что от исполнения его зависит все остальное, упоминаемое в программе. Таким образом, и вопрос о "соглашении с законодательными учреждениями относительно выполнения программы" должен быть обсужден с правительством, пользующимся народным доверием.

П. А. Харитонов ответил, что выполнение этого пункта выходит за пределы компетенции кабинета. Очевидно, блок имеет в виду, что об этом его желании должно быть доведено до сведения верховной власти.

П. Н. Милюков и *И. Н. Ефремов* подтвердили, что именно так они и смотрят.

П. А. Харитонов заявил, что он доложит Совету министров об этом желании блока, и продолжал читать программу".

Это была первая и последняя встреча представителей "Прогрессивного блока" с членами правительства. Для блока она имела самые неожиданные последствия.

3 сентября дальнейшие заседания Думы были отложены до ноября. Из кабинета Горемыкина один за другим стали исчезать министры, вошедшие в него после летнего поражения на фронте (за исключением военного министра А. А. Поливанова), а за ними и министры прежнего состава, такие, как А. В. Кривошеин, тот самый, который убеждал царя не брать на себя обязанностей Верховного Главнокомандующего.

В начале октября с поста исполняющего обязанности министра внутренних дел был снят Н. Б. Щербатов и заменен крайне правым А. Н. Хвостовым. Этого умного и амбициозного молодого человека еще в 1911 году, до убийства Столыпина, заметил Распутин, предложив

его кандидатуру в качестве возможного заместителя министра или даже министра внутренних дел.

Тем самым соправительница царя, царица, дала понять всей нации, что отныне положен конец каким-либо колебаниям при защите многовековых принципов русского самодержавия.

Руководители "Прогрессивного блока" поняли, что все надежды на соглашение с короной рухнули. Что же предпринять дальше?

Этот вопрос и был поднят на следующем заседании блока 25 октября 1915 года. На нем, кроме членов блока, присутствовали князь Львов и М. В. Челноков, представлявшие Земский и Городской союзы, а также А. И. Гучков от Военно-промышленного комитета. Заседание состоялось сразу же после назначения Хвостова на пост министра внутренних дел.

Чтобы наиболее точно передать драматическую атмосферу этого, крайне важного, заседания, я снова процитирую заметки Милюкова. Первым выступил не входящий ни в одну партию либерал М. М. Федоров.

"М. М. Федоров. — Упадок настроения несомненен, но естественен. В широких кругах связывалась с депутацией* надежда, что это даст такой же результат, как предшествовавшие шаги. Неудача должна была вызвать реакцию. У большинства связывается с необходимостью действия... Уже пытались создать общественные течения, которые бы шли вразрез с большинством съездов. Выдвинули в торгово-промышленный комитет Татищева — лицо, близкое к жене Мих. Ал-ча**, вели беседу о современном положении... Он говорил с государем: там готовы идти до несозыва Думы: А. Ф. Горемыкин и Распутин. "Опасность династии грозит из армии". "Армия — теперь народ". (На вопрос, готов ли он стать наследником трона, М. А. ответил: "Да минует меня чаша! Конечно, если бы, к несчастью, это свершилось, я сочувствую английским порядкам. Не понимаю, почему царь не хочет быть спокоен".)

Шингарев. — Отказ в приеме депутации произвел впечатление, которое я предсказывал (в Москве я считал, что это средство — последнее). Разговоры кончены, должны начаться действия.

Меллер-Закомельский. — Нельзя так легко относиться к настроению всей России. Это настроение не упадка, а политического маразма, потеря всякой надежды. Лучшие элементы сказали: для победы нужно то-то, монарх сделал обратное. Все заключают: значит, теперь не смена Горемыкина, а революция. Неужели теперь, когда 15 губерний заняты неприятелем? Допустить, чтобы Горемыкин заключил мир, нельзя. Как выступать? Все общественные элементы сделали последний выстрел. На том же пути дальше идти некуда. Нужно быть уверенными в успехе, чтобы решиться на выступление. Конфликт со всей Россией — надо делать в иной плоскости. Созывы съездов — уже испытанный путь: тут наша артиллерия расстреляна. Возможность явится, когда будет созвана Государственная дума. Новое слово может явиться в наших палатах, съезды будут резервом для поддержания парламента. Надо оставить вопрос о дальнейшей тактике открытым до этого времени.

Милюков. — Не бояться левых: нас уважают, пока мы действенны. Надо созвать до Думы, остаться на месте, не спуститься ниже, подготовить материал для самооправдания. Менажировать*** социальный элемент.

Гучков. — В каждой борьбе есть риск. Но его преувеличивают. Прострация есть, но есть и выигрыш — в выяснении положения. Все

* Царь отказался встретиться с делегацией "Прогрессивного блока" для обсуждения вопроса о реорганизации правительства.

** Великий князь Михаил Александрович, брат Николая II.

*** Направлять, руководить (сноска "Красного архива").

иллюзии исчезли, и все разногласия отпали. Разногласия в диагнозе нет. Почему кажется, что общественное мнение апатично. Оно достигло пределов отчаяния. Пациент признан *moribundus**. Тут замерли, потому что предстоит акт великой важности. В выставленных лозунгах мы найдем небывалое единодушие и в тылу, и в армии. Я выставил бы боевой лозунг и шел бы на прямой конфликт с властью. Все равно обстоятельства к тому приведут. Молчание будет истолковано в смысле примирения. Мы никогда не присутствовали при кучке безответственных людей. Режим фаворитов, кудесников, шутов. *Это новая нота, которая должна быть сказана.* А это — разрыв мирных сношений с властью. Я готов бы ждать конца войны, если бы он был обеспечен — благоприятный. Но нас ведут к полному внешнему поражению и к внутреннему краху. Правительство — "пораженческое". Возымеют ли слова влияние? Может быть. Власть дряблая и гнилая. Там нет железных, сильных, убежденных людей, которые сознают свою слабость.

Маклаков (один из лидеров кадетов). — Съезд** не может быть деловым. Он должен будет реагировать на вопросы высшей политики, и деловая часть пропадет. Съезды первые заговорят от имени страны. Единственный лозунг — выявление конфликта с короной. Мы не сможем выдерживать прежней фикции. *Желательно ли эту фикцию передать съездам, а не Думе, которая обязательно должна это сделать?* Милюков требует, чтобы подтвердить прежнее. У него есть оптимизм и нет нервности. Телеграммы государю вызовут оскомину. Нельзя удержаться на позиции лояльности. Съезды, может быть, не пойдут на это. Судьба этих съездов на этом прекратится, и вы испортите музыку Госуд. думе. Города недостаточно авторитетны для поднятия этого вопроса. Позиция левых ждет капитуляции перед ними. Обращение к государю провалилось. С того момента, как идете на это, мы отказались от нашей позиции, тогда я не боюсь левых. Приготовлены ли мы к этому конфликту? Скажем ли, что нужно хранить спокойствие? Поднять забастовки, заставить страну идти путем брожения — мы идем путем, которого боимся. Если бы я был убежден, что не можем победить — я надеюсь на *deus ex machina* — на 11 марта***. Я понимаю П. Н. Милюкова и Шингарева, но считаю, что созванные первые *должны* объявить конфликт с властью. Идти на это съездам — нас распустят — невозможно. Додумаем *до конца*: 11 марта, забастовка? Мы тогда не додумали: П. Н. был уверен, что отказать в депутатии не посмеют... Не знаю, сделает ли Дума, но придется сделать.

Шингарев. — На чем держится власть, спрашивает Гучков. На инерции, на заинтересованных кругах, на государственной машине. На отсутствии мужества и даже понимания. Для 11 марта нужен не съезд. Я считаю сомнительным готовность к удару в лоб: Особенно у земцев. Я предпочитаю конфликт на съездах конфликту в Гос. думе, так как исчезновение Думы превращает общество в пыль.

Гучков. — Конфликт с короной не нужно создавать, а надо зафиксировать. Каждая группа найдет формулу для выражения этого конфликта. Даже правые****.

Не все записавшиеся для выступления смогли получить слово на этом заседании, и обсуждение было продолжено 28 октября. Первым в тот день взял слово член Государственного совета граф Олсуфьев.

* Тот, кто должен умереть (сноска "Красного архив").

** Союзов земств и городов.

*** Бог из машины (*лат.*). 11 марта 1801 года заговорщики — гвардейские офицеры и придворные совершили убийство Павла I.

**** Красный архив. 1932. № 1—2.

"Олсуфьев. — ...Вначале страна отнеслась с громадным сочувствием [к "Прогрессивному блоку"], но с тех пор большие перемены... Мы относились трагически к перемене командования. Катастрофа. Все мы ошиблись; государь видел дальше. Перемена повела к лучшему. Идол* оказался пустым идолом. Блок — и общество — в самом коренном вопросе ошибся и потерпел крушение. Затем мы предлагали для войны сместить министров. Самый нежелательный остался, и война пошла лучше. Прекратился поток беженцев, не будет взята Москва. Нужно изменить тактику. Воинственность блока *теперь* не будет отвечать положению, а некоторая сдержанность, "*вооруженный нейтралитет*"... Произошло лучше, потому что *убрали Янушкевича*, но это *наше дело*: Алексеев — думский кандидат.

Князь Львов. — Критикуйте, но будьте справедливы. То, что случилось, это — сумасшедший дом... Блок ни в чем не ошибся. Вся Россия висит на воздухе. Смена Совета Министров, непосредственное вмешательство короны поставило всю Россию в конфликт с короной.

Бобринский [член Думы от националистов]. — Правительство стало хуже. Что будет *при встрече*? Не речи Керенского, а что мы скажем?.. Мы говорили 3 сентября: Думу нельзя будет собрать с Горемыкиным. Как будем теперь? Нельзя сказать: это не наше дело. Я ответа не нахожу, и меня *созыв Думы страшит*.

Ковалевский М. М. [Академическая группа]. — Стоустая молва говорит, что председатель Совета Министров говорит: вешают собак, я руководствуюсь высшими соображениями, *когда я уйду, будет заключен мир*.

Гурко [член Государственного совета и бывший министр внутренних дел]. — Основное положение не в вопросе об "ошибках", а *достигнута ли основная цель*. Цель была — обеспечить победу. Мы решили, что при современном правительстве *победа немыслима*. Изменилось ли это?.. Другого ответа, кроме отрицательного, не может быть... Если будем молчать, сам Гришка будет премьером***.

Но Гришка был крестьянином с огромным запасом здравого смысла. Он прекрасно понимал, что лучше обладать властью в Царском Селе, чем быть премьер-министром в Петрограде и нести ответственность перед Царским Селом.

Встречи лидеров блока продолжались. Однако ирония происходившего заключалась в том, что пока они спорили и обсуждали, как вести себя в отношении Горемыкина, если он появится на ноябрьской сессии Думы, в Царском Селе уже было принято решение, что никакой осенней сессии Думы не состоится вовсе, как не состоятся и заседания законодательных органов, пока кресло Горемыкина не займет человек, готовый безоговорочно осуществить планы решительной борьбы с народом.

ИНТРИГИ И ЗАГОВОРЫ

В 1905 году были разорваны духовные связи между тронem и городскими рабочими, промышленным пролетариатом.

8 июля 1906 года была разрушена вера крестьянства в царя как "носителя народной правды" в результате роспуска и разгона I Думы, обсуждавшей вопрос о земельной реформе.

Теперь же, после разрыва с нынешним консервативно-либеральным

* Великий князь Николай Александрович.

** Красный архив. 1932. № 3.

большинством в законодательных органах, трон оказался в полной изоляции от народа и пользовался поддержкой лишь со стороны крайних реакционеров и беззастенчивых карьеристов, находившихся под контролем Распутина.

Для всех стало ясно, что корень зла не в правительстве, не в министрах, не в случайных ошибках, а в нежелании самого царя отказаться от его *idée fixe*, будто только самодержавие способно обеспечить существование и могущество России. Осознание этого факта лежало в основе всех частных разговоров и планов, сформулированных "Прогрессивным блоком", достигло оно и армии, и всех слоев народа.

Перед каждым патриотом встал неизбежный и провидческий вопрос: во имя кого живет он, во имя России или во имя царя? Первым ответил на этот вопрос монархист и умеренный либерал Н. Н. Львов. Его ответ был: "Во имя России". Такой же ответ эхом прокатился по всей стране — и на фронте, и в тылу.

В 1915 году армейские офицеры организовали серию абсолютно бесперспективных заговоров с целью избавить Россию от царя. В одном из них, например, принимал участие известный военный летчик капитан Костенко, который намеревался спикировать на своем самолете на автомобиль императора, когда тот прибудет на фронт, лишив тем самым жизни и его и себя. Два других офицера (один из них капитан инженерных войск Муравьев, впоследствии — "герой" гражданской войны) явились ко мне, чтобы заручиться согласием на их план организовать засаду и взять царя в плен, когда тот прибудет с инспекцией на фронт. Даже генерал Деникин пишет в своих мемуарах, что и солдаты были за падение монархии, ибо считали виновницей всех своих бед "немку" из Царского Села.

Осенью того же 1915 года меня посетил старый друг, сын одного из царских конюших граф Павел Толстой. Он был близким другом брата царя, Великого князя Михаила Александровича, которого знал с детства. Он сообщил, что пришел ко мне по просьбе Великого князя, который, зная о моих тесных связях с рабочим классом и левыми партиями, хотел бы знать, как отнесутся рабочие к тому, что он возьмет власть у брата и станет царем.

Все эти случаи были весьма симптоматичны для тех глубоких изменений в мышлении людей, которые происходили в стране. Народ потерял терпение. Более того, все большее число людей приходило к выводу, что все беды России исходят от Распутина и что политика правительства станет другой, если от него избавиться. Даже А. Н. Хвостов, воинствующий лидер "Союза русского народа" в Думе, разработал план убийства Распутина*. В конце концов миссию спасения династии и монархии посредством убийства Распутина взял на себя любимый кузен царя Великий князь Дмитрий Павлович, который действовал совместно с графом Юсуповым и правым депутатом Думы Пуришкевичем.

Я пишу обо всем этом, с тем чтобы дать читателю возможность лучше понять господствовавшие тогда в России настроения и душевные страдания, через которые прошли люди, прежде чем решиться на тот курс, которым пошел "Прогрессивный блок".

* План провалился. Заместитель министра и глава полиции Белецкий намеренно сорвал его. Хвостов получил отставку и, возвратившись в Думу в качестве депутата, подробно изложил детали заговора. Он заявил, что решил покончить с Распутиным не только потому, что тот имел такое огромное влияние на Царское Село, но и потому, что Распутин поддерживал постоянные контакты с германскими агентами, о чем он, Хвостов, как министр внутренних дел, имел достоверные сведения.

Оглядываясь в прошлое, я решительно отвергаю как несостоятельные утверждения тех, кто считает, будто оппозиция "Прогрессивного блока" трону диктовалась эгоистическими и корыстными устремлениями, которые и привели к краху России. Стоит лишь вспомнить о происхождении и общественном положении большинства депутатов III и IV Дум. Это были люди, традициями, социальным статутом и личными интересами тесно связанные с режимом и правительством, верные подданные царя. Это же большинство в IV Думе оказалось перед лицом великой трагедии, ибо вынуждено было отказаться от своей традиционной концепции монархии и ее места в России. Все это было тщательно выверено и продумано; и в конце концов, уже не горстка людей, а большинство в Думе задавало себе вслед за Львовым вопрос: "Во имя царя или во имя России?" И ответ был: "Во имя России".

В конце 1915 года я тяжело заболел и провел несколько месяцев в санатории в Финляндии, где мне сделали весьма серьезную операцию. В результате я смог возвратиться в Петроград лишь через семь месяцев. Однако в столице я пробыл недолго, поскольку мне сразу же пришлось отправиться в Туркестан для расследования обстоятельств первого крупного восстания местного населения. Искрой, вызвавшей волнения, явился абсурдный приказ Б. В. Штюрмера* о призыве в армию 200 тысяч местных жителей для рытья окопов на фронте. Мусульманское население не подлежало даже призыву на военную службу, тем паче использованию на принудительных работах. Более того, приказ вступил в силу в самый разгар сбора хлопка. Последней каплей стали злоупотребления мелких чиновников, за взятки освобождавших от набора сыновей богатеев. Германские и турецкие агенты, центром активности которых была Бухара, в полной мере использовали возмущение местного населения для подстрекательств к беспорядкам.

В Петроград я возвратился на исходе третьей недели сентября. Только что был назначен новый министр внутренних дел, на этот раз выбор пал на бывшего товарища председателя Думы Александра Протопопова. Всего за несколько месяцев этот человек, которому суждено было стать последним министром внутренних дел Российской империи, умудрился навлечь на себя гнев и возмущение всей нации.

Вскоре после моего возвращения состоялась тайная встреча лидеров "Прогрессивного блока", на которой было решено сместить с помощью дворцового переворота правящего монарха и заменить его 12-летним наследником престола Алексеем, назначив при нем регента в лице Великого князя Михаила Александровича.

Подробности этого мало известного заговора были изложены в мемуарах его организатора Александра Гучкова, опубликованных вскоре после его смерти в 1936 году**. О существовании этого плана я знал с самого начала, и, на мой взгляд, рассказ о нем Гучкова явно несколько сглажен.

В сентябре Гучков был приглашен на тайную встречу некоторых руководителей "Прогрессивного блока", которая состоялась на квартире видного либерала Михаила Федорова. Среди присутствовавших были Родзянко, Некрасов и Милюков. Целью встречи было обсуждение воп-

* В январе 1916 года назначен на пост председателя Совета министров.
— *Прим. ред.*

** Последние новости. 1936. 9, 13 сентября. Другие участники заговора: Шидловский, Шингарев, Годнев, Львов (брат Н. Львова) и Терещенко.

роса о том, какие меры следует предпринять перед лицом того очевидного факта, что Россия стоит перед угрозой общенационального восстания. Все они согласились с тем, что "Прогрессивный блок" должен предпринять немедленные меры для предотвращения революции снизу. Наибольший интерес представляют замечания, сделанные Милюковым, который заявил, что долг блока — не участвовать в восстании, а ожидать его результатов. Он предвидел два возможных результата: либо верховная власть вовремя одумается и обратится к блоку с просьбой сформировать правительство; либо победит революция, и победители, не обладающие опытом правления, попросят блок сформировать правительство уже от их имени. В поддержку своих доводов он сослался на Французскую революцию 1848 года.

Отвечая на этот весьма теоретический тезис, Гучков выразил сомнение в том, что народ, совершивший революцию, согласится затем передать власть в чужие руки. По его мнению, ни один революционер и не помыслит об этом. А посему блоку следует самому сделать первый шаг, сместив нынешнего правителя. Согласно Гучкову, именно этим и завершилась встреча. Милюков добавляет, что после этой встречи стало очевидным, что Гучков намеревается организовать переворот, и из-за этого среди руководителей блока пошли споры о том, кому следует войти в новое правительство.

Далее в своих мемуарах Гучков сообщает, что вскоре у него начались сердечные боли и он оказался вынужден проводить все время в постели. Во время болезни его посетил товарищ председателя Думы Некрасов, спросивший, действительно ли Гучков готовит переворот. Тот ответил, что обдумывал такую идею, и они тут же решили создать "ячейку", включив в нее тогдашнего вице-председателя Центрального военно-промышленного комитета Терещенко, а также князя Вяземского. Всю ответственность за разработку и выполнение этого плана Гучков взял на себя с тем, чтобы не подвергать риску других руководителей блока, присутствовавших на встрече, особенно Родзянко. Однако, согласно моей информации, решение об осуществлении переворота Гучков принял не в одиночку, а вместе с другими руководителями блока.

А тем временем вызревал другой заговор, осуществление которого было намечено провести в Ставке царя 15—16 ноября. Его разработали князь Львов и генерал Алексеев. Они пришли к твердому выводу, что необходимо покончить с влиянием царицы на государя, положив тем самым конец давлению, которое через нее оказывала на царя клика Распутина. В заранее намеченное ими время Алексеев и Львов надеялись убедить царя отослать императрицу в Крым или в Англию. На мой взгляд, это было бы наилучшим решением проблемы, поскольку все, кто наблюдал за царем в Ставке, отмечали, что он вел себя гораздо более раскованно и разумно, когда рядом не было императрицы. Если бы план удалось осуществить и если бы царь остался в Ставке под благодатным влиянием генерала Алексева, он бы, весьма вероятно, стал совсем другим. К сожалению, в первой половине ноября Алексеев внезапно заболел и отбыл в Крым для лечения. Вернулся он оттуда всего за несколько дней до свержения монархии.

Всю эту историю рассказал мне мой друг В. Вырубов, родственник и сподвижник Львова, который в начале ноября посетил Алексева с тем, чтобы утвердить дату проведения операции. Генерал Алексеев, которого я тоже хорошо знал, был человеком очень осторожным, в чем я и сам убедился позднее. Не произнеся ни слова, он встал из-за стола, подошел к висевшему на стене календарю и стал отрывать один листок за другим, пока не дошел до 16 ноября. Но к этому дню он уже лечился в Крыму.

Во время пребывания там его посетили некоторые из участников заговора Гучкова, пытавшиеся заручиться поддержкой Алексеева, но тот решительно отказал им.

Естественно, детали подготовки заговора были известны лишь тем, кто в нем непосредственно участвовал, в конце концов, главное правило любого заговора заключается в том, что ни один из заговорщиков не должен знать больше того, что ему лично положено знать по плану заговора. Лидеры "Прогрессивного блока" знали лишь, что подготовка к осуществлению заговора идет своим чередом и соответственно готовились к нему со своей стороны. Знали о заговоре и мы, руководители масонской организации, хоть и не были в курсе всех деталей, и тоже готовились к решающему моменту. Эта подготовка завершилась учреждением информационного центра левых партий, с тем чтобы иметь возможность шаг за шагом сообщать народу о результатах переворота, добиваясь либо его поддержки, либо, на худой конец, отказа от противодействия.

Чтобы лучше понять атмосферу, царившую на последней сессии Думы, которая длилась с 1 ноября 1916 года по 26 февраля 1917 года, надо иметь в виду, что мысли всех депутатов были заняты ожиданием дворцовой революции. Конечно, рядовые члены политических партий не располагали точными данными о готовящемся перевороте; но зато не было недостатка в скрытых намеках на него в речах тех, кто знал о заговоре и кто видел, куда ведет страну политика царского правительства, в коем Протопопов играл не последнюю роль.

В начале января в Петроград прибыл вместе с группой офицеров популярный генерал А. М. Крымов, командующий 3-го кавалерийского корпуса на Юго-Западном фронте. Родзянко договорился с ними о встрече на своей квартире, на которую были приглашены и лидеры "Прогрессивного блока". На этой встрече генерал Крымов от имени армии призвал Думу совершить без всякого промедления переворот, заявив, что в противном случае у России нет шансов на победу в войне. Все присутствовавшие поддержали точку зрения Крымова, а некоторые позволили себе говорить о государе в таких выражениях, что Родзянко вынужден был попросить их не прибегать к подобному языку в доме Председателя Думы.

Реальное осуществление планируемого переворота все время откладывалось, поскольку в том его виде, в каком он был задуман, его выполнение было задачей чрезвычайно трудной. Прежде всего, организаторы заговора поставили перед собой задачу привлечь к нему как можно меньше людей и лишь офицеров, чтобы не подвергать риску рядовых солдат. Во-вторых, они решили, дабы не вызывать кровопролития, осуществить его не в Ставке и уж тем более не в Царском Селе. Заговорщики остановились на идее задержать царский поезд где-нибудь между Ставкой и Петроградом, в том месте, где охрану железной дороги несли кавалерийские части императорской гвардии, офицеры которой и войдут в вагон царя, потребовав от него отречения от престола.

В своих мемуарах Гучков писал, что заговорщики не намеревались прибегать к физической силе или убивать царя. "Мы не собирались, — писал он, — совершать переворот, в котором брату и сыну уготовано бы было переступить через тело брата и отца". Тем временем подготовка к перевороту, хоть и ужасающе медленно, но близилась к завершению. Его дата была намечена на середину марта. Но конец наступил 27 февраля, и совсем по-другому.

4 мая на частной встрече членов Думы Маклаков в самых резких выражениях подверг критике Временное правительство:

”Господа, хочу сказать вам полную правду. Нет, мы не хотели революции во время войны. Мы опасались, что ни одной нации не под силу вынести одновременно смену государственной системы и связанной с ней общественной системы, совершить переворот и одновременно довести до победного конца войну. Но наступил момент, когда всем стало ясно, что добиться победы в войне при сохранении старой системы невозможно. И те, кто понимал, что революция будет равнозначна катастрофе, сочли своим долгом, своей миссией спасти Россию от революции посредством переворота сверху. Такова была миссия, которую мы призваны были возложить на себя и которую мы не выполнили. И если наши потомки проклянут революцию, они проклянут и тех, кто вовремя не прибег к средствам, что могли бы ее предотвратить*.

2 августа Гучков подтвердил справедливость сказанных Маклаковым слов, не упомянув при этом о той руководящей роли, которую играл в заговоре, направленном на свержение царя. На заседании Чрезвычайной следственной комиссии он сказал:

”Развитие событий требовало переворота. Ошибка, если можно говорить об исторической ошибке русского общества, заключается в том, что это общество, представленное своими ведущими кругами, не осознало в полной мере необходимости такого переворота и не осуществило его, предоставив, тем самым, проведение этой болезненной операции слепым, стихийным силам”**.

* Речь. 1917. 5(18) мая.

** Падение царского режима. М., 1926.

ВЛАСТЬ ТЕМНЫХ СИЛ ВО ДВОРЦЕ

1 ноября 1906 года Николай II записал в своем дневнике: "...повстречались с Божьим человеком Григорием, родом из Тобольской губернии..." Тот год ознаменовал начало всевластия при императорском дворе Григория Распутина и той фатальной дороги, которая неумолимо привела царя и его семью в подвал Ипатьевского дома в Екатеринбурге, где они приняли смерть от пуль чека.

Трудно вообразить себе ту беспредельную власть, которой обладал неграмотный мужик из далекой сибирской деревни Покровское. Фантастическое превращение Распутина из близкого к императорской семье знахаря в человека, творившего историю России, — одна из тех исторических нелепостей, когда сугубо личная семейная драма выносится на авансцену мировой политики. Это лишь еще раз подтверждает мою убежденность в том, что история не определяется "объективными" законами и что отнюдь не последнюю роль в ее развитии играет личность.

Будущий император Николай II встретил и влюбился в Алису Гессенскую и Дармштадтскую в Виндзорском замке. Королева Виктория весьма благожелательно отнеслась к зарождавшимся чувствам своей любимой внучки и молодого наследника престола. Царь Александр, зная, что гемофилия из поколения в поколение поражала членов гессенского дома, решительно воспротивился планам брачного союза, но в конце концов вынужден был уступить. Принцесса Алиса почти ничего не знала о России, где до того побывала лишь однажды, проведя несколько недель в гостях у своей сестры, жены Великого князя Сергея Александровича*. Времени, чтобы подготовиться к выполнению своих августейших обязанностей, у нее тоже не было. О помолвке с наследником было объявлено в апреле 1894 года, а свадьбу отпраздновали в ноябре того же года, вскоре после смерти Александра III.

Принцесса Алиса получила воспитание в Виндзорском замке, однако во всем другом она мало чем отличалась от типичной английской девушки викторианской эпохи. И кто бы мог предугадать, что искрящаяся радостью принцессе, "виндзорскому солнечному лучику", как ласково называл ее Николай II, суждено стать мрачной русской царицей, фанатичной сторонницей православной церкви. Однако семена будущих бедствий уже гнездились в очаровательной принцессе: вместе со склонностью к мистицизму она унаследовала от своей матери способность передавать наследникам по мужской линии гемофилию. Поначалу судьба, судя по всему, благоволила ей, отказав даровать ей сына. Она родила четырех дочерей, что повредило ее здоровью, но не смогла дать жизнь наследнику престола. Страстное желание родить сына побудило царицу искать помощи у шарлатанов, авантюристов и "чудотворцев".

Европа тех лет буквально кишела ими и некоторые попытались свое счастье в России. Первым при дворе появился д-р Энкокс, француз,

* Московский генерал-губернатор, младший брат Александра III.

которого все именовали Папусом. Он был представлен Николаю II в 1901 году в Париже Великим князем Николаем Александровичем. В 1901, 1905 и 1906 годах Папус побывал в России и навсегда остался другом императорского семейства. В качестве президента Высшего Совета ордена мартинистов он основал в Санкт-Петербурге масонскую ложу, в которой царь, по слухам, занял пост "Высшего гостя". В число членов ложи вошли наиболее видные представители Санкт-Петербургского общества. Папус проводил сеансы, во время которых обычно вызывал дух Александра III для бесед его с сыном Николаем II. Незыблемая верность царя союзу с Францией, которую не могло поколебать никакое внешнее давление, часто объясняют связями с орденом мартинистов*. Папус был предшественником и духовным отцом другого "чудотворца" — Филиппа Вашода, человека весьма незаурядного. Уроженец Лиона, он был представлен императорской чете в Компьене во время их визита во Францию, и его влияние на царицу было столь сильным, что в своем письме к мужу в 1916 году она именует его "одним из двух друзей, посланных нам Богом", под вторым подразумевая, конечно же, Григория Распутина. Престиж Филиппа Вашода был огромен, он имел немало последователей во Франции. Царица самозабвенно следовала всем его наставлениям, но наследника по-прежнему не было. В конце концов французю пришлось покинуть Россию. Духовник царицы митрополит Феофан осудил его, назвав "порождением бесовских сил".

Лишь долгие годы спустя, 30 июля 1904 года, после десяти лет супружеской жизни, императрица родила сына. Его рождение вызвало в Александре Федоровне глубокие изменения. До этого все ее интересы ограничивались в основном семейным кругом. В чуждой и враждебной ей атмосфере двора она жила в постоянном страхе перед актами террора в отношении царя. Болезненная, крайне застенчивая, невероятно страдающая при исполнении своих официальных функций, она редко появлялась в Санкт-Петербургском обществе, довольствуясь узким кругом склонных к мистицизму друзей. Однако после рождения престолонаследника она стала уделять внимание делам государственным, поскольку самодержавие отныне символизировало уже не только власть ее мужа, но и будущее ее сына. Алексей должен стать истинным самодержцем. В ее экзальтированном сознании православие и абсолютизм были неразделимы. Она верила в мистическое единение короны и народа и страшилась любой идеи ограничения самодержавной власти. В этом ее всячески поощряли и Вашод и Распутин. Вот что писала она в письме императору**: "...сам месье Филипп сказал, что дарование Конституции обернется большой потерей и для тебя, и для России". Она умоляла царя быть настоящим самодержцем, напоминая о том, что "им следует научиться трепетать перед тобой, помни, ведь о том же говорили тебе месье Филипп и Григорий..." Имя месье Филиппа упоминалось также в письме, написанном в 1915 году, когда император, уступив ее настояниям, принял на себя Верховное командование армией: "Наш первый друг (месье Филипп) подарил мне икону с колокольчиком. Так как ты очень снисходителен, доверчив и мягок, то мне надлежит исполнять роль твоего колокола, чтобы люди с дурными намерениями не могли ко мне приблизиться, а я бы предостерегала тебя". И далее: "...стань новым Петром Великим, покажи, что ты властелин, и твоя воля будет исполнена... Важно, чтобы министры боялись тебя".

* *Encausse F. Sciences occultes. Paris, 1949. P. 283.*

** 14 декабря 1916 года, письмо № 631.

Но на трон уже легла тень смерти. Сын царицы страдал гемофилией, болезнью страшной и неизлечимой. Однако Александра Федоровна была не из тех женщин, которые сдаются без борьбы. Убежденная, что вера способна сдвинуть горы, она была одержима идеей найти святого человека, который молился бы за нее и сына. И тут из самой гущи народа, нижайший из самых низких, появился Григорий Распутин. Жизнь этого удивительного человека хорошо известна, и я ограничусь лишь изложением основных фактов. В годы молодости Распутин, неграмотный крестьянин, отличался распутством*, пьянством и буйством. Как и отец, который промышлял конокрадством, он никогда не жил в достатке и не гнушался воровством. Подобно многим сибирским крестьянам, Григорий время от времени занимался извозом, совершая поездки в самые глухие уголки Тобольской губернии. Рассказывают, что однажды ему довелось везти в один из дальних монастырей священника, и по дороге они разговорились. Священнику, видимо, удалось затронуть какую-то потаенную струну в сердце деревенского буяна.

Совершенно неожиданно Распутина охватило раскаяние. И с этого дня всю силу своей необузданной души он обратил к молитве, посту и хождению в церковь. Оставив дом и семью, он обошел пешком огромные просторы России, переходя от монастыря к монастырю. Он стал странствующим проповедником того типа, который столь характерен для России. Вскоре вокруг него образовался кружок верных последователей, которых он называл своими "утешительницами". Его идеи о грехе и покаянии представляли собой путаную мешанину из религиозного экстаза и эротики.

Вскоре слухи о Распутине — удивительные рассказы о его разнузданности и оргиях, благочестии и богоданном наитии — распространились по всей России и быстро дошли до Санкт-Петербурга. Уже в тревожном 1905 году Распутин оказался в столице. Звезда его восходила стремительно. Он стал желанным гостем в домах церковных сановников и любимцем тех слоев общества, где процветали вошедший в ту пору в моду мистицизм и увлечение спиритическими сеансами. Основой его влияния и успеха по-прежнему были женщины.

Григорию ничего не стоило после самой разнузданной оргии перейти к состоянию наивысшего религиозного экстаза. Наделенный живым умом, необычайной интуицией и необъяснимым магнетизмом, он хорошо понимал, какую ему следует выбрать для себя роль. Постепенно он стал вхож к митрополиту Феофану, инспектору санкт-петербургской духовной академии и духовнику царицы, известному своей святостью и аскетизмом. Феофана не оставили равнодушным распутинский "дар проповедника", страстная истовость веры и врожденная мудрость его туманных толкований Евангелия. Благословение высокочтимого митрополита окончательно закрепило за Распутиным репутацию святого человека и провидца.

В значительной мере успеху Распутина способствовало покровительство двух дочерей черногорского князя, как их называли, "черногорок". Одна из них, Милица, была замужем за Великим князем Петром Николаевичем, вторая, Анастасия, — за его братом, Великим князем Николаем Николаевичем. Анастасия была яркой приверженкой спиритизма и мистицизма. Постоянно ощущая остракизм со стороны высшего света, сестры находили утешение в дружбе с царицей Александрой. Через Великого князя Николая Николаевича они и представили императорской чете Распутина. Прошло совсем немного времени, как митрополит

* Отсюда и его фамилия Распутин.

Феофан осознал, что Распутин вовсе не был ни божьим избранником, ни "святым чертом", как называли его ревностные столичные поклонницы, что он просто дьявол. Но к тому времени уже и доброму митрополиту было не под силу обуздать власть Распутина. Не Распутин, а он, митрополит Феофан, вынужден был покинуть столицу и уехать в Крым.

Постепенно Распутину удалось удалить из близкого окружения царицы черногорских принцесс, восстановив этим против себя Великого князя Николая Николаевича. В 1914 году, находясь на посту Верховного главнокомандующего, Великий князь получил телеграмму с просьбой разрешить Распутину посетить его. Ответ был краток: "Милости просим. Повешу немедля".

Во дворце Распутина считали святым человеком и целителем, обладавшим сверхъестественной силой. Такие заслуживающие доверия свидетели, как преданный царю камердинер Чемодуров и семейный врач Д. Деревенко, рассказывали мне, что в ряде случаев Распутину и впрямь удавалось остановить кровотечение у больного мальчика. Однако они же отмечали, что Распутин каждый раз появлялся у постели ребенка к концу кризиса, когда кровотечение, судя по всему, должно было остановиться само собой.

Но самые удивительные факты я узнал от преданной царю старой фрейлины Елизаветы Алексеевны Нарышкиной ("Зизи"). Она с самого его рождения знала и любила царя, которого звала "Ники". Большую часть вины за его неуверенность и изменчивость характера она возлагала на людей, окружавших его в годы формирования, и на тяжелую руку его сурового отца. По ее словам, Александр III подавил волю своего чувствительного старшего сына, превратив его в неискреннего, скрытного и даже коварного человека. Но больше всего винила она царицу, однако вовсе не за то, за что ее более всего обвиняли в годы войны, не за ее немецкое происхождение. Мадемуазель Нарышкина подходила к трагедии царской семьи совсем с другой точки зрения, рассматривая ее в плане интимной, семейной жизни. Она категорически отвергала идею, которая, по мнению многих, даже тех, кто близко стоял к трону, не требовала доказательств, — идею о том, что интересы Николая II были для нее превыше всего. Нарышкина уверяла, что "Ники" и его дочери составляли единую группу, от которой Александра Федоровна и ее сын держались в стороне.

"Все произошло из-за него", — сказала она мне с каким-то непонятным раздражением, имея в виду царевича. И намекнула, что по мнению вдовствующей императрицы, которая близко знала интимную жизнь императорской четы, именно ее невестка была источником всех несчастий. Я понял, что душевные недуги царицы и трагедия не только царя, но и всей империи каким-то образом связаны с рождением наследника. Подлинная история личной жизни царицы не стала и вряд ли когда-либо станет достоянием гласности. Однако до тех пор, пока мы не согласимся с тем, что какие-то сугубо личные, интимные обстоятельства настолько потрясли Александру Федоровну, что полностью изменили ее, мы не сможем объяснить ужасную драму, происходившую в те годы в Царском Селе. Ее подруга и наперсница Анна Вырубова была в курсе всего, но она предпочла не касаться этого в своих полных вымысла мемуарах. После убийства царской семьи главный камердинер царя Чемодуров позволил себе произнести несколько зловещую сентенцию о "наказании за ужасный грех".

Распутин прекрасно вписывался в тот образ, какой составила себе царица о России. Он был для нее воплощением "священного единения" короны и крестьянства, а следовательно, рукой Провидения. Все слухи

о моральной распущенности Распутина отвергались как клеветнические. Распутин совратил няньку царевича Вишнякову. Когда последствия этого уже невозможно было удержать в тайне, Вишнякова призналась царице в содеянном грёхе. Однако положение Распутина было настолько прочным, что Александра Федоровна восприняла ее признание как попытку оболгать святого человека. По семейной традиции, Софье Ивановне Тютчевой, фрейлине и члену узкого придворного круга, было доверено воспитание принцесс. Она решительно воспротивилась привычке Распутина входить в любой час дня и ночи без всякого предупреждения в апартаменты ее воспитанниц. Однако царица и тут оказалась глуха к возмущению мадемуазель Тютчевой, и фрейлина была вынуждена подать в отставку. В конце концов вмешался царь и Распутина попросили воздерживаться от неожиданных визитов к юным принцессам.

Вряд ли царь сомневался в достоверности сообщений о поведении Распутина вне стен дворца, особенно когда они исходили от столь преданных и заслуживающих доверия слуг короны, как его премьер-министр В. Н. Коковцов, председатель Думы М. В. Родзянко, обер-прокурор святейшего Синода А. Д. Самарин, товарищ министра внутренних дел и начальник полиции К. Джунковский, который помимо всего прочего был личным другом царя.

К началу войны, против которой Распутин ожесточенно боролся, в Царском Селе у него сложился определенный круг приспешников, которые часто собирались в так называемом "малом доме" Анны Вырубовой. Слепая вера царицы в Распутина побуждала ее искать его советов не только в сфере личной жизни, но и по вопросам государственной политики. Генерал М. В. Алексеев, который пользовался большим уважением у Николая II, попытался поговорить с царицей о Распутине, но добился лишь того, что приобрел в ее лице непримиримого врага. Он рассказывал мне позднее, как был обеспокоен, узнав, что секретная карта военных действий каким-то путем попала в руки царицы. Но, как и многие другие, он был бессилён что-либо предпринять.

Александра Федоровна была неколебима в своем убеждении, что всем министрам надлежит подчиняться Распутину. Читаем в одном из ее писем: "...не нравится мне выбор военного министра (генерала Поливанова)... Он враг нашему Другу, а это плохая примета..." К советам Распутина прислушивались даже при решении стратегических задач: "Я с волнением буду следить за твоей поездкой (вдоль фронтовой линии)... Помни, что сказал *он* о Риге..." И снова: "Наш Друг, с которым мы (императрица и Анна Вырубова) виделись вчера... выразил опасение по поводу того, что если мы не введем в Румынию крупных воинских частей, то можем попасть в ловушку с тыла..." Чуть позднее она пишет: "Дорогой ангел, у меня к тебе множество вопросов о твоих планах относительно Румынии, наш Друг так хотел бы знать о них..."

Дом Распутина находился под постоянным внешним наблюдением и охраной тайной полиции, а сменяющие друг друга министры внутренних дел тратили бешеные деньги на внедрение в дом агентов для получения надежной информации о "божьем человеке". Чрезвычайная следственная комиссия, которую я создал от имени Временного правительства, раскрыла поистине чудовищную картину деятельности Распутина и его камарилья. Вокруг царицы и Вырубовой вились самые бессовестные льстецы и наиболее бесчестные министры, а то и просто заурядные шарлатаны. Из последних многие были связаны с германской секретной службой, которая окружила Распутина плотным кольцом своих агентов и "советников". Вне всякого сомнения, Распутин был

центром, вокруг которого кипела деятельность не только прогерманских элементов, но и прямых германских агентов. Улики ошеломляют.

А. Н. Хвостов, назначенный во время войны по совету Распутина министром внутренних дел, едва ознакомившись с содержанием секретных досье своего министерства, вознамерился убить Распутина. Как рассказал мне позднее Хвостов, он с абсолютной достоверностью установил, что через Распутина немцы получали наиболее секретные планы Генерального штаба, поняв при этом, что устранить Распутина из дворца совершенно невозможно. Для любой разведывательной службы Распутин был настоящей находкой. Не воспользоваться им было бы для германского правительства чистейшим безумием. Распутин обладал тремя в высшей степени ценными качествами: он был против войны и поддерживал тесные связи с теми, кто разделял его взгляды; он был неразборчив в выборе друзей, особенно в тех случаях, когда они подсовывали ему соответствующую его вкусам женщину; и наконец, он был безмерно хвастлив, когда дело касалось его беспредельной власти над "папой и мамой", как звал он своих венценосных покровителей, и не терпел чьих-либо сомнений относительно своего положения при дворе. Все это позволяло без особых усилий заставить Распутина впитывать необходимую информацию, а затем выжать ее из него, как воду из губки.

У Верховного командования были свои веские причины относиться с подозрением к недостойному окружению Александры Федоровны. И потому всякий раз, когда царица прибывала к своему мужу в Ставку, там всегда возникала атмосфера большого беспокойства. Справедливость таких опасений в полной мере подтвердил эксперимент, проведенный морским министром адмиралом И. К. Григоровичем.

Адмирал был предан царю, однако его настолько снедали сомнения и подозрения, что, не в силах совладать с ними, он счел своим патриотическим долгом проверить слухи о проникновении германских шпионов в Царское Село. В ответ на настойчивые запросы из Царского Села относительно точной даты осуществления определенной военно-морской операции, он передал туда ложную информацию о приказе к отплытию отряда русских крейсеров. И со всей точностью, именно в тот час и в том месте, когда и где, согласно переданной им информации, должны были появиться русские крейсера, оказалась германская эскадра кораблей.

Постепенно всеми государственными делами стала заправлять царица, которая практически ежедневно обсуждала их с Распутиным и Анной Вырубовой. Одновременно стали распространяться слухи, будто Распутин пытается убедить царицу сместить царя и провозгласить себя регентшей империи. Стало очевидным, что для распутинской клики царь превратился в помеху, в опасное препятствие на пути осуществления их замыслов. Распутину было необходимо держать царя под своим полным контролем и постоянным наблюдением. И тут Распутину пришел на помощь его друг, тибетский знахарь Бадмаев. Самая влиятельная персона в распутинской клике, тибетский врач использовал для лечения своих пациентов травы, коренья, настои; он утверждал, что знает древние секреты врачевания земли Далай-ламы, вера в Бадмаева его многочисленных петроградских пациентов была безгранична. По неосторожности Распутин рассказал Юсупову, что некоторые из бадмаевских трав и кореньев могут вызвать "душевный паралич, а также останавливать или усиливать кровотечение". Что больше свидетельствовало об эффективности лечения Бадмаева, чем бегающие глаза царя и его беспомощная улыбка? Именно к этому времени относятся постоянные напомина-

ния царицы в письмах к царю "принимать капли, предписанные Бадмаевым".

Однако как же относился ко всему этому сам царь? Какую роль играл он в развертывавшейся драме? Принято считать, что царь был столь же убежден в святости и мудрости "Друга", как и царица. Да, действительно императорская чета разделяла неприязнь к людям своего круга и предпочитала общество "простых людей". Излюбленной мечтой Николая II, которой он не раз делился со своей матерью, вдовствующей императрицей Марией Федоровной, было сблизиться с людьми вне круга интеллигенции, профессиональных политиков и государственных деятелей.

Распутин применил весьма ловкий ход: в императорский дворец он явился в личине "мужика" и соответственно этому и вел себя. Наделенный почти безошибочной интуицией, "святой черт" быстро раскусил императорскую чету. Он никогда не льстил им. В лукавстве своем он так и не отказался от зипуна, подпоясанной кушаком рубахи, смазных сапог и нечесаной бороды, хорошо понимая, что именно это больше всего импонирует императорской семье. Царь и царица верили, что в лице одного из своих неграмотных сыновей с ними говорит истинно русский народ.

У Распутина не было никакой политической программы. Он просто-напросто проповедовал мистическую веру в царя как помазанника божьего. Он убедил императора и императрицу, что через него они общаются со всем русским народом, а крестьянские представители в Думе — мошеники, марионетки в руках дворянства. На деле же, чем дальше удалялась Россия от воплощения в жизнь царской мечты о самодержавии, православии и Московском царстве, тем глубже и шире становилась пропасть, разделяющая монарха и нацию. В конце концов сосуществование России и Николая II стало и вовсе невозможным, поскольку царь продолжал упорствовать в своем стремлении использовать власть короны для разрушения живого тела империи во имя своих абсурдных фантазий. Царь был убежден в необходимости сохранить верность клятве, которую он дал Александру III на его смертном одре: "достоинно неси бремя абсолютной монархии".

Удивительно, насколько по-разному относились к власти царь и царица. Александра Федоровна воспринимала свое право власти честолюбиво и осознанно. Николай II лишь покорно нес ее бремя. Он всегда помнил, что рожден был "в день праздника великого долготерпенья". В. Н. Коковцов, близко знавший императора, утверждал, что по натуре своей Николай II был бы превосходным конституционным монархом. Однако в силу присущего ему упрямства он продолжал вести себя как самодержец даже после того, как даровал России Конституцию. Возможно, причина его безучастности в момент, когда он был вынужден отречься от престола, крылась в том, что в освобождении от бремени власти он видел промысел божий, поскольку сам, добровольно не мог сложить ее, связанный клятвой помазанника божьего. Повседневная жизнь монарха была для него непереносимо утомительной. Он не испытывал ни малейшего желания бороться за утраченную власть. Я с полным основанием могу подтвердить это, так как после падения монархии императорская семья находилась на моем попечении и я имел полную возможность наблюдать за поведением как Александры Федоровны, так и Николая II.

Хотя Николай II наверняка знал о "художествах" Распутина, он не отдавал себе отчета в том, что за пределами дворца они сказываются на короне куда более разрушительно, чем любая революционная пропаган-

да, и что даже те группы, которые веками служили опорой монархии, оказались в состоянии глубокого потрясения и отчуждения. Но царь был лишен возможности удалить Распутина от постели больного царевича. Источник влияния Распутина — в интимных отношениях царя и царицы. По причинам, которые я не волен раскрыть, царь считал себя обязанным уступать Александре Федоровне во всем, что касалось наследника. Даже если бы здравый смысл взял верх и царь захотел бы вверить жизнь ребенка заботам опытных врачей, императрица с ее верой в целительную силу Распутина все равно настояла бы на своем.

Нужно ли говорить о том, что пребывание Распутина во дворце и его поведение не прошли незамеченными общественностью? Слухи распространялись, подобно лесному пожару, положением вещей заинтересовалась и пресса. Императорская чета явно не испытывала удовольствия от этого интереса к своей личной жизни. А тем временем сфера влияния Распутина становилась все шире. В различные государственные учреждения все чаще обращались за содействием многочисленные обладатели безграмотных, кое-как накарябанных карандашом записок Распутина. У всех на виду были оргии и пьяные эскапады Распутина. Вопреки усилиям царицы скрыть от внимания общественности упоминания о Распутине, его скандалы с церковными властями получили широкую огласку. Его имя то и дело упоминалось на заседаниях Думы. Распутин обращался к министрам и высокопоставленным чиновным лицам со все большей наглостью и высокомерием. Впадая в бешенство при малейшем проявлении несогласия или неуважения, он терроризировал царицу угрозами возвратиться в родную деревню.

В. Н. Коковцов, который занял пост премьер-министра после смерти Столыпина, был вынужден из-за Распутина уйти в отставку. В своих мемуарах, в которых он выгораживает царя, он рассказывает о царицех при императорском дворе власти "темных сил" и о трагических последствиях этого. Поначалу Коковцов пользовался полным благорасположением царицы, которая считала его абсолютно неспособным к каким-либо самостоятельным действиям. Однако, как и всякий сознающий свою ответственность государственный деятель, он не мог мириться с пребыванием во дворце Распутина и его растущей властью.

В феврале 1912 года, когда положение Распутина при дворе стало предметом жарких обсуждений в III Думе, В. Н. Коковцов получил приглашение от вдовствующей императрицы. "Разговор, который состоялся 13 февраля и длился полтора часа, был полностью посвящен Распутину, — записал он в своих мемуарах. — Я ответил на все вопросы престарелой царицы и откровенно рассказал ей обо всем, что знал, ничего не утаивая и не пытаясь преуменьшить опасности положения, при котором личная жизнь императорской семьи становится достоянием всеобщей гласности, а самые интимные ее стороны превращаются во всех слоях общества в предмет грубой клеветы и безответственных сплетен. Царица горько расплакалась и обещала переговорить с сыном, добавив, однако, при этом: "Моя несчастная невестка неспособна осознать, что навлекает гибель на себя и династию. Она глубоко верит в святость этой весьма сомнительной личности, и никто из нас не в силах предотвратить катастрофу". Ее слова оказались пророческими. Вдовствующая императрица умолила В. Н. Коковцова сказать царю правду. В апреле, имея при себе все необходимые доказательства, он сделал доклад Николаю II. Никаких комментариев со стороны царя не последовало. Вот что пишет В. Н. Коковцов о последствиях той аудиенции:

”После визита ко мне Распутина 15 апреля 1912 года* и моего сообщения царю все неожиданно изменилось самым решительным образом. С этого момента мой уход стал неизбежным. Его величество в течение последующих двух лет всячески проявлял ко мне внешнее расположение, но царица изменила свое отношение почти сразу после моего доклада царю о визите Распутина... Мое отрицательное отношение к пребыванию во дворце вышеназванной персоны стало решающим фактором”.

29 января В. Н. Коковцову был пожалован графский титул, а вскоре без всяких видимых причин он был неожиданно снят со своего поста. Сразу после этого вдовствующая императрица Мария Федоровна, крайне расстроенная смещением Коковцова, имела с ним беседу. ”Выслушав мои объяснения, — сообщает он в своих мемуарах, — царица погрузилась в долгое молчание, а затем, расплакавшись, сказала мне: ”Я знаю, что вы честный человек и не желаете зла моему сыну. А потому вы можете понять, как страшусь я будущего и какие мрачные предчувствия мучают меня. Моя невестка не любит меня, считая, будто я лишь ревностно защищаю свои права. Ей не дано понять, что я забочусь только о счастье сына и что вижу, как мы несемся навстречу катастрофе, куда царь только и делает, что прислушивается к голосу льстецов. Теперь, когда вы располагаете свободой, почему бы вам не сказать царю все, что вы думаете, и не предупредить его, пока не будет слишком поздно?”

Смещение В. Н. Коковцова было личным триумфом Распутина, ибо никаких иных причин, кроме недовольства Распутина, для смещения этого верного короне государственного деятеля, всегда лояльно относившегося к Думе, не было. Дума в отношении Распутина заняла непримиримую позицию, и потому вполне естественно, что царица и ее приближенные стремились любым путем подорвать престиж Думы. Вне всякого сомнения, в обычных условиях патологическая абсурдность распутинщины никоим образом не сказалась бы на быстром экономическом и политическом развитии России, но в случае войны стране пришлось бы нелегко. Я уже упоминал о том, что Распутин яростно выступал против войны. Но в решающие дни июля 1914 года Распутин рядом с его императорскими покровителями не было.

Мой друг Суханов, член Думы от Тобольской губернии (той самой, откуда был родом Распутин) показал мне копию телеграммы, которую Распутин послал царю. ”Не объявляй войны, — говорилось в ней, — прогони Николашку... если объявишь войну, зло падет на тебя и царевича”. Во время расследования обстоятельств убийства императорской семьи, проведенного в 1918 году, об этом же свидетельствовала и распутинская дочь Матрена.

”Мой отец был решительно настроен против войны с Германией. Когда началась война, он лежал раненый** в Тюмени. Его величество послал ему много телеграмм, спрашивая совета... Отец настойчиво советовал ему ”проявить твердость” и не объявлять войны. В то время я была рядом с ним и видела и телеграммы царя, и ответы отца. Все это так расстроило его, что из раны вновь началось кровотечение”.

Мы сделаем еще один шаг в понимании сложившейся ситуации, если ознакомимся с донесением полицейского чиновника, осуществлявшего наблюдение за Распутиным: ”В середине 1916 года мне довелось слышать его слова: ”Если бы та потаскушка не пырнула меня ножом,

* Очевидно, В. Н. Коковцов имеет в виду попытку Распутина завоевать его расположение.

** Он был ранен некой Гусевой.

никакой войны не было бы и в помине, я бы не допустил этого". Он также открыто заявлял, что наступило время положить войне конец: "По мне, так крови уже пролито достаточно, немцы для нас уже не угроза, они теперь слабы". Его идея сводилась к тому, что нам следует заключить с Германией мир".

В те критические дни накануне объявления войны царь был охвачен нерешительностью и не предпринял никаких усилий, чтобы избежать, как казалось ему, неизбежного развития событий. В одном его нельзя упрекнуть: этот человек трагической судьбы любил свою страну с беззаветной преданностью и не захотел покупать отсрочку капитуляцией перед кайзером. Думаю Николай II больше о своем благополучии, чем о чести и достоинстве России, он бы наверняка нашел путь к соглашению с кайзером. В 1915 году, когда России приходилось особенно трудно, немцы обратились к царю с весьма выгодными мирными предложениями, которые предусматривали передачу ему столь желаемых для России Дарданелл и Босфора. Царь даже не снизошел до ответа.

Мне кажется, царица искренне старалась полюбить Россию, но только ту Россию, которую она сама придумала в своем воображении и которой призван был управлять в качестве самодержца ее сын. Ради этого мифа она всеми силами противостояла России реальной.

Имеется достаточно оснований полагать, что к осени 1916 года царь стал проявлять очевидные признаки усталости от Распутина и его окружения. Поведение Распутина становилось все более вызывающим, а в ряде случаев он позволил себе открыто перечить царю. Не нужно обладать особыми знаниями характера царя, чтобы понять, что он более не доверял Распутину.

В декабре 1916 года, десять лет спустя после его встречи с императорской четой, Распутин был убит группой заговорщиков, в которую входили Великий князь Дмитрий Павлович, князь Феликс Юсупов* и реакционный депутат Думы Пуришкевич. Но убийство произошло слишком поздно. Во дворце не последовало никаких существенных перемен, ибо сам царь был центральной фигурой в той драме, которая близилась к своему трагическому завершению.

* Муж племянницы царя.

ПЛАН ИМПЕРАТОРА

В первые дни после Февральской революции Чрезвычайная следственная комиссия обнаружила в личных бумагах Николая II переданную царю в ноябре 1916 года анонимную записку, в которой излагались положения поистине фантастического плана. Записка дает ключ к пониманию политики правительства в предшествующие падению монархии месяцы и некоторых акций кабинета А. Д. Протопопова, проводимых по инициативе царя. Вот некоторые выдержки из этого весьма поучительного документа: "Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова и переданная Николаю II князем Голицыным в ноябре 1916 года: Так как в настоящее время уже не представляется сомнений в том, что Государственная дума, при поддержке так называемых общественных организаций вступила на явно революционный путь, ближайшим последствием чего по возобновлении ее сессии явится искание ею содействия мятежно настроенных масс, а затем ряд активных выступлений в сторону государственного, а весьма вероятно, и династического переворота, надлежит теперь же подготовить, а в нужный момент незамедлительно осуществить ряд совершенно определенных и решительных мероприятий, клонящихся к подавлению мятежа, а именно:

I. Назначить на высшие государственные посты министров, главноуправляющих и на высшие командные тыловые должности по военному ведомству (начальников округов, военных генерал-губернаторов) лиц, не только известных своей издавна засвидетельствованной и ничем не поколебленной и незаподозренной преданностью Единой Царской Самодержавной власти, но и способных решительно и без колебаний на борьбу с наступающим мятежом...

II. Государственная дума должна быть немедленно Манифестом Государя Императора распущена без указания срока нового ее созыва.

III. В обеих столицах, а равно в больших городах, где возможно ожидать особенно острых выступлений революционной толпы, должно быть тотчас же фактически введено военное положение (а если нужно, то и осадное), со всеми его последствиями до полевых судов включительно.

IV. Имеющаяся в Петрограде военная сила в виде запасных батальонов гвардейских пехотных полков представляется вполне достаточной для подавления мятежа, однако батальоны эти должны быть заблаговременно снабжены пулеметами и соответствующей артиллерией...

V. Тотчас же должны быть закрыты все органы левой и революционной печати и приняты все меры к усилению правых газет...

VI. Все заводы, мастерские и предприятия, работающие на оборону, должны быть милитаризованы с перечислением всех рабочих, пользующихся так называемой отсрочкой, в разряд призванных под знамена и с подчинением их всем законам военного времени.

VII. Во все главные и местные комитеты союзов земств и городов, во все отделы, а равно во все военно-промышленные комитеты... должны быть назначены в тылу правительственные комиссары, а на фронте коменданты из эвакуированных офицеров для наблюдения за расхода-

нием отпускаемых казною сумм и для совершенного пресечения революционной пропаганды среди нижних чинов...

VIII. Всем генерал-губернаторам, губернаторам и представителям высшей администрации в провинции должно быть предоставлено право немедленного собственной властью удаления от должности тех чинов всех рангов и ведомств, кои оказались бы участниками антиправительственных выступлений...

IX. Государственный совет остается впредь до общего пересмотра основных и выборных законов и окончания войны, но все исходящие из него законопроекты впредь представляются на *Высочайшее* благоусмотрение с мнением большинства и меньшинства. Самый состав его должен быть обновлен таким образом, чтобы в числе назначенных по *Высочайшему* повелению лиц не было ни одного из участников так называемого "Прогрессивного блока"*.

В вышеизложенной записке нет ссылки на сепаратный мирный договор как средство спасения России. Однако в объяснительной записке ко второму пункту этого документа Говорухи-Отрока с поправкой Маклакова подчеркивается, что восстановление "неограниченного самодержавного правления" — патриотический долг, поскольку к "мерзостям... неизбежно порождаемым конституционным правлением", для России добавляется и угроза "вражеского нашествия и раздела между соседями самого Государства Российского".

Свет на происхождение анонимной записки пролили в своем показании на заседании Чрезвычайной следственной комиссии, учрежденной Временным правительством, товарищ министра** С. П. Белецкий, который "втерся" в окружение Распутина и был связан с крайне реакционными кругами.

В добавление к устным показаниям Белецкий буквально засыпал Чрезвычайную следственную комиссию из Петропавловской крепости, где находился, объяснительными записками. В одном из таких письменных показаний он подробно объясняет сущность и состав "кружка Римского-Корсакова", в который, по его утверждению, в основном входили сенаторы и члены Государственного совета***.

Члены Чрезвычайной комиссии потребовали от Маклакова дополнительных показаний. В кратком заявлении от 23 августа 1917 года он осторожно признает, что одобрил записку и излагает свое письмо, направленное им царю 19 или 20 декабря 1916 года, в котором содержались аналогичные идеи. Далее он пишет: "...после этого я писал еще письмо и проект Манифеста, и в памяти не осталось отчетливых следов всех этих документов в их подробностях"****. Манифест, о котором идет речь, несомненно, был тот, который предусматривал роспуск Думы, о чем говорится во втором пункте записки.

Было бы абсолютно нереалистичным полагать, что небольшая группка крайне правых деятелей из Государственного совета и "Союза русского народа" могла принудить царя пойти на переворот. Обе эти

* Архив русской революции. Берлин, 1922. С. 337—338.

** Так у автора. — *Прим. ред.*

*** Наряду с сенаторами и членами Государственного совета в группе принимали участие Н. Е. Марков-второй и Г. Г. Замысловский. Марков-второй был видным и активным лидером "Союза русского народа". Архив русской революции. Т. 5. С. 337—342.

**** В этой связи см.: *Блок А.* Собр. соч. 1962. Т. 6. С. 218—219: "На следующий день или через день у царя был Н. Маклаков... Протопопов сказал Маклакову, что царь поручает ему написать проект манифеста на случай, если ему будет угодно остановиться не на перерыве, а на роспуске Думы".

группы находились в полной зависимости от царя и совершенно очевидно, что "кружок Римского-Корсакова" подготовил записку по его просьбе. Эту просьбу передал кружку Маклаков, которому царь ранее дал секретную аудиенцию, не занесенную в распорядок дня двора. Тем не менее сообщение о ней просочилось к Родзянко и некоторым другим членам Думы.

В середине сентября 1916 года неожиданно для всех министром внутренних дел был назначен товарищ председателя Думы А. Д. Протопопов. В то время я находился в Туркестане, где проводил расследование в связи с серьезными беспорядками среди местного населения. На обратном пути я остановился в Саратове, главном городе моего избирательного округа, где встретился и беседовал со многими ведущими политическими и общественными деятелями. В Саратове назначение Протопопова было для всех полной неожиданностью. Оно было истолковано, однако, как показатель того, что царь намерен найти общий язык с Думой, поскольку о тесных связях Протопопова и Распутина широким кругам не было известно. (Теоретически Протопопов считался умеренным либералом и представителем "Прогрессивного блока".) Распутин, по слухам, хвастался, будто это он сыграл решающую роль в назначении Протопопова; будто, показав на ладонь своей руки, он сказал, что "теперь его Россию держит в своем кулаке".

По возвращении в Петроград я обнаружил на своем столе телеграмму из Саратова, в которой сообщалось об аресте после моего отъезда многих общественных деятелей, встречавшихся со мной. Поскольку мы оба — Протопопов и я — были уроженцами Симбирска и поддерживали хорошие отношения, я позвонил ему и попросил о немедленной встрече. "Можете приходить хоть сейчас. Мои двери для вас всегда открыты", — ответил он. На пороге своего просторного кабинета меня сердечно приветствовал новый министр в мундире шефа жандармов. В этой своей форме он выглядел в высшей степени импозантно, но я, сколько ни старался, никак не мог понять, зачем ему понадобилось надеть ее. Едва я вошел, он принялся рассуждать об огромной ответственности, возложенной на его плечи, о своих замыслах и планах на будущее. При первой же предоставившейся возможности я вручил ему телеграмму и стал излагать детали моего визита в Саратов. Он прервал меня и, покрутив пуговицу у меня на сюртуке, воскликнул: "Сейчас мы все уладим!" Тут же возле него появился молодой помощник. Передавая ему мою телеграмму, Протопопов сказал: "Немедленно телеграфируйте об освобождении лиц, упомянутых в этой телеграмме".

На левой стороне письменного стола министра я увидел вставленную в рамку репродукцию известной картины Гвидо. На ней была изображена голова Христа с удивительными глазами: если смотреть издалека, они казались закрытыми, а если подойти поближе — открытыми. Бросив на меня взгляд, Протопопов заметил: "Я вижу, вы удивлены, не правда ли? Вы так пристально все время рассматривали Его. Я никогда не расстанусь с Ним. И когда нужно принять какое-то решение, Он указывает мне правильный путь".

Мне почудилось, что происходит что-то страшное и необъяснимое. Протопопов продолжал о чем-то рассуждать, но я уже не слушал его. Я был ошеломлен. Кто он — помешанный или шарлатан, ловко приспособившийся к затхлой атмосфере апартаментов царицы и "маленького домика" Анны Вырубовой?

Я знал Протопопова как нормального, элегантного, хорошо воспитанного человека, и перемена в нем была абсолютно необъяснима. Протопопов меж тем продолжал излагать свои планы спасения России,

но у меня уже не было сил выносить это долее. Не дав ему кончить фразу, я встал, улыбнулся, поблагодарил и буквально выбежал из его кабинета.

Я бросился в Таврический дворец, где заседала Дума, и пулей влетел в кабинет Родзянко, где собралось несколько депутатов Думы. Не в силах сдержать себя, я почти прокричал: "Да он сумасшедший, господа!"

"Кто сумасшедший?"

Я пересказал, что произошло у нас с Протопоповым. Когда я дошел до его жандармского мундира, Родзянко рассмеялся и добродушно заметил: "Вы же сами сказали, что он сумасшедший, потому он и носит мундир шефа жандармов — он и нас посетил в нем же".

И поведал мне историю с назначением Протопопова. Тем летом в Париж, Лондон и Рим совершила поездку парламентская делегация видных членов Государственного совета и Думы. Целью ее участников — либо членов, либо сторонников "Прогрессивного блока" — было упрочение дружественных связей с союзниками. Протопопова, товарища председателя Думы и отличного лингвиста, назначили главой делегации, и, по словам Милюкова и Шингарева, также входивших в состав делегации, он справился со своими обязанностями с величайшим тактом и искусством.

На обратном пути он провел несколько дней в Стокгольме, где встретился с советником германского посольства, немецким банкиром Варбургом, близким другом германского посла в Швеции Люциуса. Русским властям было известно, что Люциус занимался вопросами пораженческой пропаганды и всей германской разведывательной работой в России. В результате, когда стало известно об этой встрече, в Думе, да и по всей стране, разразилась буря возмущения.

Протопопов попытался представить дело так, будто эта встреча состоялась с согласия русского посла в Швеции Неклюдова. Человек высоких моральных качеств, Неклюдов вел крайне трудную, но в то же время весьма успешную борьбу против попыток Германии втянуть Швецию в войну против России. Прослышав о том, что Протопопов сослался на его имя в целях оправдания своей секретной встречи, Неклюдов доложил министерству иностранных дел о том, что узнал об этом сенсационном randevu post factum, и предупредил Протопопова о возможных последствиях*.

И тем не менее вскоре после скандальной истории в Стокгольме Протопопов был назначен на пост министра внутренних дел. А чуть позже вся эта история стала достоянием гласности.

Судя по всему, Протопопов страдал неизлечимой венерической болезнью и в течение многих лет лечился у д-ра Бадмаева. Именно в доме Бадмаева он и повстречался с Распутиным, которому не стоило боль-

* В меморандуме, опубликованном в "Голосе минувшего" (Берлин, 1926, № 2), Протопопов утверждает, что во время секретной стокгольмской встречи "вопрос о сепаратном мире" не поднимался. П. Рисс, которому Протопопов передал этот меморандум, замечает: "Согласно словам Протопопова, России следовало бы за несколько месяцев до этого сообщить союзникам... что, будучи неспособной продолжать войну, она вынуждена вступить в переговоры с Германией. Все эти месяцы союзникам и России надо было вести эти переговоры. В случае же отказа союзников от переговоров, Россия в упомянутое время после заключения мира с Германией могла бы выйти из войны. Таким образом она стала бы нейтральной страной. В декабре 1916 г. ... Протопопов изложил свой план царю, который, по утверждению Протопопова, утвердил его". Царь конечно же скорее мог утвердить план разгрома Петрограда, чем план сепаратного мира.

шого труда подчинить себе человека с неустойчивой психикой. И хотя Протопопов всеми силами стремился скрыть дружбу с Распутиным, дружба эта, как видно, росла и крепла, и в "маленьком домике" Анны Вырубовой Распутин представил Протопопова царице, которую тот очаровал. Не кто иной, как царица и рекомендовала позднее Протопопова на пост министра внутренних дел. Насколько я знаю, немногие из членов Думы были в курсе дела, а те, кто располагал информацией, предпочли хранить молчание.

Протопопов был не первый министр, получивший пост из рук Распутина. Но он был первый член Думы, который принял назначение, не поставив предварительно об этом в известность своих коллег. Через несколько дней после назначения он предпринял безуспешную попытку убедить Родзянко и других членов "Прогрессивного блока" в своих добрых намерениях. В начале октября разрыв стал окончательным, и с того дня двери Государственной думы для нового министра внутренних дел оказались навсегда закрытыми.

Дума знала о готовящемся императорском указе, предусматривавшем назначение генерала Курлова на пост товарища министра внутренних дел. На генерале Курлове, используя слова главного военного прокурора в беседе с зятем Столыпина, лежала "главная ответственность за смерть Столыпина". В той же беседе военный прокурор информировал зятя Столыпина о том, что "уголовное преследование Курлова было прекращено по личному указанию царя". Поэтому неудивительно, что предполагаемое назначение генерала вызвало в Думе бурю возмущения. От имени всех членов Думы, за исключением крайне правых, Родзянко предупредил Протопопова, что в ответ на назначение Курлова будут опубликованы все подробности, связанные с убийством Столыпина и ролью Курлова в этом деле. Их достоверность вызвался подтвердить Шульгин, человек неподкупной честности, пользующийся всеобщим уважением. Указ подписан не был, однако Курлов остался "тайным" товарищем министра и неофициально занимался всеми делами Департамента полиции. Встречаясь в доме тибетского доктора, они хорошо узнали друг друга.

Назначение Курлова, хоть и неофициальное, неизбежно должно было вскоре повлечь определенные последствия. Приблизительно в середине ноября, как раз когда царь рассматривал возможность назначения Маклакова в качестве преемника Протопопова, ко мне зашел для конфиденциальной беседы мой друг, профессор В. Н. Сперанский. Он спросил, не хотел бы я увидеться с сенатором С. Н. Трегубовым, который только что вернулся из Ставки в Могилеве. Встречу предполагалось провести, при соблюдении полной тайны, в доме его отца, главы медицинского департамента министерства двора д-ра Сперанского. Я знал Трегубова еще со школьных лет в Ташкенте, где он занимал пост прокурора окружного суда. Я всегда испытывал к нему уважение за то, что при выполнении своих обязанностей он руководствовался не указаниями Щегловитова, а голосом собственной совести.

Встреча состоялась через несколько дней. Когда мы остались в комнате одни, Трегубов сообщил о глубокой тревоге, охватившей Ставку после получения от военной разведки данных об усиленной активности германских агентов среди петроградских рабочих. "Мы знаем, — сказал он, — что по роду своей политической деятельности вы связаны с представителями рабочих, и хотели бы знать ваше мнение по данному вопросу". Я ответил, что хотя и не имею информации о деятельности германских агентов, но с удовольствием обменяюсь с ним мнениями по этой проблеме. Я бы также хотел, добавил я, выразить свою обеспокоен-

ность позицией Департамента полиции в отношении глубокого раскола среди рабочих по вопросам военной пропаганды.

“Что вы имеете в виду?” — спросил он.

“Исходя из собственных наблюдений, а также из бесед с рабочими, я пришел к выводу, что по каким-то соображениям Департамент полиции закрывает глаза на подрывную деятельность, которую ведут среди рабочих “пораженцы”, руководствующиеся пресловутыми “Тезисами о войне”, присланными в Россию Лениным. Я предлагаю вам как можно скорее приступить к расследованию действий Департамента полиции. Возможно, лучшим вариантом явилось бы создание сенатской комиссии”. В подтверждение моих подозрений я рассказал о нескольких случаях, когда охранка арестовывала на политических митингах совсем не тех ораторов, которых следовало бы арестовать. Агитаторы-“пораженцы”, призывавшие рабочих бастовать в знак протеста против империалистической войны, ухитрялись скрыться, а арестованными оказывались те, кто ратовал за новые усилия по защите страны. Было очевидно, что агенты охранки, действуя, несомненно, по инструкциям свыше, не проявляли ни малейшего интереса к агитаторам-“пораженцам”. Столь необъяснимое поведение придавало достоверность распространяющимся среди рабочих слухам об “измене наверху”.

Закончив наш конфиденциальный разговор, мы возвратились в гостиную, где нас ожидал хозяин. Обменявшись несколькими общими фразами, я с тяжелым сердцем покинул этот дом. Я не сомневался, что Трегубов передаст нужным людям суть нашего разговора. Однако с горечью вынужден признать, что никаких последствий эта беседа не имела, и Курлов остался на своем ответственном посту.

“Во второй половине ноября, — писал незадолго до своей смерти Протопопов, — начало выкристаллизовываться рабочее движение. То там, то тут в разных районах города вспыхивали стачки... Мы были вынуждены разработать план для подавления рабочего движения на случай, если оно начнет распространяться и приобретать насильственный характер”. В качестве первого шага в этом направлении он обратился к градоначальнику Петрограда генералу Балки, попросив его доложить обстановку в городе. К своему удивлению, Протопопов узнал об учреждении военной комиссии во главе с генералом Хабаловым, в которую входили представители Департамента полиции, для разработки планов совместных действий армии и полицейских подразделений на случай беспорядков в столице. И хотя аппарат градоначальника находился в подчинении министерства внутренних дел, сам министр не имел ни малейшего представления о происходящих событиях. И пока министр внутренних дел усиливал кампанию борьбы против земских и городских союзов, а также против кооперативных и общественных организаций, для оказания помощи полиции разрабатывался детальный план о вводе в город вооруженных пулеметами подразделений. С другой стороны, Департамент полиции почти открыто поддерживал пропаганду большевистских пораженческих организаций, которые провоцировали рабочих на забастовки. После назначения 1 января 1917 года И. Г. Щегловитова на пост председателя Государственного совета Протопопов неприкрыто занял в отношении Думы непримиримую позицию.

Совершенно очевидно, что второй пункт записки, составленной в кружке Римского-Корсакова, выражал политику самого царя, главным инструментом которой был Протопопов. Еще раз подчеркиваю, что то была политика лично царя, а не правительства как такового. Против

линии, которую проводил в жизнь полупомешанный Протопопов, выступали все члены Совета министров, включая его председателя князя Н. Д. Голицына, и все они стремились сохранить если не дружественные, то надлежащие отношения с Думой и гражданскими организациями, работавшими на оборону. Стремясь избежать прямого столкновения между Протопоповым и Думой, князь Голицын перенес открытие сессии Думы с января на февраль и трижды, по разным случаям, обращался к царю с настойчивой просьбой о смещении Протопопова. Он подчеркивал "полную его неосведомленность в делах министерства и незнакомство с очень сложной машиной министерства внутренних дел...", что "он вреден и не сознает того положения, которое он создал"*.

Царь неоднократно давал уклончивый ответ, однако под давлением Голицына в конце концов заявил: "Я долго думал и решил, что пока я его увольнять не буду"***.

На первый взгляд нерешительность царя в отношении Протопопова противоречит его более раннему намерению назначить на его место Маклакова. Единственным логическим объяснением такой позиции является то, что после смерти Распутина царь видел в Протопопове "безвредного" деятеля, неспособного в силу этой своей безвредности вести дело к сепаратному миру. И хотя император, должно быть, полностью отдавал себе отчет в том, что Щегловитов и Протопопов — сторонники именно такого курса, это не очень беспокоило его, коль скоро оба они, действуя в рамках его Великого предназначения, по-прежнему выступали как против Думы, так и против всех гражданских организаций.

В январе 1917 года план переброски в Петроград армейских и полицейских войск был завершен. Все войсковые соединения и полицейские подразделения, так же как и отряды жандармов, подчинялись теперь штабным офицерам, специально назначенным во все шесть подразделений, находящихся под началом главы городской полиции. В случае беспорядков первой должна была действовать полиция, затем казаки, а если потребует ситуация, в действие будут введены пулеметные части. По специальному приказу в городе была оставлена и передана под контроль градоначальника партия пулеметов, направленных Великобританией через Петроград на фронт.

Этот план, предусматривавший отношение к столице как к оккупированному городу, был абсурден и с самого начала обречен на провал. Царь, обеспокоенный разговором с Протопоповым, который выразил сомнение в надежности резервных войск в Петрограде, призвал для консультаций генерала Хабалова. Выслушав его доклад, он немедленно отдал приказ генералу В. О. Гурко*** возвратить в казармы якобы на отдых два гвардейских кавалерийских полка и полк уральских казаков. Протопопов был в восторге от решения царя.

Тем временем при помощи агента-provokatora генерал Курлов, воспользовавшись первым же попавшимся предложением, совершил налет на Центральный военно-промышленный комитет. 26 января 1917 года все члены "рабочей группы", за исключением полицейского агента Абросимова, были арестованы. Был таким образом разогнан центр патриотического движения "оборонцев" среди рабочих.

* Падение царского режима. Ленинград, 1925. Т. 2. С. 253—254.

** Там же. С. 254.

*** Генерал В. О. Гурко временно исполнял должность начальника штаба Верховного Главнокомандующего на время болезни М. В. Алексева.

Та же судьба постигла группы рабочих "оборонцев" в Москве и в провинции. 31 января по всей столице начались массовые демонстрации и стачки и было решено, что время для осуществления военных операций против населения, предусмотренных в Записке кружка Римского-Корсакова, созрело. Однако попытка положить конец движению "оборонцев" вызвала невиданный взрыв возмущения в широких слоях народа, который усмотрел в этой попытке верный признак тайного стремления монархии заключить с Германией сепаратный мир. И даже поспешно призванные кавалерийские полки не могли спасти положение.

В свой последний разговор с Протопоповым, 22 февраля, царь движением головы попросил его выйти из апартаментов императрицы для беседы с ним tête-à-tête. В его голосе звучала тревога. Он сообщил Протопопову, что генерал Гурко самым возмутительным образом отказался выполнить его приказ и вместо полков личной гвардии, о направлении которых в Петроград он распорядился, послал туда морскую гвардию. Моряками командует Великий князь Кирилл, как и большинство других Великих князей — злейший враг царицы*. Император сообщил Протопопову о своем намерении немедленно отправиться в Ставку с тем, чтобы обеспечить переброску в столицу необходимых армейских подразделений и принять дисциплинарные меры в связи с поведением генерала Гурко. Протопопов умолял царя не задерживаться в Ставке более того, что абсолютно необходимо, и заручился его обещанием возвратиться не позднее, чем через восемь дней.

Перед тем как покинуть Петроград, царь подписал указы Сенату как об отсрочке, так и о роспуске Думы, не проставив на обоих даты, и вручил оба документа князю Голицину**.

Таков был заключительный шаг царя по осуществлению его плана восстановления абсолютного правления и обеспечению победы под его личным руководством.

ПОСЛЕДНЯЯ СЕССИЯ ДУМЫ

После долгих поисков был найден нужный человек, человек "готовый на все". 18 января 1916 года был смещен И. Л. Горемыкин, который к тому времени полностью растерял остатки своего влияния в Царском Селе. 19 января на его место был назначен Б. В. Штюрмер, человек крайне реакционных взглядов, для которого была ненавистна сама идея народного представительства или местного самоуправления. И, что более важно, он безгранично верил в необходимость прекращения войны с Германией. Подтвердилось зловещее предсказание Горемыкина: "Когда я уйду, они заключат мир". И действительно, вскоре развернулась лихорадочная деятельность по подготовке мирного соглашения.

Первые несколько месяцев на посту Председателя Совета министров Штюрмер являлся также и министром внутренних дел, однако пост министра иностранных дел все еще занимал С. Д. Сазонов, который неуклонно придерживался курса на сохранение союза с Великобританией и Францией и на продолжение войны до самого конца и который придерживался обязательств кабинета вести политику в соответствии с мнением большинства Думы.

Однако 9 августа Сазонов был неожиданно снят со своего поста. Его портфель взял себе Штюрмер, а 16 сентября министром внутренних дел был назначен А. Д. Протопопов. Таким образом, вся официальная власть в Российской империи оказалась полностью в руках царицы и ее советников.

Теперь стало абсолютно очевидным, куда толкает Россию эта банда безответственных реакционеров, авантюристов и невропатов. Германский министр пропаганды, весьма влиятельный член рейхстага Эрцбергер писал в своих мемуарах:

"В сентябре 1916 г. на кое-кого произвела большое впечатление новость о том, что возросла возможность заключения мира с Россией. 20 сентября 1916 г. этот человек в следующих словах изложил свои впечатления в письме, направленном лично мне:

"Ознакомившись с политической ситуацией, которую в целом я оцениваю как весьма тревожную, я полагаю справедливым сделать вывод о том, что Россия — единственная страна четырехстороннего союза, которая может начать переговоры, и, в случае уступок, которые позволят ей сохранить за границей военный престиж, пойдет первой на заключение мира. Ключом к пониманию ситуации является личность Штюрмера, взгляды которого коренным образом отличаются от взглядов Сазонова..."

В тот же день я получил донесение из Петрограда о том, что, по словам высокопоставленных русских официальных лиц, они устали от войны и были бы рады заключить мир с Германией. Естественно, об этом тут же было доложено врагам Штюрмера. Назначение Протопопова на пост министра внутренних дел, что было делом рук Штюрмера, публикации в прессе относительно его встречи с д-ром Варбургом*

* См. гл. 2.

привели к крайне резким заявлениям Милюкова и Шульгина, с которыми они выступили в Думе в ноябре 1916 года. Они и привели к падению Штюрмера, "премьер-министра мира"*.

Теперь стало столь же очевидным, что все шансы избежать столкновения между монархией и народом упущены.

1 ноября, в первый день пятой, и последней, сессии Думы, Милюков выступил с резким заявлением по адресу Штюрмера. В своей речи он упомянул имя молодой царицы, особа которой до тех пор номинально была неприкосновенна для какой-либо критики, и намекнул на ее косвенную причастность к германским интригам, завершив свое обвинение словами: "Что это: глупость или измена?"

Ответ армии и народа на этот риторический вопрос мог быть только одним: "Измена". И хотя позднее Милюков утверждал, будто, задавая свой вопрос, он имел в виду именно глупость, а не измену, в это поверили немногие, особенно если учесть, что все другие представители "Прогрессивного блока" и левых групп в течение длительного времени говорили то же самое, никогда, впрочем, не упоминая царицу по имени.

На том же заседании членов Думы крайне озадачило неожиданное выступление лидера крайне правых В. М. Пуришкевича, который позже стал одним из соучастников убийства Распутина. Обрисовав в совершенно недвусмысленных выражениях махинации распутинской клики, он закончил речь призывом ко всем членам Думы, сохранившим верность России и монархии, отправиться в Царское Село и "коленипреклоненно" молить царя спасти Россию и трон от происков предательских "темных сил".

10 ноября Штюрмер был освобожден от занимаемой им должности. Его преемником стал А. Ф. Трепов, крайне правый член Государственного совета и человек, близкий к царю. Члены "Прогрессивного блока" были довольны, считая, что одержали совершенно неожиданную и блистательную победу. Однако трудовики и социал-демократы прибегли к тактике обструкции, стремясь помешать новому премьер-министру выступить в Думе, поскольку он сохранил в своем кабинете на посту министра внутренних дел Протопопова. Дума единогласно вынесла нам порицание, приняв решение не допускать нас на пятнадцать следующих заседаний Думы.

Тем временем набирала все большую силу правительственная кампания против добровольных общественных организаций, ратовавших за продолжение войны.

8 и 9 декабря полиция, действуя по приказу Протопопова, учинила в Москве разгон съездов Союзов земств и городов. Были запрещены съезды кооперативов, занимавшихся продовольственным снабжением. 13 декабря, в канун открытия дискуссии в Думе по действиям Протопопова, председатель Думы объявил, что, согласно правилам процедуры, правительство потребовало проводить эти дебаты за закрытыми дверями.

Я немедленно взял слово и на "открытом заседании" зачитал текст резолюций, принятых обеими съездами в канун их разгона. В одной из них, принятой съездом Союза городов, в частности, говорилось: "В России всем сословиям, всем классам, всякому единению честных людей вполне ясно, что безответственные преступники, гонимые суеверным страхом, изуверы, кощунственно произносящие слова любви к России, готовят ей поражение, позор и рабство! Россия окончательно прозрела, и грозная действительность открылась перед ее глазами. Жизнь государства потрясена в ее основе, мероприятиями правительства страна приве-

* Souvenirs de guerre de M. Erzberger. Paris, 1921. P. 271.

дена к хозяйственной разрухе, а новые меры правительства довершают расстройство и готовят социальную анархию. Выход из настоящего положения, ведущего Россию к несомненной катастрофе, один — реорганизация власти, создание ответственного министерства. Государственная дума должна с неослабевающей энергией и силой довести до конца свою борьбу с постыдным режимом, — в этой борьбе вся Россия с нею. Союз городов призывает Государственную думу исполнить свой долг и не расходиться до тех пор, пока основная задача создания ответственного министерства не будет достигнута. Союз городов призывает и все организованные группы населения — города, земства, сельские хозяйства, торговлю, промышленность, кооперативы и рабочих — объединиться для работы прежде всего в области упорядочения продовольственного дела, разруха которого грозит стране и армии”.

В тот же день еще более решительно и серьезно изложил свою позицию Союз земств, возглавляемый князем Г. Е. Львовым: ”Историческая власть страны стоит у бездны. Наша внутренняя разруха растет с каждым днем и с каждым днем становится труднее организовать страну в уровень с великими требованиями, которые к ней предъявляет война. Наше спасение в патриотизме, в нашем единении и ответственности перед родиной. Когда власть ставит преграды на пути к спасению, ответственность за судьбы родины должна принять на себя вся страна. Правительство, ставшее орудием в руках темных сил, ведет Россию по пути к гибели и колеблет царский трон. Должно быть создано правительство, достойное великого народа в один из величайших моментов его истории, сильное, ответственное перед народом и народным представительством. Пусть Государственная дума при начатой решительной борьбе помнит о великой ответственности и оправдает то доверие, с которым к ней обращается вся страна. Время не терпит, истекли все сроки для отсрочек, данные нам историей”.

Зачитав оба эти исторические документа, я подчеркнул, что цитирую не резолюцию рабочих и крестьян, а резолюцию городских и земских деятелей*. Далее я сказал, что мы выступим со всеми теми, кто открыто и прямо призывает народ и страну к открытой решительной борьбе со старой властью, губящей страну.

Мое предложение обсудить этот вопрос на открытом заседании не было поставлено на голосование: отказавшись сделать это, Родзянко действовал согласно правилам процедуры**.

Я совершенно уверен в том, что если бы 13 декабря мое предложение было принято, то такой ”революционный” акт со стороны Думы не вызвал бы никаких репрессий. В тот момент распутинская клика еще не была готова к решающим шагам, и Дума смогла бы стать не только глашатаем надежд народа, но и руководителем страны в переломный момент истории.

Убийство Григория Распутина 17 декабря ни в малейшей степени не изменило политику двора.

Через несколько дней, как раз накануне Рождества, дальнейшие заседания Думы были отложены на полтора месяца, а через неделю после этого, 27 декабря, на пост Председателя Совета министров вместо Трепова был назначен высокопоставленный представитель двора князь Н. Д. Голицын, советник царицы во всех делах, связанных с благо-

* То есть людей скорее либеральных, чем революционных убеждений.

** Стенографический отчет. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия V. Заседание пятнадцатое. 13 декабря 1916 г. С. 1095—1098.

творительностью. Это назначение носило весьма курьезный характер, если учесть, что новый глава правительства, которому предстояло в этот критический момент принять на себя руководство всей внутренней и внешней политикой страны, со слезами на глазах умолял царя не назначать его на столь ответственный пост, да еще в военное время. Но все мольбы его оказались напрасными. Впрочем, он и получил такое назначение именно потому, что не имел никакого опыта в делах государства и отличался полным отсутствием собственной воли.

Отныне вся власть сконцентрировалась в руках Протопопова и его подручных.

1 января 1917 года председателем Государственного совета стал один из самых влиятельных лиц, связанных с тронем, бывший министр юстиции И. Г. Щегловитов. Этот пост, как и пост Председателя Думы, давал возможность делать личные доклады царю. Назначение на столь высокий пост человека, который всего шесть месяцев назад по требованию общественности был смещен с должности, было явным свидетельством того, что монарх окончательно и безвозвратно утратил чувство ответственности за положение дел в стране. Именно в этот момент Протопопов и его приспешники кинулись, закусив удила, во все тяжкие.

Их война против земств, Союза городов, кооперативов и всех добровольных организаций, работавших на нужды национальной обороны, приобрела патологический характер. В Думе стало известно, что правительство вознамерилось взять все эти организации под свой прямой контроль, а это, наряду с другими мерами означало, что именно Протопопову поручили заниматься продовольственным снабжением жителей Петрограда.

В январе в столице резко возрос размах беспорядков среди рабочих. Если в 1916 году по всей стране прошло 243 политических забастовки, то за первые два месяца 1917 года их число составило 1140.

К середине января специальный комитет во главе с начальником Петроградского военного округа, которым он командовал вплоть до 27 февраля 1917 года, генералом С. С. Хабаловым закончил разработку детального плана размещения в столице войск для совместных действий с полицией на случай беспорядков в столице. Одновременно правительство начало кампанию борьбы с Центральным военно-промышленным комитетом из-за входящей в него Рабочей группы. Эта независимая группа рабочих, являвшаяся частью комитета (членами которого были ведущие представители промышленности), была сущим проклятием для Протопопова по одной простой причине: действуя с позиций марксистской идеологии и пролетарских принципов, группа успешно защищала экономические интересы промышленного пролетариата и вынуждала предпринимателей идти ему на уступки. Таким образом удавалось избегать забастовок на заводах, занятых оборонным производством.

31 января вся Рабочая группа была арестована и ей было предъявлено обвинение в "создании преступной организации, стремящейся к свержению существующего государственного строя и установлению социалистической республики". По приказу генерала Хабалова газетам было запрещено опубликовать письмо арестованных лидеров группы к трудящимся Петрограда, в котором они призывали их продолжать работу на оборонных предприятиях и не проводить демонстраций и забастовок в знак протеста против их ареста. Лишь один из членов группы "избежал" ареста: это был Абросимов, самый левый член группы, который постоянно вылезал вперед, правда без большого успеха, со всякого рода "революционными" предложениями.

В первые недели после падения монархии, когда досье охраны попали в руки нового правительства, выяснилось, что Абросимов был

одним из самых активных агентов полиции. Но даже и без этого неоспоримого доказательства вся история о проведении кампании Протопопова — Курлова по деморализации петроградских рабочих, придерживающихся "оборонческих" настроений, была достаточным свидетельством участия Абросимова в деятельности "пораженцев".

8 февраля по приказу царя Петроградский военный округ был выделен из Северного фронта и командующий округа генерал Хабалов получил специальные полномочия. Дума оставалась единственной независимой организацией, которую еще не рискнул тронуть Протопопов. В те черные месяцы этот орган народного представительства, конечно же весьма далекий от совершенства, был единственной надеждой России. Думе доверяла армия на фронте, в ее действенность верили рабочие столицы. Однако неделя шла за неделей, разрушительные силы действовали со все большей наглостью, а Дума по-прежнему так и не возобновляла своей работы.

По городу поползли слухи, будто Царское Село уже приняло решение покончить с Думой. Слухи с каждым днем все нарастали, вызывая всеобщее беспокойство. Все понимали, что в случае разгона Думы общественное мнение потеряет всякое значение. Представители всех слоев общества, от командиров на фронте до простых заводских рабочих в Петрограде, верили в силу и способность Думы спасти положение.

Когда в конце концов на 14 февраля был назначен день возобновления работы Думы, нас с Чхеидзе посетила делегация рабочих Путиловского завода, которые играли ведущую роль в рабочем движении столицы, и сообщила нам, что в день открытия Думы рабочие планируют провести массовую демонстрацию в ее поддержку. Демонстрация была отменена, поскольку, по тактическим соображениям, "Прогрессивный блок" принял решение не поддерживать этот план. Об этом было объявлено в письме, которое Милюков направил в газеты.

Как обычно, в канун открытия Думы Родзянко отправился с всеподданейшим докладом к царю.

"Правительство, — сказал он, — все ширит пропасть между собой и народным представительством. Министры всячески устраняют возможность узнать Государю истинную правду... С прежней силой возобновились аресты, высылки, притеснения печати. Под подозрением находятся даже те элементы, на которые раньше всегда опиралось правительство, под подозрением вся Россия. Государственной думе грозят роспуском. При всех этих условиях никакие героические усилия... предпринимаемые Председателем Государственной думы, не могут заставить Государственную думу идти по указке правительства, и едва ли Председатель, принимая со своей стороны для этого какие-либо меры, был бы прав и перед народным представительством, и перед страной. Государственная дума потеряла бы доверие к себе страны, и тогда, по всему вероятию, страна, изнемогая от тягот жизни, ввиду создавшихся неурядиц в управлении, сама могла бы стать на защиту своих законных прав. Этого допустить никак нельзя. Это надо всячески предотвратить и это составляет нашу основную задачу"*.

Царь, явно раздраженный позицией Родзянко, предупредил его, что Думе будет позволено продолжить заседания лишь в том случае, если "она не допустит новых непристойных выпадов в адрес правительства", и отказался дать согласие на просьбу Родзянко об удалении наиболее непопулярных министров. В ответ на высказанные Родзянко опасения по поводу реакции общественного мнения и его намеки на возможность насильственных действий снизу Николай заявил, что имеющаяся в его распоряжении информация свидетельствует "совсем об обратном". На грани

* The Russian Provisional Government, 1917. Vol. 1. P. 3.

отчаяния Родзянко высказал свои "самые худшие предчувствия... и убеждение", что это его последний доклад. "Я по всему вижу, что вас повели на самый опасный путь... вы хотите распустить Думу... Еще есть время; еще возможно все изменить и дать стране ответственное правительство. Видимо, этому не суждено сбыться. Ваше Величество, вы выражаете несогласие со мной и все останется как было. ...Я вас предупреждаю, я убежден, что не пройдет трех недель, как вспыхнет такая революция, которая сметет вас, и вы уже не будете царствовать". Пророчество Родзянко вскоре сбылось.

Такое негативное отношение к докладу Родзянко красноречиво свидетельствовало о том, что царь одобрял действия Протопопова и не имел ни малейшего намерения пойти на какие-либо изменения.

Когда 15 февраля открылось заседание Думы, в повестке дня стоял вопрос о ее роли в противостоянии между властью и страной, близившемся к своей высшей точке. Милюков заявил, что, по его мнению, страна далеко опередила свое правительство. Но мысль и воля страны только случайно, только через узкие щели, которые оставляет мертвый бюрократический механизм, может превращаться в полезное действие. Все чаще из глубины России... мысль несется с надеждою к Государственной думе. В то же время его "несколько смущают" подобные призывы к действию, ибо, как он выразился, "наше слово есть уже наше дело"*.

И это было абсолютно справедливо. Слова в качестве действий вполне годятся для поэтов, философов и писателей, но недостаточны для государственных деятелей и политиков. Их слова, даже самые зажигательные и мудрые, абсолютно бесполезны, если за ними не следует действие. Как правильно сказал Милюков, в то время весь народ возлагал свои надежды на Думу, но Россия ждала от нее не слов, а действий. Оправданы ли эти надежды или нет, но люди ждут, что Дума станет их глашатаем. И не только "мертвая бюрократическая машина" принесла народу страдания и помешала ему выразить свои творческие возможности. В конце концов в каждой стране существует та или иная форма бюрократической машины; без нее не может обойтись ни одно современное государство. Да и в самой России бюрократическая машина была далеко не так мертва, ибо у нее на службе было немало разумных и преданных делу людей. Однако их полностью лишили возможности действовать, они лишь выполняли приказы министров. А кто назначал этих министров? Кто смещал честных министров и назначал на их место прихлебателей Распутина?

Отвечая на замечание Милюкова относительно мертвой бюрократической машины, я сказал то, о чем думали, но не рисковали сказать открыто депутаты Думы. И заявил, что ответственность за происходящее лежит не на бюрократии и даже не на "темных силах", а на короне. Корень зла, сказал я, кроется в тех, кто сейчас сидит на троне.

Обращаясь к членам "Прогрессивного блока", я продолжал:

"Нам говорят: правительство виновато, правительственные люди, которые как "тени" приходят и уходят с этих мест. Но поставили ли вы себе вопрос, наконец, во всю ширь и всю глубину, кто же те, кто приводит сюда эти тени? И если вы вспомните историю власти за эти три года, вы вспомните, как много здесь говорилось о "темных силах"; и эти разговоры о темных силах создали союз юных наивных мечтателей с политическими авантюристами**. И вот эти "темные силы" исчезли! Исчез Распу-

* Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия V. Заседание двадцатое. 15 февраля 1917 г.

** Намек на соучастников убийства Распутина — князя Юсупова, Пуришкевича и других.

тин! Что же, мы вступили в новую эпоху русской жизни? Изменилась ли система? Нет, не изменилась, она целиком осталась прежней...

И вот, я и спрошу вас, гг. члены Государственной думы (а вместе с вами и ту общественность, которую вы представляете): что же, наконец, эти три года войны привели вас к тому основному убеждению, которое, и только оно одно, может вас соединить с нами, представителями демократии?! Поняли ли вы, что исторической задачей русского народа в настоящий момент является задача уничтожения средневекового режима немедленно, во что бы то ни стало, героическими личными жертвами тех людей, которые это исповедуют и которые этого хотят? Как сочетать это ваше убеждение, если оно есть, с тем, что отсюда подчеркивается, что вы хотите бороться только "законными средствами"?! (В этом месте Милюков перебил меня, указав, что такое выражение является оскорблением Думы.) Как можно законными средствами бороться с теми, кто сам закон превратил в орудие издевательства над народом?.. С нарушителями закона есть только один путь — физического их устранения.

Председатель Думы в этом месте спросил, что я имею в виду. Я ответил: "...я имею в виду то, что свершил Брут во времена Древнего Рима".

Председатель Думы позднее распорядился об исключении из стенографического отчета о заседании моего заявления, оправдывающего свержение тирана. Когда мои слова передали царице, она воскликнула: "Керенского следует повесить!"

На следующий день или, быть может, днем позже Председатель Думы получил от министра юстиции официальное заявление с требованием лишить меня парламентской неприкосновенности для привлечения к судебной ответственности за совершение тяжкого преступления против государства.

Получив эту ноту, Родзянко тотчас пригласил меня в свой кабинет и, зачитав ее, сказал: "Не волнуйтесь. Дума никогда не выдаст вас".

На следующем заседании Думы, 17 февраля, обсуждался вопрос о Рабочей группе Военно-промышленного комитета и об аресте и суде над ее членами. (Этот вопрос был включен в повестку дня в день заседания по решению значительного большинства депутатов.)

Первым на заседании выступил член партии прогрессистов и заместитель председателя Военно-промышленного комитета А. И. Коновалов. Он сделал подробное сообщение о налете полиции на штаб-квартиру "оборонческого" движения рабочих. Выступление Коновалова вызвало в Думе возмущение всех депутатов, за исключением, конечно, крайне правых. Особое негодование вызвали два обстоятельства: первое — это приказ, запрещающий публикацию в прессе письма арестованных рабочих, в котором они призвали всех рабочих продолжать работу и воздерживаться от проявлений массовых протестов; второе — это то, что рабочий Абросимов, единственный из группы, не подвергшийся аресту, своим поведением после арестов достаточно красноречиво показал, что был агентом охранки. Факты, приведенные в докладе Коновалова, дали каждому честному и порядочному члену Думы ключ к ответу на вопрос, кто стоял за спиной организаторов "диких" забастовок на фабриках и заводах и кто толкал администрацию фабрик и заводов, занятых военным производством, на проведение политики локаутов.

18 февраля началась серия забастовок в ответ на резкое повышение цен. Кузнечный цех Путиловского металлургического завода тотчас потребовал 50-процентного повышения зарплаты. Администрация решительно отвергла это требование, и рабочие, не покидая территории завода, остановили машины. Митинги состоялись и во всех других цехах завода. Тремя днями позже администрация, стремясь отделаться от "нежелатель-

ных элементов”, распорядилась о закрытии кузнечного цеха под предлогом прекращения поставок угля и увольнении всех рабочих, занятых в производстве. Были закрыты и другие цехи, и волна забастовочных митингов прокатилась в тот вечер по всему заводу. На следующий день, 22 февраля, администрация Путиловского завода объявила локаут, в результате которого около 40 тысяч рабочих оказались буквально вышвырнутыми на улицу. Рабочие решили обратиться за поддержкой ко всем рабочим Петрограда и для координации действий создали стачечный комитет. В тот же самый день царь, который после смерти Распутина жил в Царском Селе, отбыл на фронт, пообещав Протопопову возвратиться через неделю.

А тем временем нарастала нехватка продовольствия. За несколько дней до этого, 19 февраля, возле продовольственных магазинов собрались толпы людей, требовавших хлеба. 21 февраля в ряде районов жены рабочих ворвались в булочные и бакалейные лавки и разграбили их. 23 февраля критическое положение с продовольствием обсуждалось на заседании Думы, при этом особое внимание было уделено ситуации в Петрограде. В своей речи я, в частности, сказал:

”Я сегодня взял на себя обязанность передать вам то, что мне вчера сказали те путиловские рабочие, которые у меня были. Они просили меня передать вам следующее: скажите вашим товарищам, членам Государственной думы, что мы сделали все, чтобы этого закрытия завода вчера не последовало; мы сделали все... и даже согласились вернуться на работу на старых условиях. Но в тот момент, когда таково было настроение руководящих рабочих масс завода, они прочитывают объявление о закрытии Путиловского завода и о том, что 36 000 петербургского населения, самого обездоленного и голодающего, выбрасывается на улицу. Они прочли это тогда, когда только что провели по всем мастерским ряд организованных собраний, где доказывали по тем или другим соображениям несвоевременность сегодня развивать это рабочее движение, и они просили меня вам передать. Я ответил им: ”Я сомневаюсь, чтобы большинство Государственной думы поняло вас; кажется, общего языка между вами и ими нет никакого”, но я обязанность свою исполняю (слева и в центре голоса: ”Напрасно!”), я вам передаю. И если напрасно, то сделайте то, что требует от вас гражданский долг настоящего момента”.

И это свершилось — они приступили к обсуждению этой проблемы!

В конце заседания Милюков от имени ”Прогрессивного блока” внес следующий проект резолюции: ”Признавая необходимым, 1) чтобы правительство немедленно приняло меры для обеспечения продовольствием населения столицы так же, как и других городов; 2) чтобы, в частности, были немедленно удовлетворены продовольствием рабочие заводов, работающих на оборону; 3) чтобы для распределения продовольствия были теперь же широко привлечены городские самоуправления и общественные элементы и организованы продовольственные комитеты, — Государственная дума переходит к очередным делам”.

От имени группы трудовиков я предложил включить в проект резолюции ”Прогрессивного блока” следующий пункт: ”...что все уволенные рабочие Путиловского завода должны быть приняты обратно и деятельность завода немедленно восстановлена”.

Предложение было поставлено на голосование, и моя поправка была одобрена.

К несчастью, попытка Думы положить конец провокационным действиям администрации завода и правительства была предпринята слишком поздно. 23 февраля началась всеобщая стачка.

На десятках заводов и фабрик состоялись митинги и была прекращена работа. По окончании митингов рабочие под звуки революционных песен устремились на улицы города. К полудню они заполнили Сампсониевский проспект, и отряды конной и пешей полиции оказались бессильны сдержать толпу. В два часа градоначальник Петербурга генерал Балк отдал приказ военному командованию подавить бунт.

На следующий день Дума продолжила обсуждение критического положения; на ее утверждение был внесен законопроект о передаче Союзам городов и земств организации продовольственного снабжения. Родзянко обратился к князю Голицыну с настоятельной просьбой передать это дело из рук Протопопова в руки муниципальных властей.

Тем временем тысячи рабочих двигались по направлению к Литейному проспекту, толпы людей собирались и в других районах города. В соответствии с планом генерала Хабалова о подавлении бунта силой оружия поперек мостов были воздвигнуты заграждения, чтобы разделить город на две части. Но приказы генерала опоздали.

25 февраля против народа были брошены казачьи отряды и пехотные подразделения. Невский проспект и прилегающие к нему улицы были запружены толпами людей. На площади у Николаевского вокзала, у памятника Александру III проходил многотысячный митинг, однако казаки не только не стали разгонять его, но начали брататься с толпой. Неожиданно прибыл отряд конной полиции под командованием какого-то офицера. Он приказал сделать предупредительный залп, но в этот момент из рядов казаков прозвучал выстрел, и офицер упал замертво. Полицейские немедленно произвели ружейный залп прямо в толпу, и люди стали разбегаться по прилегающим улицам.

В тот день Дума собралась на свое последнее и самое короткое заседание. Стремясь как можно скорее утвердить законопроект о передаче продовольственного снабжения объединенной комиссии Союзов городов и земств, члены Думы начали заседание в одиннадцать утра и прервали его в 12 ч 50 мин, назначив очередное заседание на одиннадцать часов утра 28 февраля.

Для всех было очевидно, что судьба Думы висит на волоске, что она наверняка будет либо распущена, либо ее заседания будут перенесены на более поздний срок. Чтобы не дать застичь себя врасплох, Думе следовало любой ценой продолжить сессию. Левая оппозиция настаивала на проведении следующего заседания не во вторник 28 февраля, а в понедельник 27 февраля.

Однако наши усилия оказались бесплодными перед лицом сопротивления большинства, и предложение было отклонено. Но одна уступка все же была сделана — на неофициальном заседании совета старейшин, состоявшемся в кабинете Родзянко, было решено провести закрытое заседание Думы в 2 часа дня в понедельник.

В течение всего воскресного дня большое число членов Думы от различных фракций безуспешно пытались убедить председателя провести в понедельник официальное заседание.

В полночь с 26 на 27 февраля весенняя сессия Думы была прервана царским указом, на котором князь Голицын поставил дату 25 февраля. Этим указом была поставлена последняя точка в реализации плана царя. Утром 27 февраля начался мятеж в резервных батальонах гвардейских частей. Кавалерийские подразделения, отозванные с фронта, не прибыли в столицу. В то же утро правительство князя Голицына перестало существовать.